

Николас Хаммонд История Древней Греции

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613825
История Древней Греции / Пер. с англ. Л.А. Игоревского.: Центрполиграф; Москва; 2008
ISBN 978-5-9524-3490-5*

Аннотация

Автор, профессор Кембриджского университета, используя труды древнегреческих историков, философов и политиков – Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Аристотеля, Платона и др. произведения древнего эпоса и данные современной науки, воссоздает важнейшие этапы исторического развития Древней Греции, начиная от крито-микенской цивилизации до разгрома Персидской державы и начала периода эллинизма. Текст дополнен иллюстрациями, географическими картами, схемами сражений.

Содержание

Введение	5
1. Общая характеристика	5
2. Номы и острова	13
3. Изменения с древних времен	19
Книга первая	21
Источники	21
Глава 1	26
1. Зарождение минойской цивилизации	26
2. Минойская цивилизация	28
3. Кносс в 1450–1400 гг	35
Глава 2	38
1. Заселение материковой Греции	38
2. Подъем микенской цивилизации	44
3. Микенский мир в 1400–1200 гг	47
4. Языки и предания микенского мира	55
5. Гомеровские поэмы и микенский мир	59
Глава 3	68
1. Вторжения в материковую Грецию	68
2. Характеристика захватчиков	73
3. Эолийская и ионийская миграции	75
4. Ионийский мир и гомеровские поэмы	80
Книга вторая	83
Источники	83
Глава 1	84
1. Влияние Востока и религия Гесиода	84
2. Возвышение полисов	87
3. Спартанская экспансия	93
4. Другие дорийские полисы	94
Глава 2	97
1. Ресурсы греческой колонизации	97
2. Основные черты колоний	100
3. Колонии на северо-востоке	102
4. Колонии на западе и на юге	104
5. Цели, причины и последствия колонизации	107
Глава 3	111
1. Торговля с Востоком	111
2. Острова в роли посредников	113
3. Рынки Истма	114
4. Центры обмена	115
5. Изобретение и распространение монет	116
Глава 4	119
1. Войны за территорию и за гегемонию	119
2. Военные державы центральной Греции	120
3. Характер ранних войн	121
Глава 5	123
1. Кризис царской власти	123

2. Аристократия	124
3. Тирания на материке	127
4. Тирания на Западе и на Востоке	131
Глава 6	133
1. Афинское государство до 600 г	133
2. Юридические и экономические реформы Солона	136
3. Государственные реформы Солона	138
4. Принципы Солона и правление Писистрата	141
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Хаммонд

История Древней Греции

Посвящается моим родителям

Введение

География греческого полуострова и островов

1. Общая характеристика

Климат Средиземноморского региона умеренный, ему не свойственны ни зимние холода Европы, ни летняя жара Африки. Его умеренный характер объясняется влиянием моря, благодаря которому зимой в Средиземноморье господствуют несильные западные ветры, несущие влагу с Атлантики, а летом – сухие и прохладные северо-восточные ветры, в древности называвшиеся этесийскими. Классический средиземноморский климат наблюдается в тех областях, где влияние моря ощущается сильнее всего – на островах, полуостровах и узких прибрежных низинах. Но чем дальше от моря, тем больше климат утрачивает умеренный средиземноморский характер и становится похож на континентальные климаты Европы и Африки. Следовательно, область средиземноморского климата не определяется широтой. Например, в Греции климат такого материкового полуострова, как Аттика, больше похож на климат Халкидики и Арголиды, чем соседней материковой Беотии. Так же и в пределах всего Средиземноморского региона прибрежные низины Испании, Франции, Италии и Греции имеют больше общего с аналогичными побережьями Малой Азии, Сирии, Палестины, Киренаики и Туниса, чем с соседними внутренними областями.

Область средиземноморского климата задавала направление, а также ограничивала распространение микенской культуры, а позже – финикийских и греческих колоний – приморскими районами Средиземного моря, препятствуя их проникновению во внутренние территории Македонии и Сирии, так как все эти приморские районы благоприятны для одного и того же образа жизни. Летняя засуха, наступающая после зимних дождей и солнца, обеспечивает длительный период вегетации, необходимый для созревания оливок, винограда и инжира, и способствует разведению зерновых. Преобладание солнечных дней в сочетании с мягкой зимой и теплым сухим летом стимулирует энергию населения и благоприятствует жизни на открытом воздухе. Люди, привыкшие к таким условиям на низинах Крита, Греции и Финикии, а затем вынужденные искать новые земли, естественно, обращали свои взоры на страны, благословенные средиземноморским климатом.

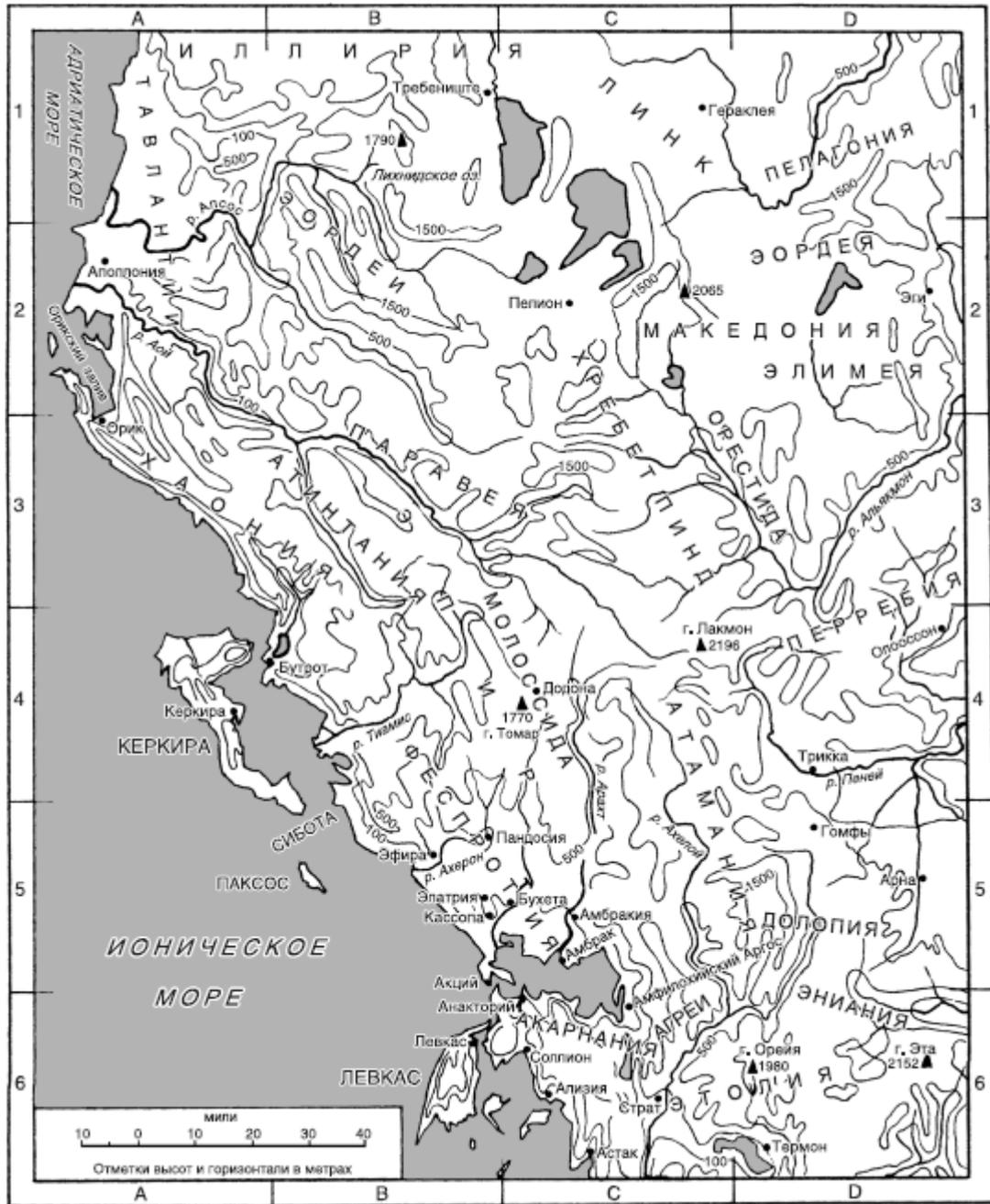

Рис. 1. Северо-западная Греция

Рис. 2. Северо-восточная Греция

Большую часть территории материковой Греции занимают горные кряжи. Самые высокие из них, протянувшиеся на юг вплоть до Аркадского горного плато на Пелопоннесе, находятся в зоне континентального климата. Эти кряжи, обычно покрытые лесами и кустарниками или же выветрившиеся до голых известняковых и мраморных утесов, мало заселены, но, тем не менее, играют важную роль в экономике Греции. Прежде всего на низинах, в отличие от гор, долгим засушливым летом невозможно пасти скот. Огромные стада овец ежегодно в апреле и мае перегоняют с низин в горы и осенью возвращают обратно. В горах разводят также крупный рогатый скот, коз и свиней. Таким образом, в горных областях занимаются производством мяса и молочных продуктов, которые в сочетании с зерновыми, оливками, фруктами, бобовыми и овощами с низин образуют сбалансированное питание. Кроме того, в горах добывают дерево для топлива и для строительства, в том числе сосну, кедр и

кипарис, идущие на кораблестроение, и дуб, служащий источником сырья для производства краски, дубильного экстракта и желудей на корм свиньям. Жители гор, обитающие в редких деревушках и поселениях, сохраняют физическую выносливость и крепость духа, которых их сородичи с низин лишаются вследствие расслабляющего климата и уровня жизни.

Основная часть населения сосредоточена на низинах, в крупных селах и городах и занимается сельским хозяйством, рыболовством и торговлей. Плодородные равнины многочисленны, но невелики по размерам, и общая доля обрабатываемых земель в Греции ныне составляет лишь 18 процентов ее площади, а в древности была еще меньше. Соответственно, земель, пригодных для обработки, всегда было недостаточно, так как выращиваемые на них зерновые являются важнейшим продуктом питания. В отличие от горных областей греческие низины весьма плодородны, густонаселенны, пользуются всеми выгодами умеренного климата и обеспечивают легкий доступ к морю. Цивилизация на низинах развивалась гораздо активнее, чем в горах. Но всякий раз, когда равнинное население обнаруживало склонность к упадку, горцы Аркадии, Ахеи, Этолии и северной Греции брали над ними верх благодаря большей энергичности и жизнестойкости.

В течение всей истории Греции равнинные жители испытывали давление со стороны горцев. В горных областях постоянно скапливалось избыточное население, которое искало себе заработок и средства к существованию на низинах. Время от времени более бедные северные племена, привлеченные теплым климатом и сельскохозяйственным потенциалом равнин, устремлялись на юг. Но низины, имея небольшую площадь, сами страдали от перенаселения; их избыточное население, привыкшее к средиземноморскому климату и образу жизни, отправлялось за моря, в страны с аналогичными условиями. Этот цикл не раз повторялся, хотя и не шел непрерывно, в исторические времена – не только в древности, но и в нашу эпоху.

Эгейское море – наиболее благоприятная область Средиземноморья в смысле климата и расположения. Умеренно жаркое лето длится здесь дольше, зима мягче, море богато рыбой, из которой важнейшее промысловое значение имеет тунец. Эгейское море со всех сторон окружено сушей, кроме юга, где цепочка островов отделяет его от собственно Средиземного моря. Его воды особенно благоприятны для мореплавания в летние месяцы с их регулярными утренними и вечерними бризами у побережья и постоянными северо-восточными этесийскими ветрами в открытом море. Среди множества островов земля практически никогда не исчезает из виду. Днем всегда отличная видимость, по ночам ярко светят звезды, а бесчисленные островки и бухточки обеспечивают защиту во время бурь. Приливы здесь слабые, течения почти отсутствуют, а небольшое судно можно спокойно оставить у берега на отмели. Таким образом, Эгейское море летом является естественной колыбелью для примитивного мореплавания. Но греки, тем не менее, опасались коварства моря, так как в окруженных сушей водоемах без предупреждения налетали шквалы, а подветренные берега зачастую оказывались крутыми и скалистыми. Зимой с ее частыми штормами плавание становится крайне опасным. Даже современный каик, оборудованный навигационными приборами и способный идти против умеренного ветра, зимой редко выходит в море.

Ионическое море, омывающее западное побережье Греции, в какойто мере схоже с Эгейским морем. На побережье обеспечивают укрытие Коринфский, Амбракийский и Орикский заливы (ныне залив Влёра), а вдоль берега тянется цепочка островов с многочисленными гаванями. Здесь в летние месяцы прибрежные бризы также благоприятствуют мореплаванию вплоть до Адриатического моря. Но вход в это море, расположенный между островом Керкира, Орикским заливом и «итальянским каблуком», считается опасным из-за северо-восточных этесийских ветров, которые гонят высокую волну по узкой и длинной Адриатике. Однако древние мореплаватели считали прямой путь от Коринфского залива к Сицилии или Италии еще более опасным. К югу море лишено островов и открыто как для

штилей, так и штормов. Корабли в те времена почти никогда не ходили этими водами в Африку. Они предпочитали следовать вдоль цепочки островов к Азии, а оттуда вдоль побережья Сирии и Палестины к Египту.

Сразу же за изобретением мореплавания контакты между средиземноморскими странами начали осуществляться в основном по морю.

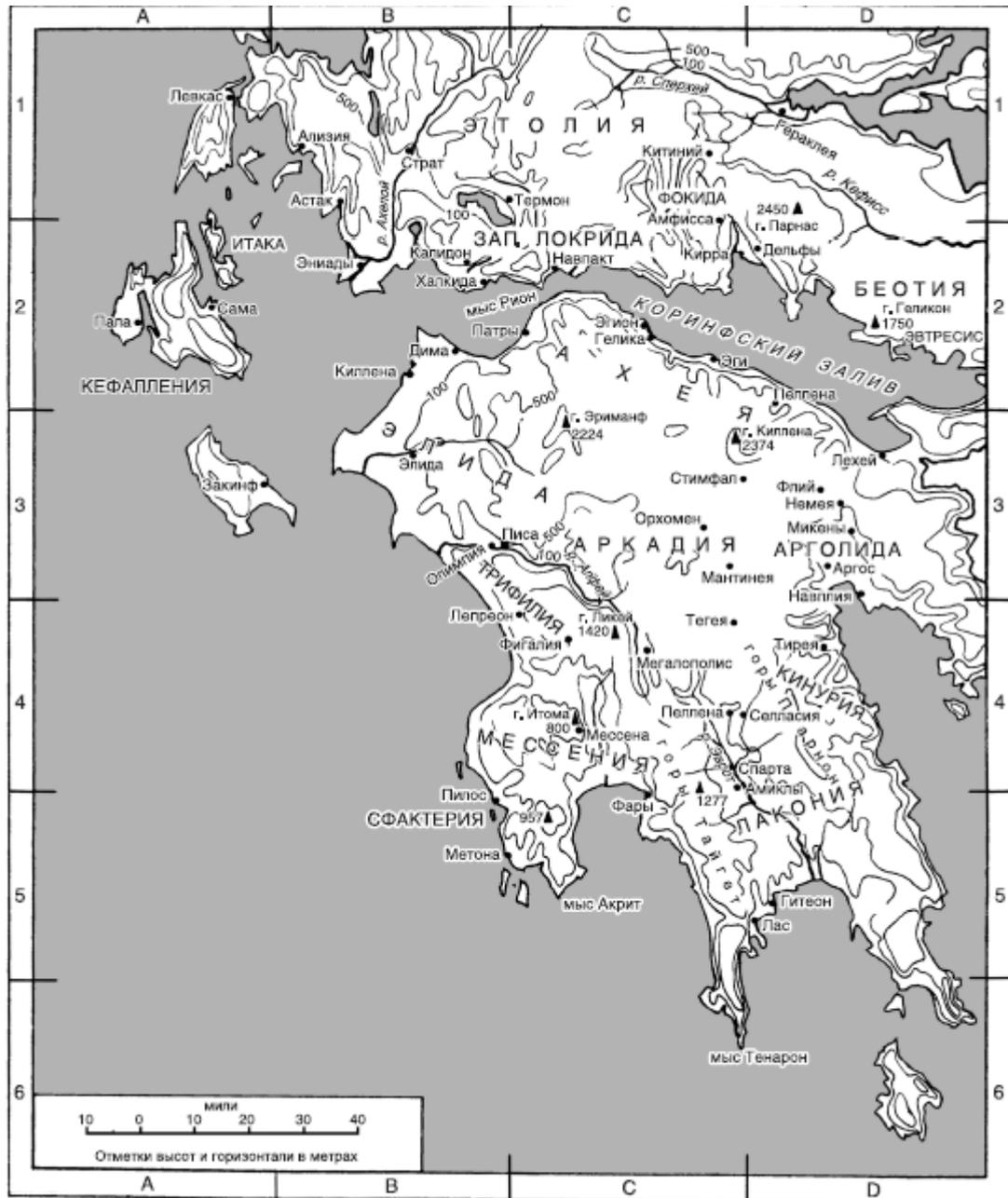

Рис. 3. Юго-западная Греция

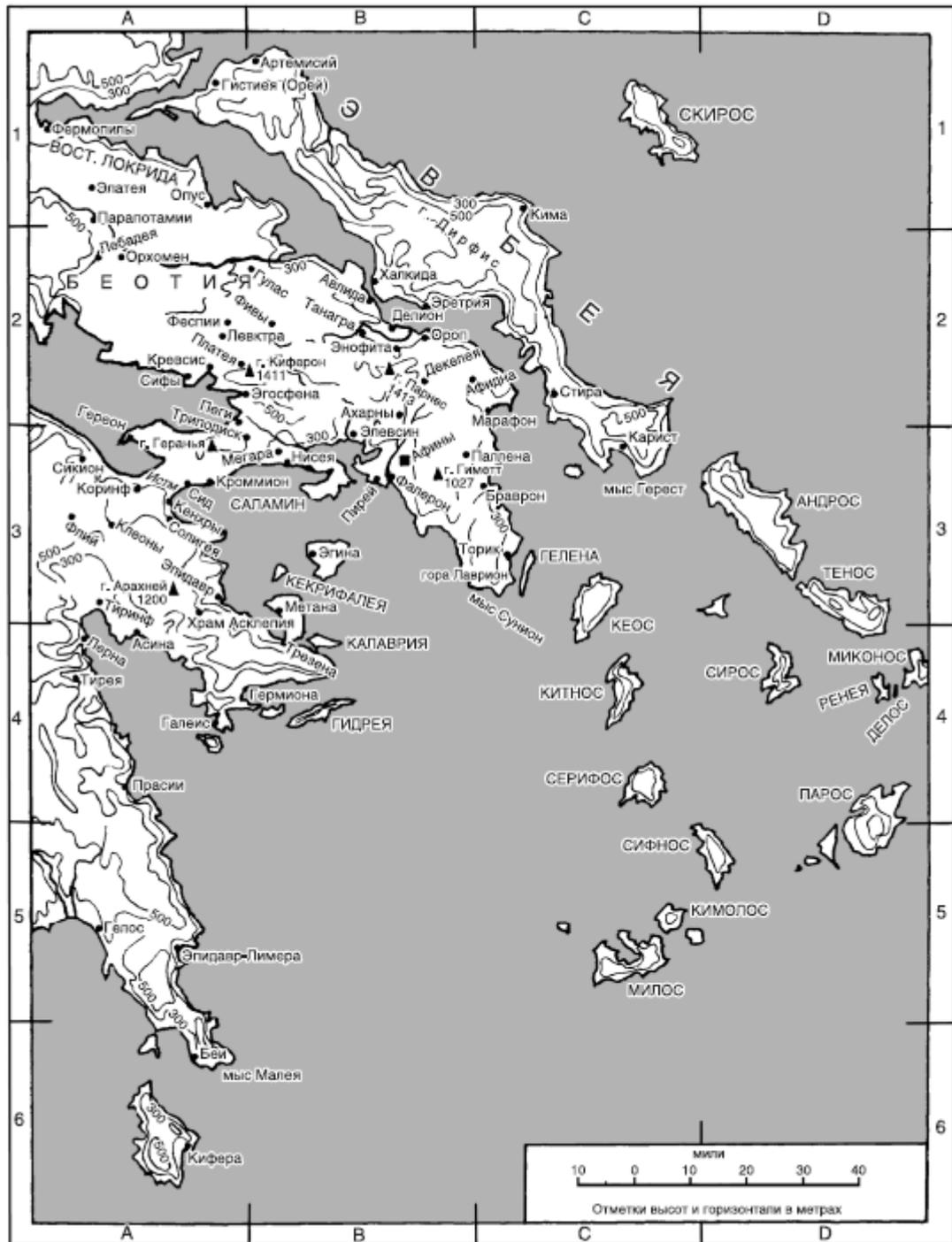

Рис. 4. Юго-восточная Греция

Путь по суше в большинстве случаев оказывался слишком кружным и тяжелым. По Ионическому и Эгейскому морям пролегли основные маршруты с востока на запад и с севера на юг в Восточном Средиземноморье, так как благодаря многочисленным островам и изрезанной береговой линии в условиях примитивного мореплавания они были безопаснее, чем открытые просторы южной части Средиземного моря. Эгейский регион в различные периоды истории видел расцвет различных центров, которые своим возвышением были обязаны главным образом не естественным преимуществам, а географии торговых путей. Когда богатейшим государством Средиземноморья был Египет, возвысились Кипр, Крит и южная Арголида. Когда сфера торговли расширилась на все Западное Средиземноморье

и Черное море, торговым мостом между западом и востоком стал Истмийский перешеек, а важнейшими центрами обмена – прилегающие государства: Эгина, Коринф и Афины. В эллинистическую и римскую эпохи, когда использовались ресурсы восточных стран, на первое место вышли Александрия, Кипр и Родос. Во времена турецкого владычества ведущую роль играли жители островов в центре Эгейского моря. Таким образом, вплоть до развития паромства, Эгейское море являлось важнейшей узловой точкой торговли между Европой, Азией и Египтом.

Главные сухопутные коммуникации Европы проходят в стороне от Греции. Даже при перевозке товаров из Северной и Центральной Европы на юг через Средиземное море в качестве отправных точек всегда выбирают более удобные Марсель и Венецию либо Черное и Мраморное моря. На Балканском полуострове главный путь из Центральной Европы, проходящий по долинам рек Моравы и Аксия (Вардара), приводит к Эгейскому морю в Македонии на берегу залива Термаикос, не заходя на Греческий полуостров. Лучший сухопутный маршрут с восточного берега Адриатического моря к Пропонтиде (Мраморному морю), пересекая Балканский хребет около Лихнидского (Охридского) озера, ведет в Македонию и следует вдоль побережья Фракии к Византию. Таким образом контроль за сухопутными коммуникациями на Балканах, а также за важнейшим выходом Балканских стран к морю находится в руках Македонии. Преимуществами ее положения воспользовались великие македонские цари и римляне периода республики. Итак, Македония находится в центре коммуникаций Греции с материком. Однако греческим государствам никогда не удавалось полностью покорить Македонию, и в итоге они так и не стали военной силой, способной доминировать на Балканском полуострове. Вместо этого они в поисках богатств и власти обратили свои взоры за море.

На самом Греческом полуострове главным препятствием для сухопутных сообщений является южный отрог главного Балканского хребта. Один кряж образует водораздел между Македонией и Албанией, а широкая полоса параллельных горных кряжей, идущих на юг от Пинда к Орею на западе и к Парнасу и Геликону на востоке, отделяет восточную Грецию от западной. Эта область имеет собственную речную систему. К югу от Коринфского залива хребет продолжается высокими вершинами Аркадских гор (Эриманф и Киллена) и оканчивается тремя кряжами: это Эгалея, Тайгет и Парнон. Пересечение этого горного пояса крайне затруднительно. Перевалы редки и высоки. Путнику, движущемуся с восточного побережья на западное, нужно преодолеть не один, а несколько водоразделов. Соответственно, сухопутные маршруты с востока на запад важны лишь для местной торговли и как стратегические пути. Переправлять товары гораздо легче по морю.

Сухопутные коммуникации между северной и южной Грецией стягиваются к бутылочному горлышку Истма, проход по которому еще сильнее сужен из-за массива Геранья. Покинув долину Эвроты на Пелопоннесе, путешественник должен перебраться через гору Парнон на Аргосскую равнину, по невысокому перевалу у Немей выйти к Коринфу и далее к Истму. Оттуда на север ведут два главных пути. Один следует по западной части Греции, где горные гряды тянутся параллельно побережью, через невысокий перевал из Эниад к Орику. Путешественник следует по длинной низине (включающей озера Акарнании) к Лимнее и Амфилохийскому Аргосу, а затем по узкому кряжу, поднимающемуся над Амбракийским заливом, в Амбракию и Эпир; далее он пересекает несколько вытянутых параллельно побережью долин через Додону и Атинтанию и спускается в долину Аоя (Вьосы) в сторону Аполлонии или поворачивает на запад к Орикскому заливу. Другой путь на север начинается от Истма и проходит по восточной стороне полуострова, где второстепенные кряжи идут не параллельно, а под прямыми углами к основному хребту. Эти кряжи делят восточную Грецию на множество номов, определяя направление рек, текущих на восток, к Эгейскому

морю, и являются препятствием для путешественника, движущегося на север от Истма к Македонии.

Из этих двух путей восточный более труден. Но он гораздо важнее западного, поскольку соединяет стратегически важные Истм и Македонию. Ни тот ни другой путь не годится для перевозки товаров. Почва здесь в основном каменистая, а холмы скалистые, что затрудняет передвижение лошадей, которых в древние времена не подковывали. Вьючными животными служили пони и мулы, а для пахоты чаще применяли быков, чем лошадей. Даже в наше время колесный транспорт мало используется, за исключением шоссе и низин. В древности дорожная сеть была развита в отдельных областях, таких, как Арголида, Аттика и Македония, а главная дорога проходила по Истму. В остальных же местах товары доставлялись в основном на вьючных животных, и любую торговлю на дальние расстояния было проще и дешевле осуществлять морем.

Описанные нами особенности Греции верны почти для всех номов материковой Греции и многих островов. Можно сказать, что каждый ном представляет собой поперечный разрез Греции, включая нагорье, низину и побережье. Например, в Лаконии, Аттике и Акарнании имеются плодородные равнины и оливковые рощи в низинах, так же как и летние пастбища и заросшие лесом горы. То же справедливо и для таких островов, как, например, Кефалления, Крит и Родос. В каждом номе и на многих островах зачастую есть несколько небольших равнин, каждая окружена собственными нагорьями и низинами. Каждый ном или остров, и даже более мелкие области в их границах, самодостаточны в смысле производства продуктов первой необходимости. Эта особенность благоприятствовала возникновению многочисленных государств, которые в основном могли сами обеспечивать себя важнейшими товарами.

Сами номы резко различаются по характеру и ландшафтам, отчасти под влиянием климатических факторов. Влажные западные ветры приносят дожди в основном на западный склон главного водораздела, который образует центральный хребет полуострова, и благодаря этому в Амбракии выпадает 1082 мм ежегодных осадков, в Пагасах – 549 мм, в Патрах – 673 мм, в Афинах – 406 мм, в Элиде – 858 мм, а в Тиринфе – 508 мм. Поэтому в западной Греции более густые леса, лучшие пастбища и не такое яркое солнце, как в восточной Греции. Кроме того, на греческих низинах становится все жарче по мере продвижения на юг; температуры достигают максимума на обращенных к югу равнинах Мессении, Крита и Кипра. Наконец, благодаря влиянию моря на островах и в полуостровных районах материка более умеренный климат, чем в других номах Греции.

Геологическое строение Греции также не отличается единообразием. Главный водораздел материка состоит отчасти из известняков и отчасти из вулканических пород, особенно темно-зеленого змеевика, который спорадически встречается и на некоторых островах Эгейского моря, например на Эгине, Милосе, Фере и Нисиресе. Второстепенные хребты западной Греции известняковые; эта формация полукругом продолжается по внешним островам Эгейского моря от Крита к Родосу и далее к прилегающему побережью Малой Азии. Второстепенные хребты восточной Греции состоят частично из известняков и частично из кристаллических пород, в том числе мрамора и различных минералов; продолжаясь, эти хребты образуют острова центральной части Эгейского моря и противоположный берег Малой Азии. Между этими хребтами и аллювиальными равнинами пролегают пласты флиша (общее наименование песчаников, мергелей, сланцев и конгломератов). Эти пласты, холмистые и покрытые плодородным детритом (обломочным материалом), в восточной Греции шире, чем в западной, и благодаря им на некоторых островах Эгейского моря есть места, пригодные для земледелия. Влияние этих факторов будет проиллюстрировано в нижеследующем обзоре областей Греции.

2. Номы и острова

Внутренние области Эпира орошаются реками Аой (Вьоса) и Арахт, которые зарождаются в центральном массиве хребта Пинд у горы Лакмон. Здесь преобладает континентальный климат, население отличается здоровьем. Благодаря горам и обильным дождям много лесов и пастбищ, но обрабатываемые земли редки; в древности эта страна славилась скотом, овцами, лошадьми и козами. В центре страны плато Додона. Здесь главный путь из Амбракии к Орику пересекается с дорогой на восток через гору Лакмон в Фессалию. С запада от хребта Пинд находятся четыре высоких известняковых кряжа параллельно береговой линии, отрезая внутренние области от Ионического моря. Непосредственно к морю выходят лишь плодородные равнины Бутрота и в низовьях реки Ахерон, а также небольшая равнина по реке Тиамис. Эти равнины благодаря средиземноморскому климату дают большие урожаи оливок и зерновых, которые пользуются спросом во внутренних областях, и поэтому население равнин почти не ведет морской торговли. Самая богатая область Эпира прилегает к северному побережью Амбракийского залива. Для нее характерны высокая влажность и мягкие зимы, и потому здесь обильны посевы зерновых, оливковые рощи, фруктовые сады и пастбища, а также богатые рыбой лагуны. Это естественный рынок сбыта для продукции центрального Эпира, и торговый оборот портов здесь самый большой на всем западном побережье.

К восточному берегу Амбракийского залива выходит небольшая прибрежная равнина и покрытые густым лесом холмы Амфилохии, сложенные из песчаника. Они дают древесину и служат убежищем диким свиньям. Стратегическое значение Амфилохии заключается в контроле над путями из Эпира на юг. Акарнания, расположенная на полуострове, где средиземноморский климат сочетается с обильными дождями, богата пастбищами и плодородными равнинами вокруг Страта и Эниад. Известняковые кряжи своим строением напоминают хребты Эпира и тянутся на юг к Коринфскому заливу. Акарняне не занимаются мореплаванием. Как и эпироты, они зачастую отстают в культурном и политическом развитии.

Границы Верхней Македонии образованы высокими горными хребтами. Ее обширные плато, сложенные флишем, отделяются друг от друга менее высокими кряжами и имеют сток либо в озера, либо в реки Акий, Лидий и Альякмон, которые пробиваются сквозь кольцо гор, окружающих плодородную равнину Нижней Македонии, и впадают в залив Термаикос. Климат Македонии континентальный, ему свойственны суровые северные ветры зимой и сильная жара летом. И климатом, и ландшафтами Македония более схожа с Балканскими странами, чем с Греческим полуостровом. Благодаря обилию леса, скота, лошадей, овец, зерновых и виноградников ее население, закаленное крестьянским трудом, более велико, чем в любой другой области Греции. Торговые пути из глубины страны сходятся на прибрежной равнине. Лучшие гавани на побережье залива Термаикос расположены на полуостровах Халкидики, имеющих средиземноморский климат; их продукция – оливки, фрукты и лес, пригодный для кораблестроения.

Доступ в Фессалию, отделенную от Македонии высоким пиком Олимпа и более низким Камбунийским кряжем, осуществляется с севера либо через Темпейскую долину, затененную платановыми рощами, либо по перевалам к западу от Олимпа. Широкие равнины Фессалии окружены кольцом гор; самые низкие из них отделяют равнины от моря, и вследствие этого реки текут на север, впадая в Пеней, орошающий Темпейскую долину. Климат равнин континентальный, так как массивы Осса и Пелион препятствуют влиянию моря, но зимы здесь не так суровы, как в Македонии. Богатые почвы равнин способствуют обильным урожаям зерновых и большому поголовью породистых лошадей, скота и овец, которые

пасутся летом в основном в предгорьях и на альпийских склонах северо-западной Фессалии. Равнины делятся предгорьями на четыре области с центрами в Ларисе, Трике, Арне и Фивах. Кристаллические хребты Магнесии богаты лесом, пастбищами, оливками, фруктами и орехами. Плодородные прибрежные равнины Фтиотиды имеют средиземноморский климат и соответствующее хозяйство; они выходят к закрытому со всех сторон Пагасскому заливу и Эвбейскому проливу. Хотя в горах растет лес, пригодный для кораблестроения, фессалийцы классического периода были сельским народом, не занимавшимся вывозом своей продукции.

Кратчайший путь на юг проходит по высокому перевалу через гору Отрис. Более долгий путь, начинаясь от Гала, проходит по побережью. Оба они выходят на аллювиальную равнину Малиды, плодородную и отличающуюся мягким климатом. Протяженная долина реки Сперхей тянется через холмистые Энианию и Этею, где преобладают пастбища. От истоков Сперхея начинается трудный путь на запад в Амфилохию, пересекающий горный пояс.

Проход в центральную Грецию преграждают хребты Эта и Кнемис. Самый легкий путь проходит по побережью через узкие «ворота» Фермопил и продолжается через Локриду, узкую холмистую полосу с плодородными равнинами в Тронии и Опусе, выходящими к Эвбейскому проливу. Внутренний путь ведет к высокому отрогу Эты и выходит на небольшое плато Дориды, где лежат истоки Кефисса. От этого голого, сурового плато на юг ведут два пути: один через Амфиссу к Коринфскому заливу, а второй по долине Кефисса в Фокиду. Ландшафт Фокиды определяется горным массивом Парнас, поднимающимся над узкой долиной Амфиссы на западе и протяженной плодородной долиной Кефисса на востоке. Его более высокие склоны поросли хвойными лесами и пригодны для летних пастбищ, но предгорья пустынные или покрыты колючим кустарником. Южная сторона Парнаса отвесными утесами возвышается над тянущимся с запада на восток ущельем, по которому проходит путь из Левадии к Коринфскому заливу. На северной стороне ущелья у подножия утесов находятся священные Дельфы, контролирующие западный участок пути, который здесь спускается через обширные оливковые рощи Крисы к Итее. Между ущельем и заливом простирается область изрезанных, труднодоступных известняковых гор. Самая богатая часть Фокиды – обильно орошаемая долина Кефисса с плодородными землями и хорошими пастбищами; ее города расположены на самых крайних отрогах Парнаса.

В Беотию, со всех сторон, кроме юго-востока, окруженную горами, можно попасть по узкой долине Кефисса. Ее обширные и плодородные равнины, как и в Фессалии, летом выжжены солнцем, зимой же обильно увлажняются. Две основные равнины отделены друг от друга невысоким кряжем – отрогом горы Геликон. На этом кряже построены Фивы. На богатой северной равнине с центром в Орхомене лежит озеро Копаис, в которое впадает Кефисс. Дно озера известняковое, изрыто туннелями; когда они прочищаются, озеро мелеет. Южную равнину с плодородной почвой пересекает река Асоп, которая протекает по Аттике и впадает в море около Оропа. В древности Беотия славилась зерном, лошадьми, скотом и овцами. Ее население не занималось мореходством, хотя эта страна выходит к Эвбейскому проливу и Коринфскому заливу.

За хребтами Киферон и Парнес начинается полуостров Аттика с типичным средиземноморским климатом. Его иссушенная каменистая земля лучше всего подходит для разведения оливок; меньшее значение имеют виноградники и инжир. Центральную равнину вокруг Афин ограничивают три отдельные горы: Парнес с хвойными лесами и отдельными летними пастбищами на известняковых вершинах, Пентелик, испещренный мраморными карьерами, и Гиметт, на голых западных склонах которого встречается тимьян и другие медоносные травы. С центральной равнины легко попасть на небольшие равнины Элевсина, Марафона и Месогеи; на первой выращивают пшеницу, на остальных – ячмень. Нижние склоны гор и

холмистые побережья поросли вечнозелеными лесами, в которых преобладает низкорослая средиземноморская сосна, служащая источником смолы. Малопригодная для земледелия и скотоводства, Аттика обладает серебряными рудниками в Лаврионе и естественными гаванями, выходящими в Саронический залив и к Кикладским островам. Прибрежная дорога из Элевсина ведет в Мегариду. На небольшой прибрежной равнине ниже Мегары (построенной на голом известняковом выступе) выращивают зерновые и овощи. Внутренняя равнина Мегариды богата виноградом и оливками, а в ее холмистых областях находятся скудные пастбища и леса. Мегарида важна в стратегическом отношении: по ее территории проходит основная дорога из Беотии на Пелопоннес, в Саронический и Коринфский заливы выходят гавани, пригодные для небольших судов.

Вышеописанные номы имеют естественные границы. Между западными и восточными номами тянется горный хребт, центральный массив которого образован горой Лакмон. К северу от этой точки высокие горы сложены преимущественно из змеевика, богаты источниками и покрыты почвой. Их склоны одеты в девственные буковые, хвойные, дубовые и каштановые леса, в которых встречаются медведи и многочисленные волки, а выше начинаются обширные альпийские пастбища, где летом пасутся неисчислимые овечьи стада из Эпира, Македонии и Фессалии. К югу от горы Лакмон проходит широкий пояс известняков, представляющий собой лабиринт высоких хребтов. Через него к Коринфскому заливу пробиваются по глубоким ущельям реки Ахелой, Эвин и Дафн. В этой дикой, лесистой стране источником существования для жителей редких деревень служат яровые культуры (в основном кукуруза), скот, орехи и овощи; на нагорьях расположены летние пастбища для овец с низин, простирающихся на восток и запад. Закаленные горцы являются резервом населения, временами выплескивающимся на равнины. Земли этих племен, образовавшихся в древние времена, известны под названиями Атамания, Долопия, Эвритания, Аперантия и Агрея. К югу горный пояс ограничен Коринфским заливом, на берегу которого лежат номы Этолия и Озолийская Локрида. Их внутренние области с континентальным климатом используются под пастбища, а на низинах, выходящих к морю, климат средиземноморский и хозяйство соответствующее. Наиболее плодородные земли лежат к западу от Термона в Этолии и к югу от Амфиссы в Локриде. Но оба нома настолько изрезаны горными хребтами, что путь с запада на восток крайне затруднителен.

Центральный горный район Пелопоннеса, Аркадия, орошается рекой Алфей, которая течет на запад к морю. В этой высокогорной, удаленной от моря области климат континентальный; посевов зерновых мало, вместо них разводят скот, овец, лошадей, ослов и свиней. Наиболее плодородные земли находятся в долинах Тегей, Мантиней, Феней и Стимфала, где расположены также богатые пастбища. Северные склоны гор Эриманф и Киллены, круто спускающиеся к Коринфскому заливу, образуют область Ахея. Здесь в изобилии разводят виноградники, оливки и фрукты, но узкие долины почти лишены плодородных земель. Выше в горах находятся дубовые и хвойные леса, а на протяженном побережье, к западу от узкого входа в Коринфский залив, лежит удобная гавань в Патрах. К юго-западу от Аркадии проходят три параллельных хребта, заканчивающиеся мысами Акрит, Тенарон и Малея. Центральный хребет, Тайгет, и горы Аркадии делят Пелопоннес надвое. На западе полуострова и на южном побережье Коринфского залива осадков выпадает почти вдвое больше, чем на востоке; следовательно, на западе лучше пастбища и более обширные леса, а берег залива особенно подходит для разведения винограда.

Мессения, в которой южный климат сочетается с обильными осадками, весьма богата виноградниками, оливками, инжиром и пастбищами, а аллювиальные равнины западного побережья и долины Памиса заняты под зерновые. Но сухопутное сообщение с соседними областями затруднено, а использование южных портов осложняется частыми штормами у мысов, окаймляющих Мессенский залив. На западном берегу Мессении находится Пилос

с хорошо укрытой бухтой и песчаными пляжами, являющийся поэтому важным портом на морских путях вокруг Пелопоннеса. Дальше к северу лишь в Элиде есть выходящая к морю обширная равнина, известная как Келийская Элида. На этой болотистой низине находятся обширные пастбища для скота, лошадей и овец, а также выращивается зерно. В предгорьях широко распространены виноградники, а вершина горы Эриманф одета в дубовые и хвойные леса. Между Элидой и Мессенией находятся Писатида, орошаемая нижним Алфеем, неподалеку от которой расположена священная Олимпия, и Трифилия, горная, за исключением узкой прибрежной равнины. Эти западные районы Пелопоннеса изобилуют вечнозелеными зарослями маквиса (в которые входят лавр, мирт, земляничное дерево, падуб и можжевельник), что придает этим областям более свежий и приятный облик, чем где-либо в Греции. Сухопутное сообщение на восток плохое. Самый короткий путь через горный пояс от Мессенийской равнины взбирается на гору Тайгет и дальше идет к Спарте; его можно преодолеть за день, но для вьючных животных он труден. Менее тяжелые, но более длинные пути ведут из Мессении и Элиды на плато Мегалополиды, а оттуда на юг к Спарте или через Тегею в Аргос.

На востоке Пелопоннеса Коринфия занимает устье Истмийского перешейка и южные подступы к нему. Поэтому она господствует не только над сухопутной дорогой на Пелопоннес, но и над кратчайшим волоком для грузов и кораблей из Коринфского в Саронический залив, который в древности осуществлялся с помощью катков. На плодородной равнине западной Коринфии выращивают пшеницу, ячмень и прежде всего виноград, но большая часть ее территории – известняки, покрытые редколесьем. Доступ к обоим заливам посредством портов в Лехее и Кенхрах и контроль над Истмом предоставляет Коринфии уникальные возможности для сухопутной и морской торговли. Между Коринфией и Ахеей находится маленький ном Сикиония с плодородным побережьем и лесистыми нагорьями; на юге она граничит с небольшим горным номом Флиасия.

Полуостров Арголида напоминает Аттику очертаниями и климатом. Гора Арахней разделяет ее на две резко различающиеся части. Регионы Эпидаврия, Трезения и Гермioniда, где выращивают овощи, оливки и фрукты, более охотно торгуют с Эгиной и Атикой, чем с Аргосом. Плодородная равнина Арголиды и ее гористые области более самодостаточны. На равнине выращивают озимые зерновые, оливки, виноград, в предгорьях инжир, а на болотистых землях вокруг Лерны и Тиринфа – летние овощи и кукурузу; здесь также имеются пастбища для лошадей и скота. Гавани Навплия и Асина выходят в Критское море. Прибрежный путь на юг проходит через горные регионы Тиреатида и Кинурия в Селласию, где он соединяется с дорогой из Тегеи и далее спускается на центральную равнину Лаконии, «пустой Лакедемон», лежащую между мрачными утесами Тайгета и голыми отрогами Парнона. В течение засушливого лета эта равнина, орошаемая источниками Тайгета и окаймленная оливковыми рощами, плодородна и заманчива, как оазис. Широкий известняковый кряж отделяет ее от болотистого устья Эвроты, где находятся пастбища для лошадей, но нет подходящих гаваней. Юго-западная часть Лаконии славится превосходными оливками; южные склоны Парнона бесплодны, за исключением прибрежных районов, где к морю выходят рощи средиземноморской сосны, а на клочках плодородной земли выращивают зерновые и инжир. Штормистые мысы Тенарон и Малея затрудняют вход в Лаконийский залив, а гавани восточной Лаконии удалены от внутренней равнины, поэтому Лакония, как и Мессения, – в первую очередь сельскохозяйственная страна.

Ионические острова представляют собой вершины подводного известнякового хребта, идущего параллельно западному побережью Греции. Сильные дожди сочетаются здесь с умеренным средиземноморским климатом. Имея лучшие гавани, чем на побережье материка, острова удобны для судоходства и служат посредниками в торговле с материком. Керкира, господствующая над входом в греческие воды, получает больше всего осадков, и здесь

самая высокая плотность сельского населения в Греции. На жирных почвах острова произрастают оливки, виноград и фрукты, избыток которых экспортируется, на лесистых нагорьях расположены летние овечьи пастбища. Густонаселенный остров зависит от ввоза зерна и зимнего фуража для скота. Керкирская гавань, открывающаяся на восток, господствует над проливом и привлекает торговлю из Эпира. Паксос и Антипаксос, безводные, но с многочисленными оливковыми рощами, служат промежуточными пунктами на пути к Левкасу, отделенному от Акарнании узким проливом, который постепенно заиливается и малоприспособен для судоходства. В непогоду этим проливом пользуются, чтобы не огибать белые утесы мыса Левкат. Левкас обеспечивает себя зерном и вывозит оливки, вино, рыбу и соль.

Итака, состоящая из двух гор, соединенных перешейком, почти лишена обрабатываемых земель и пастбищ, но вывозит оливки. Население острова в основном занято мореходством: гавань на восточном берегу и внутреннее положение среди островов позволяют Итаке контролировать вход в Коринфский залив. Кефалления, лежащая восточнее Итаки, – в основном сельскохозяйственный остров; здесь выращивают виноград, зерновые, оливки и фрукты, разводят овец, коз и свиней. Главные экспортные продукты – вино и виноград. От лесов «кефалленской сосны» и рощ маквиса, которые когда-то покрывали высокие горы острова, в наши дни мало что осталось. Более южный каменистый остров Закинф хорошо увлажняется. Его порты выходят к Элиде, с которой остров схож своими ландшафтами и продукцией, а именно пшеницей, вином, овцами и козами. Когда-то обширные леса здесь тоже практически уничтожены.

Из островов Эгейского моря выделяются Эгина и Эвбея, своим расположением удобные для торговли с близлежащим материком. Эгина лежит посередине Саронического залива и господствует над подходами к нему; небольшая укромная гавань острова обращена на запад. Основная продукция острова – свиньи, оливки, а также зерно. В отличие от Эгины скалистый Саламин, расположенный напротив портов Мегариды и Аттики, малозаселен и зависит от материка. На Эвбее, покрытой сосновыми и каштановыми лесами и имеющей обширные пастбища, выращивают зерновые (в основном пшеницу), виноград и оливки. Самая богатая часть острова, Лелантинская равнина, выходит к узкому проливу Эврипос, по которому осуществляется каботажное судоходство, чтобы избежать скалистого восточного побережья сильно вытянутого острова. В южной части Эвбеи имеются месторождения мрамора, свинца и цинка.

К северу от Эвбеи полуостров Магнесия продолжается группой островов Северные Спорады, представляющих собой известняковые массивы, почти лишенные плодородных земель. Население выращивает оливки, имеет давние мореходные традиции. Скиатос, Пепаретос и Скирос обладают превосходными гаванями. Между ними и проливом Геллеспонт (ныне – Дарданеллы) лежат острова Лемнос, Имброс и Тенедос. Лемнос и Имброс состоят в основном из плодородных песчаниковых флишей; на первом производят зерно и вино, второй поставляет дерево и скот. Тенедос экспортирует вино; выращиваются также зерновые. В этой группе островов самая лучшая гавань на Лемносе. Тасос и Самофракия находятся у побережья Фракии. Тасос – богатый остров с умеренным климатом и значительными осадками; его продукция – вино, фрукты, оливки, овцы, мед и древесина, имеются серебряные рудники. Благодаря его положению и естественным гаваням развита торговля с Фракией. Самофракия с ее гранитным пиком и бесплодными берегами покрыта густыми лесами; с острова вывозят древесину, сыр и фрукты.

Киклады, заканчивающиеся на юго-востоке островами Анафи и Аморгос, представляют собой продолжение хребтов Эвбеи и Аттики и являются остановочными пунктами на кратчайшем пути из Греции на Самос и в Малую Азию. Группа островов от Андроса до Наксоса богата мрамором, более южные острова, как и южная Эгина, отчасти вулканические. В древности на Сифносе добывали золото и серебро. Все Киклады гористые и похожи

на Аттику климатом и хозяйством: производятся оливки и вино, зерна не хватает. Наксос и Милос, имеющие крупные пастбища, вывозят сыр. В центре этой группы лежат Делос и Сирос, которые в различные времена служили обменными рынками. Более южные Милос и Фера – важные остановки на прямом маршруте от Пелопоннеса в юго-восточную часть Эгейского бассейна. Внешние Эгейские острова образуют продолжение западногреческого известнякового пояса, идущего полукругом к карийскому побережью Малой Азии.

Кифера и Антикифера лежат между Лаконией и Критом, крупнейшим из греческих островов. Вдоль всего Крита проходит высокий хребет, который в древности покрывали леса из кипарисов, кедра, сосны и дуба. Лучшие порты острова находятся на северном берегу, поэтому можно сказать, что Крит выходит на Эгейский архипелаг, а не в открытые просторы Средиземного моря. Благодаря разнообразию ландшафтов и продукции остров живет на самообеспечении, и даже в наши дни его торговый баланс положительный: вывозятся виноград, вино, оливки, фрукты, орехи, шкуры и древесина. Наиболее плодородные земли находятся на жаркой равнине Гортина и Феста; к северу от этой равнины седловина в хребте выводит к порту Ираклион и к пологим холмам, на которых расположен Кносс. Сухопутное сообщение с высокогорными плато, где производят сыр и зерно, а также с западной равниной в Сидонии и восточной равниной в Ситии затруднено. К востоку от Крита на пути к Родосу лежат Касос и Карпатос. На этих островах благоприятный климат: долгое жаркое лето умеряется западными ветрами. Основное занятие жителей засушливого Касоса – рыболовство, в то время как Карпатос экспортирует оливки, вино и фрукты, но ввозит зерно. На Родосе в значительном количестве выращивают зерновые, вывозят оливки, вино, фрукты, овощи и мед. Гора Атабирис, заметный ориентир для моряков, в прошлом была покрыта кипарисовыми и хвойными лесами, использовавшимися для кораблестроения. Гавани острова, расположенные на его восточном берегу, не только контролируют вход в Эгейское море, но и являются точкой пересечения морских путей из материковой Греции и с островов, из Финикии и с юго-востока, и из Геллеспонта вдоль побережья Малой Азии.

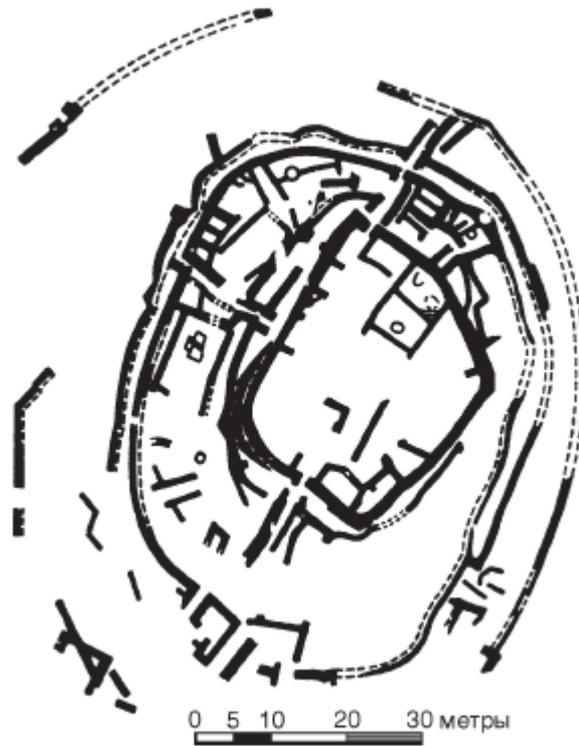
Последний путь проходит мимо островов, окаймляющих побережье Малой Азии. Самые богатые из них – Лесбос и Хиос; продукция первого – оливки, вино, инжир и древесина, второго – вино, инжир и смола мастикового дерева; на обоих в значительном количестве выращивают зерновые, а горы изобилуют лесами и пастбищами. Самос поставляет вино, оливки и фрукты, Икария – скот и мед, а население мелких островов, сгруппированных вокруг Коса, живет главным образом за счет моря. Юго-восточнее за пределами Эгейского моря лежит Кипр. Его небольшие гавани являются важными пунктами на прибрежном пути из Египта в Эгейский бассейн и господствуют над побережьями Киликии и Финикии. Промежуточное положение Кипра отражается в смешанном происхождении его населения, которое является потомками греков и жителей соседних азиатских стран. Природные богатства острова всегда привлекали поселенцев. Остров, богатый медью и древесиной, пригодной для кораблестроения (в первую очередь это кедр, кипарис и сосна), в значительном количестве экспортирует зерно, а в древности славился фруктами и инжиром. Равнина, простирающаяся в глубь острова от Саламина, как и Фестская равнина на Крите, в летние месяцы подвержена иссушающей жаре и своим климатом больше напоминает побережье Ливии.

3. Изменения с древних времен

Современному путешественнику Греция представляется довольно пустынной и бесплодной страной. В древности она была намного более лесистой. Лесные покровы и рукотворные террасы на горных склонах задерживали осадки. Микенские народы потребляли много мяса, да и в более поздние времена дичь изобиловала даже на Пелопоннесе. Когда ее стало мало, в северной Греции по-прежнему разводили крупные стада скота и породистых лошадей. Повсеместно была распространена культура выращивания оливок и виноградарства. Начиная с V в. до н. э.¹, когда на равнинах начало интенсивно развиваться сельское хозяйство, орошение, вероятно, осуществлялось более умело, чем сегодня, и, например, население Беотии тогда было многочисленнее. Резкий упадок производительности начался в позднеримскую эпоху и усугубился в период турецкого владычества, когда производилась бесконтрольная вырубка лесов, козы обгладывали молодые деревья, а в сельском хозяйстве господствовали примитивные методы. Ускоренными темпами шла эрозия. Сильнее всего от нее пострадала западная Греция, открытая влажным ветрам, так как почва там смывалась дождями, оставлявшими лишь голый известняк. Например, большая часть западного Эпира и западной Мегариды, когда-то процветавших, сейчас почти незаселена. Аналогичные последствия заметны и в восточной Греции, например в южной Эвбее и на горе Гиметт.

Ускоренная эрозия местами также изменяла береговую линию. Дельты за счет приносимого реками материала отвоевывали пространство заливов Термаикос и Малийского, а благодаря сходящей с гор почве расширилась береговая полоса в Фермопилах и Петах. Прежде судоходные реки ныне загромождены валунами, поэтому до Пеллы в Македонии и до Амбракии в Эпире уже нельзя добраться на судне. Расширение суши во многих местах более чем компенсировало подъем уровня моря (а возможно, опускание суши) примерно на полтора метра с V в. Но сильнее всего на процветание Греции повлияло открытие Нового Света и морских путей на Дальний Восток, а также изобретение парохода, после чего Средиземное море перестало быть центром мировой торговли, и даже в его пределах важнейшие морские пути из Александрии к Гибралтарскому проливу проходят южнее Греческого полуострова.

¹ Здесь и далее все даты, кроме особо оговоренных, относятся к периоду до новой эры. (Примеч. пер.)

Укрепленный акрополь в Димини (Фессалия). Поздненеолитический период

Книга первая

Раннегреческие цивилизации и великие переселения (ок. 6000—850 гг.)

Источники

Своими знаниями о доисторическом периоде, простирающемся от истоков минойской и микенской цивилизаций до конца эпохи великих переселений, мы в большой степени обязаны археологическим открытиям, которые облекли в материальную форму мифы и легенды, дошедшие до нас благодаря устной греческой традиции. Основным источником археологических данных – раскопки мест, на которых благодаря столетиям людской жизнедеятельности вырос большой культурный слой: строительные обломки, остатки посуды, орудий и т. д. Этот слой разделяется на отдельные уровни (страты); предметы, найденные в одном уровне, считаются принадлежащими к одному времени. Таким образом, из раскопа с четко различающимися уровнями извлекают группы предметов из отдельных эпох, которые, подобно бусинам, нанизанным на нить, образуют хронологическую последовательность и дают возможность реконструировать историю данного места. Если, скажем, в пятом уровне над девственной почвой широкий слой золы, а в шестом – оружие, фундаменты домов и посуда нового стиля, можно заключить, что в этот момент времени поселение претерпело катастрофические перемены. Соответственно нумеруются и поселения на данном месте, например Троя I, Троя II и т. д.

Когда в нескольких стратифицированных раскопах обнаруживают аналогичные предметы, то делают вывод, что данные поселения принадлежали одной цивилизации. Например, при раскопках Филакопи на Милосе была обнаружена последовательность ряда культур, а предметы, характерные для этих культур, были найдены и в других местах на Кикладах. Это дало основания создать концепцию кикладской цивилизации. Известны и другие региональные цивилизации: минойская (на Крите), элладская (в материковой Греции), фессалийская, македонская и т. д. Историю региональной цивилизации можно по тому же принципу, что и историю конкретного места, разделить на периоды и подпериоды, например 1-й раннеминойский или 3-й позднеэлладский. Когда предметы, характерные для одной региональной цивилизации, обнаруживают в стратифицированном раскопе другой региональной цивилизации, делается вывод о существовавших между ними контактах и проводится хронологическая корреляция, скажем, что 3-й позднеминойский и 3-й позднеэлладский периоды начались в одно и то же время. Таким образом выстраивается синхронистическая таблица региональных цивилизаций. В некоторых местах она зияет пробелами, в других сомнительна отчасти из-за того, что между данными цивилизациями по какой-то причине контакты прекратились, отчасти из-за того, что не раскопано достаточное количество стратифицированных мест. Даже в самом лучшем случае археологические отметки на шкале времени не являются точными, так как археология в основном занимается лишь «мусором»; так, орудие или украшение, найденные в одном уровне с разбитым горшком, «современны друг другу» лишь в том смысле, что оказались в земле в одно и то же время, а не были одновременно сделаны.

Переходя от региональных цивилизаций к более широким понятиям, мы приходим к традиционному делению на неолит (новокаменный), бронзовый и железный века. Они

названы так по материалу, из которого в основном производились орудия, – камню, бронзе (или меди) и железу. Но эти века не имеют четких хронологических рамок и всеобщего характера. Например, бронзовые орудия появились в разных регионах в разное время, а некоторые отсталые народы и по сей день пользуются каменными орудиями. Даже в пределах одной Греции бронзовый век начался не одновременно во всех областях. Кроме того, существует некоторый простор для интерпретаций, когда региональная цивилизация переходит от использования камня к использованию бронзы, как в случае Фессалии. Тем не менее разделение на неолит, бронзовый и железный века очень удобно для сопоставления региональных цивилизаций, и мы в дальнейшем будем его придерживаться.

Чтобы связать всю структуру археологических находок с нашей хронологией, используют письменные источники Египта, Вавилона и Малой Азии, содержащие списки царей с указанием годов правления, которые можно перевести в нашу систему летоисчисления. Так, известно, что Аменхотеп III правил в Египте в 1412–1376 гг. Печати и скарабеи его супруги, царицы Ти, найдены на Крите среди посуды 2-го позднеминойского периода и в Микенах среди посуды 3-го позднеэлладского периода. Следовательно (принимая во внимание и другие факты), переход от 2-го позднеминойского к 3-му позднеминойскому и от 2-го позднеэлладского к 3-му позднеэлладскому периодам относится приблизительно к 1400 г. Подобные предметы ближневосточного происхождения и, соответственно, эгейские предметы, найденные в странах Ближнего Востока, являются связующими звеньями в хронологической структуре. Их наличие на Крите в минойский период позволяет осуществить достаточно надежную хронологическую привязку, но из-за того, что они редко встречаются на материке, особенно на севере, хронология древнейших периодов этих областей остается неясной. Когда они отсутствуют, например в ранний железный век, мы получаем группу нечетко привязанных друг к другу региональных цивилизаций без какого-либо указания на их место на хронологической шкале. В подобных ситуациях иногда прибегают к стилистическим критериям в предположении, что развитие стилей тоже поддается датировке. Но это неизбежно увеличивает вероятность ошибки. Она может быть уменьшена лишь благодаря новейшим методам. Один из них, радиоуглеродный, основанный на измерении доли радиоактивного изотопа углерода C_{14} в дереве при известной скорости уменьшения этой доли, позволяет провести абсолютную датировку, но, однако же, не со стопроцентной точностью. Такая точность никогда не будет достигнута. Выше приведена сводная таблица хронологии Греции по современным представлениям. Все даты в ней более или менее условны и отнюдь не являются общепризнанными.

Таблица²

² 2-й позднеминойский период входит в состав 1-го позднеминойского; он наблюдался только в Кноссе и соответствует последним 50 годам 1-го ПМ периода.

3000	Неолит	Крит	Киклады	Материк		Троя	3000
		Начало неолита, 6100	Начало неолита, 3500	Начало неолита, 6200			
2000	Бронзовый век	Раннеминойский	Ранне-кикладский	Раннеэлладский	Неолит продолжается в Македонии и Фессалии		Троя I
						Троя II	2400
		1-й и 2-й среднеминойский	Средне-кикладский	Среднеэлладский		Троя III—V	2000
		3-й среднеминойский				Троя VI	1800
1500	Железный век	1-й и 2-й позднеминойский ¹	Поздне-кикладский	1-й позднеэлладский		Троя VII A	1600
				2-й позднеэлладский			1500
				3-й позднеэлладский			1400
		3-й позднеминойский			1300		
850	Железный век	Субминойский		Афины Субмикенский	Коринф	Лакония	1125
				Протогеометрический	Протогеометрический	Протогеометрический	1075
		Протогеометрический	Протогеометрический	Геометрический	Геометрический		1000
				Геометрический	Геометрический		900
850						850	

Изучение языков дает обильную пищу для этнологии. Филологи установили, что Грецию до появления индоевропейских грекоязычных племен населяли неиндоевропейские народы. Археологи и филологи в целом приходят к выводу, что центры расселения, откуда две эти группы народов направились в Эгейский бассейн, вероятно, находились в южной России и Верхней Армении. В данной книге, которая освещает главным образом историю Греческого полуострова, первые именуется народами нордического, а вторые – средиземноморского типа.

Детальные реконструкции передвижения этих народов в доисторический период в большой степени основаны на интерпретации археологических находок. Такая интерпретация крайне рискованна. Например, затруднительно определить, обязано ли торговым связям или переселениям народов широкое появление предметов, характерных для одной региональной цивилизации, на территории другой цивилизации. В историческое время эллинизация Македонии произошла благодаря торговле, а эллинизация азиатских стран – вследствие завоеваний; но, если полагаться исключительно на данные археологии, такое различие будет трудно определить. Однако имеются критерии, указывающие на смену населения области или данного места: новые погребальные обряды, новый тип планировки домов, следы пожаров, выше которых появляются новые орудия и оружие, иной физический облик жителей. Четко придерживаясь подобных критериев, историки в целом соглашаются, что на Крите

не наблюдалось крупномасштабного притока населения в период с 2700-го по 1330 г. и что в восточной части материковой Греции не было крупномасштабных вторжений в период с 1700-го по 1150 г. Но малозначительные передвижения и даже крупномасштабное мирное проникновение новых народов трудно вычислить археологическими методами, особенно если пришельцы обладают отсталой культурой и быстро ассимилируются цивилизацией хозяев региона.

Имеет значение также учет климатических факторов. Первобытные народы не склонны к переселению из одной климатической зоны в другую, потому что тогда разрушается их экономика. Если им все же приходится переселяться, они с большей вероятностью осядут по дороге, в области переходного климата. При массовых миграциях или колонизациях мигранты или колонисты стараются найти страну, климатом похожую на их родину. Иллюстрацией служит миграция из материковой Греции на западное побережье Малой Азии. Эолийцы выбрали северный сектор побережья, дорийцы – южный, а ионийцы – центральный; на их выбор, очевидно, повлияли климат и ландшафты тех областей, из которых они прибыли. Так же и минойцы, микенцы, финикийцы и греки колонизировали лишь прибрежную полосу Средиземноморья. Поэтому предположение, что средиземноморские народы могли селиться в областях с холодным климатом, таких, как внутренняя Македония и Сербия, опровергается аргументами географии и историческим опытом.

Устные предания народов Греции уходят корнями в далекое прошлое, но на этом основании ими не следует пренебрегать. Их содержание отчасти дошло до нас благодаря сочинениям авторов раннего классического периода, особенно Гомера, Гесиода, Геродота и Фукидида. Иногда устные предания четко подтверждаются археологическими находками. Теперь нам известно, что объекты и события, описанные Гомером, действительно были по крайней мере за триста лет до Гомера. Предания о происхождении греческих народов и других племен вполне соответствуют археологическим находкам и выводам, сделанным филологами на основе изучения диалектов, названий и т. д. Следовательно, мнение о том, что устные предания в целом содержат указания на реальные исторические факты, хорошо обосновано.

Очевидно, что реконструкции доисторического периода всегда были и будут спорными по своему характеру и приблизительными в деталях. Тем не менее границы установленных фактов становятся все точнее, а приближения – все уже. Любая реконструкция всегда была и будет не только преждевременной, поскольку нас всегда ожидают новые находки, но и личной, так как она основана на личной оценке разнообразных возможностей. Автор данного труда, в частности, больше, чем многие его коллеги, доверяет преданиям, которые донесли до нас ранние греческие авторы. Вероятно, это предостережение необходимо сделать, потому что наш рассказ не обойдется без нередких оценок и поправок, продиктованных осторожностью.

Изображение князя или царя-жреца на фреске в Кноссе. Ок. 1400 г.

Глава 1

Заселение островов Эгейского моря и минойская цивилизация

1. Зарождение минойской цивилизации

Самое раннее неолитическое поселение на Эгейских островах, обнаруженное в Кноссе на Крите, радиоуглеродным методом датируется приблизительно 6100 г. Переселенцы принесли с собой давнюю традицию гончарного дела и после недолгого периода лагерной жизни стали строить дома из обожженного кирпича. Эти дома имели фундаменты из камня и кирпича, стены из обожженного кирпича и плоские крыши из хвороста, обмазанного глиной; пищу готовили на костровых ямах и в сводчатых печах, зерно мололи каменными жерновами или в ступках. Первые жители Кносса использовали обсидиан, вероятно вывозившийся с Милоса; эта стекловидная вулканическая порода, расщепляющаяся, как и кремнь, на слои с острыми кромками, была важным материалом для орудий. Делали они также антропоморфные фигурки из глины и камня. Где находились истоки этой ранней цивилизации, неясно, но, видимо, она не была родственна цивилизациям материковой Греции и, следовательно, происходила не из Малой Азии. После довольно долгого времени использование обожженного кирпича прекратилось, возможно, потому, что климат стал менее влажным, и стал применяться необожженный кирпич. Начали строить более крупные дома, обычно с двумя комнатами и внешним мощеным двором; в последних слоях 1-го раннеолитического периода, который закончился около 5100 г., находят большое количество фигурок, а также наконечники булав. В следующий период, 2-й раннеолитический, поселение преобразовалось в город с регулярной планировкой, что видно из ориентации стен, которые оставались на одном месте в течение средней позднеолитического периода. К концу этого периода цивилизация достигла высокого уровня развития, о чем свидетельствуют крупные здания со множеством комнат, мощеными дворами и большими очагами, не имеющие аналогов на материке или в других местах Крита, где найдено лишь несколько поздних и мелких поселений. Киклады также были незаселены до конца этого периода, и даже тогда лишь на некоторых из них появились небольшие группы людей. Уникальность неолитического Кносса помогает понять своеобразную природу поздней минойской цивилизации, которая явилась результатом смешения иммигрантов из Малой Азии, до начала бронзового века нигде не создавших ничего подобного, и умелого и опытного неолитического населения Кносса.

Ранний бронзовый век (3000–2000) начался с волн иммиграции, в ходе которых были заселены Киклады, а также восточный и центральный Крит. Судя по образцам посуды пришельцев, они были родом из Малой Азии, а на Крите перемешались с более ранними обитателями острова. Судя по найденным в раскопах скелетам, это были коренастые люди с узкими лицами и удлиненными черепами; средний рост мужчин примерно 157 см, женщин – 148 см. Новоприбывшие предпочитали селиться у моря, преимущественно в восточном Крите, где климат теплее, и довольно быстро забыли принесенную с собой культуру внутридомовых очагов. Их большие дома, как и в неолитический период, состояли из множества комнат, а мертвых они хоронили в двухкомнатных гробницах: внутреннее помещение открывалось во внешнее. Дома и гробницы практически неизменного типа характерны для всей этой цивилизации, которая существовала с 3000-го по 1400 г. без каких-либо заметных перебоев, за исключением, может быть, района Феста. Эта цивилизация называется минойской

по имени знаменитого Миноса, царя Крита, о котором рассказывают греческие предания, и поэтому жителей Крита раннего бронзового века можно назвать первыми минойцами.

Позже на Фестской равнине появились новые пришельцы. Они хоронили мертвых в круглых постройках, достигавших в диаметре 12 м и, вероятно, имевших тростниковые крыши. В каждой такой постройке найдено по несколько сотен скелетов, наверное, они служили семейными или родовыми склепами. Так как они напоминают появившиеся гораздо позже ливийские *мапалли*, вполне возможно, что их строители были выходцами из Африки. В любом случае их культура не повлияла на минойскую цивилизацию.

Во второй период раннебронзового века получили широкое распространение сделанные из меди кинжалы треугольной формы, пилы, туалетные принадлежности и ритуальные двойные топоры, характерные для минойской религии. В это время впервые появляются следы разведения оливок, ввозились длиннорогие быки. В украшениях и печатях, сделанных из золота, слоновой кости, фаянса и стеатита, и изящных каменных вазах просматривается влияние Египта, усилившееся в 3-й период раннебронзового века.

Тем временем на Кикладах поселенцы раннебронзового века создали отдельную, но родственную минойской культуру. Их поселения состояли из жилищ, более примитивных, чем минойские дома; мертвых хоронили в связанном виде в земле, а на Сиросе – в маленьких склепах. Из камня и мрамора с большим искусством делали вазы и фигурки (в основном женские). Obsidian с Милоса вывозился во все уголки Эгейского бассейна. Кикладцы практиковали мореплавание; их корабли послужили прообразом для маленьких свинцовых моделей и изображений на достаточно своеобразной посуде. Вероятно, ничто не нарушало мирной жизни на островах в течение всего периода минойской цивилизации, если не считать критской экспансии. Благодаря медным рудникам, которые начали разрабатывать уже в 2300 г., и своей позиции посредника между Эгейским бассейном и Востоком довольно рано большое значение приобрел Кипр. В кипрских поселениях раннебронзового века в значительном количестве встречаются цилиндрические печати, которыми вавилонские купцы помечали свои товары.

В период между 2000-м до 1600 гг. минойская цивилизация подошла к вершинам развития. Этот подъем начался в 2000–1750 гг., когда центр власти переместился с восточного Крита в центр острова, особенно на его северный берег. Около 1800 г. была основана колония на Кифере, следовательно, торговля развивалась в западном и северном направлениях. В тот же самый период впервые появились следующие новшества, позже ставшие характерными для минойской цивилизации: дворцы, дорожная сеть со сторожевыми постами между Кноссом и Фестской равниной, святилища на горных вершинах и в пещерах, плавка бронзы (сплав меди с оловом), мечи-рапиры с центральным ребром, набедренные повязки и тугие пояса в качестве мужской одежды и пиктографическое письмо. Кносс и Фест достигли наивысшего уровня культуры в 1900–1700 гг. Эта культура, характерная лишь для этих городов, указывает на их совместное господство над островом. Ремесленники Кносса и Феста брали пример с Египта, в котором тогда царствовала XII династия; но в их натуралистической трактовке египетских мотивов на фресках и посуде и в эволюции пиктографического письма проявляется независимость и оригинальность. Около 1700-го и 1600 гг. произошли два мощных землетрясения. После каждого из них на северном побережье острова, в сфере влияния Кносса, появлялось много новых поселений.

В период между двумя землетрясениями дворцы в Кноссе, Фесте и Маллии подверглись расширению и перестройке. Совершенствовалось оружие. Мечи-рапиры удлинились до 90 см и получили хвостовик, а концы бронзовой оплетки, чтобы она не разматывалась, стали заклепывать и окольцовывать. От пиктографического письма отказались в пользу линейного, которым широко пользовались на острове. Это письмо, известное как «линейное письмо А», вероятно, было слоговым; его знаки писались чернилами на глиняных черепках

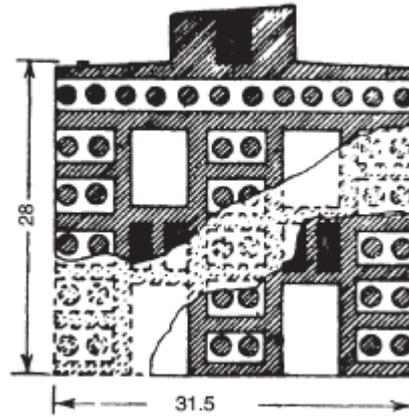
и, очевидно, на коже, папирусе, пальмовых листьях, коре, а также выдавливались на глиняных табличках и печатях. Примерно каждый третий знак этого письма явно развился из пиктограмм, но происхождение остальных неизвестно. Некоторые пиктограммы и знаки линейного письма А показаны на рис. 8. Знаки писались слева направо, из них расшифрованы лишь те, что обозначали числа. Они свидетельствуют, что минойцы пользовались десятичной системой: единица изображалась вертикальной чертой, десять – точкой, а позже горизонтальной чертой, сто – кружком, тысяча – кружком с четырьмя короткими выступающими черточками, а дробь – знаком «L». Глиняный диск из Феста, относящийся к этому же периоду, представляет собой еще один нерасшифрованный тип письма, не связанный с минойской письменностью. Судя по характеру знаков, этим письмом пользовался народ воинов и мореплавателей, так как некоторые из них изображают корабль, азиатский лук, шлем с плюмажем и круглый щит. Возможно, эта письменность происходит с Эгейских островов или с побережья Малой Азии. Язык минойского линейного письма и фестского диска не греческий, но, вероятнее всего, принадлежал доэллинским средиземноморским племенам³.

В 1700–1600 гг. Крит вел обширную торговлю с Библом и Угаритом на побережье Сирии, а также с Кикладами. Милос служил обменным рынком, через который минойские товары попадали в материковую Грецию и другие районы Эгейского бассейна, а сам Крит стал культурным центром эгейского мира.

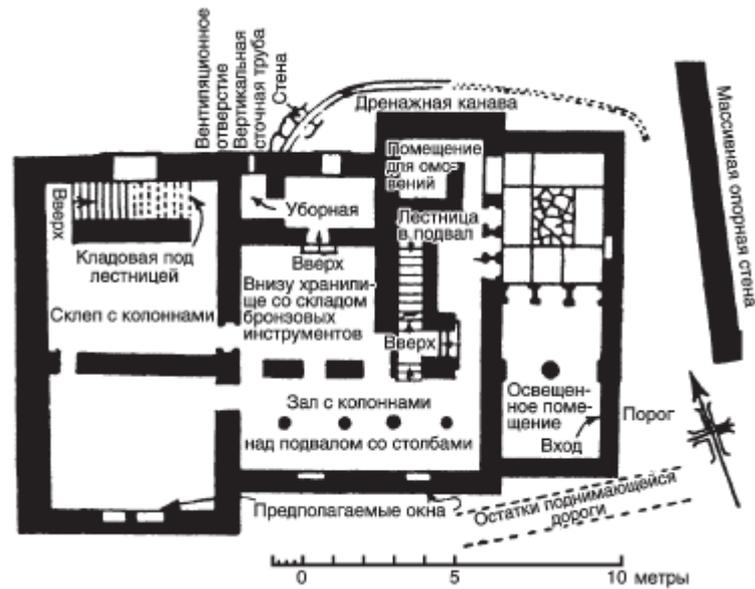
2. Минойская цивилизация

Вершина расцвета Крита приходится на 1600–1400 гг. В Закро (юговосточный Крит) был построен великолепный дворец, разрушенный около 1450 г., вероятно, в связи с извержением на Фере. Два типичных города этого периода раскопаны в Гурнии и Псире. Первый – рыночный город, расположенный на невысоком холме, – имел мощные улицы, которые шли горизонтальными террасами вокруг холма и были связаны друг с другом лестницами. В дома, поднимающиеся ярусами по склонам холма, с улицы вели ступени. По ним попадали в комнаты главного этажа, а ниже находился подвал. На вершине холма стоял особняк повелителя, выходивший в открытый двор и построенный из отесанного камня, в то время как другие дома сооружены из небольших камней, скрепленных глиной. Псира, приморский городок на маленьком острове, поднимается ярусами домов по склонам, обращенным к небольшой гавани; все дома построены из камня, а полы в них вымощены сланцем. Должно быть, оба города выглядели столь же живописно, как современные поселения Эгейских островов. Прекрасное представление об обыкновенном доме дает изображение на фаянсовой плитке раннего периода (рис. 5, а): окна в основном лишь на верхнем этаже (этажах), крыша плоская, а выступ наверху – вероятно, верхний ярус центрального светового колодца. Камни, зачастую клавшиеся на глину, скреплены деревянными балками. В богатых домах вход через световой колодец вел в главную гостиную на первом этаже, где также находились склеп с колоннами, ванная, уборная, прихожая и внутренние лестницы, которые вели в подвал с кладовыми и на второй и третий этаж, где размещались личные покои и спальни (рис. 5, б). Для канализации использовались глиняные трубы, скрепленные узкими манжетами и глиной.

³ Были предприняты попытки определить язык или языки линейного письма А исходя из предположения, что знаки линейного письма В, аналогичные знакам линейного письма А, имели такое же звучание; но нам неизвестно звучание всех знаков линейного письма В, да и предположение это слишком шаткое, чтобы делать какие-либо серьезные выводы.

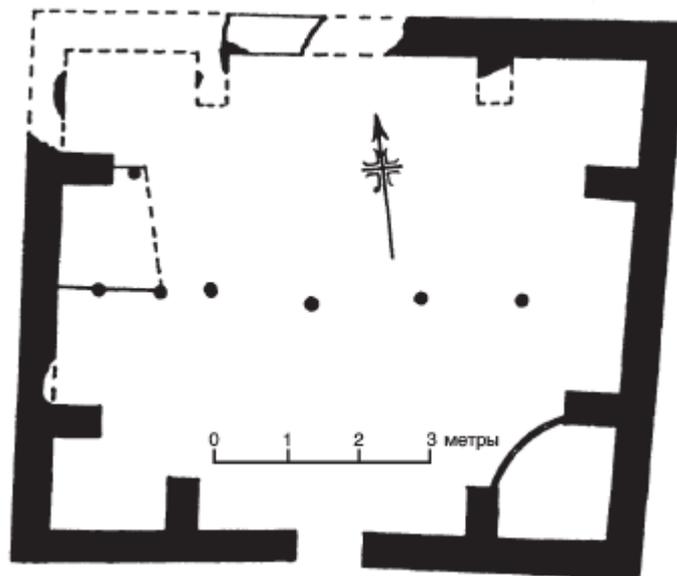
а) Критский дом 2-го среднеминойского периода. С фаянсовой плитки (фасад)

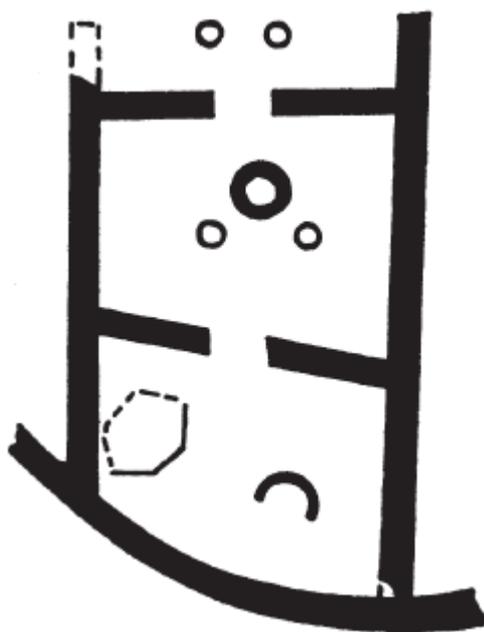
б) Богатый дом в Кноссе. Ок. 1600 г.

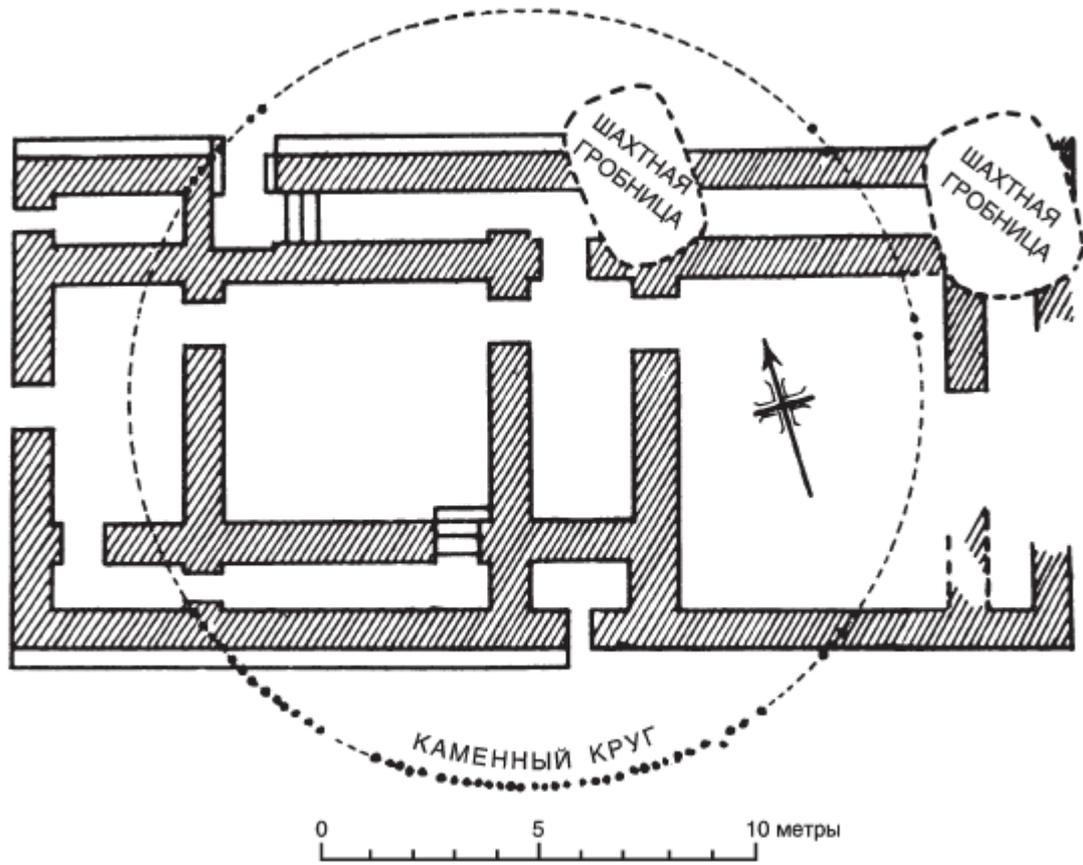
в) Храмовая гробница в Кноссе. Ок. 1600 г.

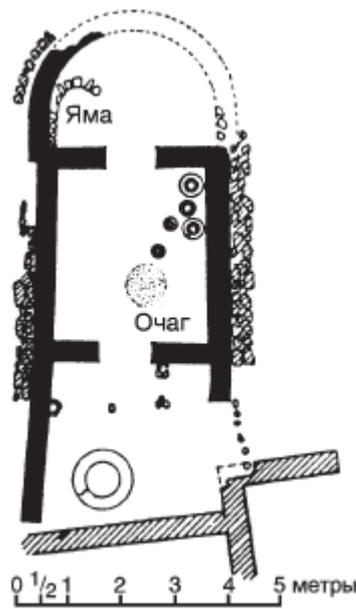
г) Дом в Тсангли (Фессалия). Среднеолитический период

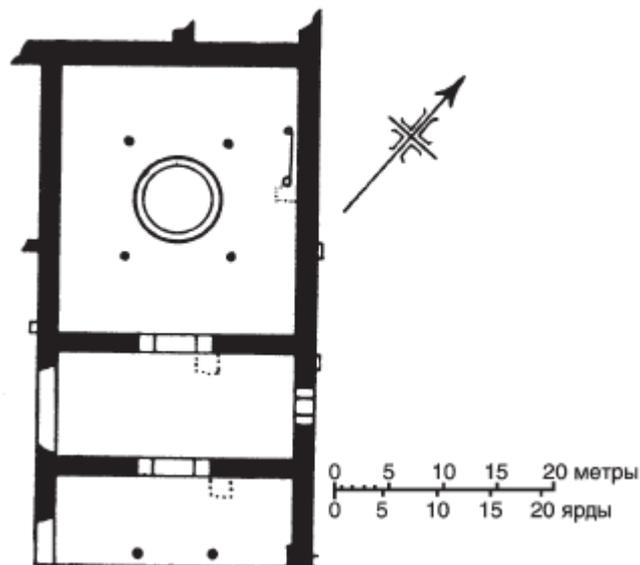
д) Дом мегаронского типа в Димини (Фессалия). Среднеолитический период
Рис. 5 (а-д)

е) Большой дом в Лерне (Арголида). Раннебронзовый период

ж) Дом мегаронского типа в Эвтрессе (Беотия). Начало среднебронзового периода

з) Тронный зал, вестибюль и крыльцо в центре дворца Пилоса. Ок. 1200 г.

Рис. 5 (е-з)

Мужчины обычно носили набедренную повязку, узкий пояс, а иногда короткую юбку, женщины – юбку, узкий пояс и порой корсаж с глубоким вырезом, обнажающим грудь. Мужчины брили бороды. Представители обоих полов были гибкими и худощавыми, отращивали длинные волосы и вместе присутствовали на спортивных состязаниях и публичных церемониях. На фресках мы видим акробатов: мужчины и женщины, одетые в одинаковые набедренные повязки и пояса, кувыркаются на спинах бегущих длиннорогих быков. О мирной и веселой жизни на открытом воздухе свидетельствуют сценки, изображающие боксеров в перчатках, пирующих сборщиков урожая, танцующих девушек, пьющих юношей и зрителей обоих полов, следящих за состязаниями и танцами. В великолепных изображениях цветов, деревьев, животных и рыб, выполненных нежными красками разнообразных оттенков, проявляется жизнерадостное отношение минойцев к окружающей их природе. Это самая распространенная тема живописи; военные сцены и даже изображения людей встречаются сравнительно редко.

То, что минойцы были очень религиозным народом, подтверждается частотой изображения культовых предметов – двойных топоров, двойных рогов для освящения и трехногих алтарей-столиков для жертвоприношений. Сами эти предметы были найдены в многочисленных святилищах, расположенных как внутри домов, так и под открытым небом. Главной фигурой минойского культа была женщина-богиня. Известно несколько изящных статуэток, изображающих ее в человеческом облике, не нагую, а в минойском платье. Главный ее атрибут – змеи, но также и деревья, птицы и животные, причем в первую очередь бык и голубка. Ее прислужницами обычно выступают жрицы и звероголовые люди, возможно представляющие зверей, связанных с культом богини, на какой-то церемонии. Акцент делается на природе и красоте, а не на вычурности и гротеске. Мужское божество обычно изображается в виде юноши. Кроме этой главной богини и юного бога, встречаются изображения других богинь и богов, последние часто держат копье или щит, но во многих случаях трудно определить, кто именно изображен – бог, жрец или верующий.

Любая попытка реконструировать внутренний смысл и значение минойской религии неизбежно опирается на более поздние аналогии и предположения, возможно уводящие нас от истины. Даже теории о том, что главная богиня этого культа является богиней-матерью,

повелительницей животных и богиней деторождения и что бог-юноша – ее сын и возлюбленный, основаны в основном на хорошо известных малоазиатских культах исторического периода. С большей или меньшей уверенностью можно сказать лишь, что минойская религия была антропоморфной по своей концепции и связывала физическую красоту окружающего мира скорее с женским, а не с мужским началом, а также, что минойские верующие, изображенные с воздетыми руками или ладонями, прижатыми к вискам, испытывали скорее благоговение и восторг, а не страх перед сверхъестественным. Нет никаких серьезных доказательств и в поддержку мнения, что минойцы поклонялись умершим; напротив, простота общих погребений, при которых труп связывали и запихивали в большой сосуд или в глиняный гроб, говорит об обратном. Видимо, лишь более зажиточных людей хоронили в высеченных в скале склепах, простых шахтных могилах или в гробницах, устроенных рядом с подножием шахты.

В годы расцвета минойской цивилизации на острове главенствовал Кносс. О его процветании выразительнее всего свидетельствует громадный Кносский дворец с величественными входами и залами, широкими лестницами и обширными кладовыми, изысканными росписями и превосходной кладкой. О значении религиозного культа свидетельствует святилище с колоннами на центральном дворе. Расположенная к югу от дворца изящная храмовая гробница (рис. 5, б), где из склепа с колоннами можно попасть в погребальную камеру, дает основания предположить, что в каком-то виде практиковался и культ умерших правителей Кносса. Согласно более поздней греческой традиции, правителя Кносса звали Минос, он был сыном Зевса и Европы, раз в девять лет советовался с Зевсом, а его супругой была Пасифая, дочь Солнца. Вполне вероятно, что правящие царь и царица Кносса брали себе такие имена в качестве династических титулов и обожествлялись, подобно современным им египетским фараонам. Возможно, на так называемом барельефе царь-жрец (с. 31) изображен Минос, царствовавший в XV в. О богатстве Кносса можно судить по широкому использованию минойскими ремесленниками драгоценных металлов и камней и по сокровищам из хранилищ дворца. Эти сокровища инвентаризированы на глиняных табличках по разновидностям и по стоимости. В хранилищах найдены и медные слитки, которые часто встречаются на острове. Эти слитки, без сомнения, были важны для торговли и, возможно, служили для обмена; однако никаких мелких денег не найдено. Процветание Кносса нельзя приписать исключительно эксплуатации природных ресурсов острова. Скорее всего, его источником являлась заморская торговля.

том. Кроме того, критские художники на свой лад перерабатывали мотивы, обычные для египетского искусства, такие, как обезьяны и кошки на фресках и папирус на глиняных сосудах. На фреске в Кноссе изображены чернокожие солдаты, возможно наемники из Ливии или Египта. Главный торговый путь в Египет шел из Комо около Феста в дельту Нила, либо прямо, либо через Ливию, где вдоль берега проходит восточное течение. В самом Египте найдено мало произведений критского искусства этого периода, в частности, только несколько предметов минойской или микенской посуды. Поэтому считается, что основными статьями критского экспорта в Египет были шкуры, мясо, фрукты, лес и металлы, а не масло и вино, которое перевозили в кувшинах. Возможно, торговый путь шел через Кипр, так как кипрское линейное письмо на табличке приблизительно 1500 г., найденной в Энкоми на Кипре, вероятно, восходит к минойскому линейному письму. В этот период минойское влияние на Угарит и Библ в Сирии было гораздо слабее, чем в 1700–1600 гг.

В Эгейском бассейне минойская торговля расширялась в 1600–1400 гг. В Ялисе на Родосе, который господствует над входом в Эгейское море, около 1600 г. была основана и процветала примерно до 1425 г. минойская колония. Минойское поселение существовало в Милете на побережье Малой Азии, а другое, вероятно, на Калимносе. Колония на Кифере просуществовала примерно до 1450 г. Таким образом, Крит контролировал морские пути, которые вели из Эгейского моря на юг. Киклады, особенно Милос и Фера, находились под сильным влиянием минойской цивилизации. В Филакопи на Милосе местные мастера освоили минойскую фресковую живопись. Минойское искусство имело большое влияние в восточных и южных областях материковой Греции, что хорошо видно по многим дошедшим до нас фрескам в Тиринфе, Микенах и Фивах. Минойские ремесленники, вероятно, селились на материке, а часто встречающееся название Миноя позволяет предположить, что в разных пунктах побережья существовали минойские торговые фактории. На западе минойские моряки добирались, возможно, до Липарских островов, где найдена минойская посуда XVI в., а может быть, до Мальты и Искьи.

3. Кносс в 1450–1400 гг

В момент наивысшего процветания Крита в Кноссе возникла отдельная культура (известная как 2-я позднеминойская). Время ее существования ограничено примерно 1450–1400 гг. Она ограничивалась пределами Кносса, не затронув остальную часть Крита. Характерной чертой этого культурного анклава были более тесные контакты с центрами микенской культуры в материковой Греции. Теперь Кносс ввозил или имитировал микенские вазы дворцового и эфирейского стилей и микенский алебастр (сосуды приземистых очертаний). В списках оружия, в том числе и боевых колесниц, и в кноссских фресках прослеживается милитаристский дух, а под Кноссом были обнаружены шахтное погребение и так называемые «воинские гробницы», в которых нашли тяжелые наконечники копий и бронзовый шлем. Но все же более существенным было использование нового линейного письма в Кноссском дворце и в некоторых дворцовых центрах на материке. Предположение, что этот культурный анклав контролировали микенцы, подтверждается расшифровкой нового линейного письма. Теперь нам известно, что язык этого линейного письма, ранее называвшегося линейным письмом В, греческий, в то время как язык линейного письма А явно не греческий; его можно назвать минойским, хотя минойский язык до сих пор не расшифрован. Переход от минойского линейного письма к микенскому линейному письму (как мы теперь можем называть линейное письмо А и линейное письмо В) доказывает, что правители Кносса в 1450–1400 гг. говорили по-гречески.

Микенское линейное письмо позаимствовало две трети своих слоговых знаков из минойского линейного письма, остальные же знаки, передающие лингвистические особен-

ности языка, были изобретены заново. Вероятно, оно возникло в Кноссе, где долго использовалось минойское линейное письмо, а не на материке, который, видимо, до сей поры жил без письменности. Микенцы изменили систему обозначения чисел и, наверно, мер и весов, используя новые символы, один из которых, возможно, изображает боевую колесницу. Микенское письмо, как и предшествовавшее ему в Кноссе минойское, применялось главным образом для описи содержимого дворцовых хранилищ, в том числе воинского арсенала, и для записи дани, выплачивавшейся остальными критскими поселениями, которые, очевидно, подчинялись микенским правителям Кносса. Письмена наносили на сырые глиняные таблички (которые служили ярлыками в хранилище); из этих табличек уцелели лишь те, которые оказались обожжены во время сильного пожара. Необожженные глиняные таблички и другие недолговечные материалы, такие, как кожа, папирус и кора, давным-давно бесследно исчезли; но примечательно, что на других уцелевших предметах, таких, как посуда, надгробия, металлическая утварь и так далее, письма почти не встречаются. Насколько позволяют судить имеющиеся свидетельства, похоже, что микенское письмо использовалось в первую очередь, а возможно, исключительно для записи сведений о собственности и ее передаче из рук в руки в пределах правящего класса и что писцы были опытными слугами государства или богачей. На материке это письмо было в употреблении, по крайней мере, до 1200 г., и все 200 его знаков никак не менялись, из чего можно сделать вывод, что письменность была консервативным искусством, выполнявшим узкоспециальные функции.

Микенское линейное письмо еще не расшифровано до конца, поскольку неизвестно значение некоторых слоговых знаков. Поэтому прочтение и перевод табличек до сих пор весьма сомнительны, что отчасти происходит также из-за неточной передачи этим письмом греческого языка. Слоговые знаки соответствуют отдельным слогам; одни и те же знаки используются для согласных л и р, одни – для п, ф и б, одни – для к, х и г, а некоторые согласные в конце слогов опускаются, в то время как долгота гласных, таких, как эпсилон и эта, не учитывается, дифтонги обозначаются лишь первым гласным, а иногда (в ау, эу и оу) вторым гласным. Приходится полагаться на контекст, так как слоговые знаки для «ка-ко» могут обозначать либо «плохой», либо «бронзу», а «Керкира» пишется так же, как «Крокилея». Идеограммы (знаки для предметов) и символы для чисел несколько сужают поле интерпретаций, но о многом остается только догадываться. Важнейшим результатом расшифровки линейного письма стало доказательство, что его язык – греческий, а диалект может быть родственен классическому аркадо-киприотскому или эолийскому или и тому и другому. Таблички из Кносса дошли до нас благодаря сильному пожару, случившемуся около 1400 г., и можно предположить, что это письмо употреблялось к тому времени уже около пятидесяти лет. Таблички, вероятно, содержат некоторые греческие личные наименования, в том числе Кносс как «ко-но-со», а также ряд названий критских местностей, откуда во дворец присылали дань. Ничего похожего на имя Минос или каких-либо узнаваемых названий заморских городов, указывавших бы на существование Эгейской империи, не обнаружено, но точно известно, что на правителя Кносса трудилось много рабынь, а дань он получал со всего острова.

Возможно, смена правителей Кносса произошла благодаря династическому браку, а не вследствие войны или завоевания. В любом случае она не повлияла на культуру остального Крита, где минойское письмо употреблялось до 1400 г., а посуда и письмо микенского стиля не получили распространения. Но греческие правители Кносса, конечно, контролировали Крит силой оружия и обладали военно-морским господством в южной части Эгейского моря. Они не следовали примеру греческих правителей микенского мира и не строили массивных укреплений, без сомнения полагаясь, подобно воинам классической Спарты, не на стены, а на свое оружие, и Крит под их властью наслаждался миром. Еще один микенский анклав возник около 1450 г. на Родосе и существовал там одновременно с минойским поселением

примерно до 1425 г., когда последнее пришло в упадок. Возможно, что микенцы на Родосе не зависели от микенцев в Кноссе и открыли новый торговый и пиратский путь, который покончил с монополией Крита на контроль над южной частью Эгейского моря.

Своим процветанием в 1600–1400 гг. Крит обязан не одному только таланту своих правителей, моряков и ремесленников. Он пользовался также выгодами своего положения в сложной системе высокоцивилизованных государств, окружавших Восточное Средиземноморье, и ресурсами внутренних стран Европы, Азии и Африки. Из этих государств самым богатым был Египет; в это время, как и позже, в эллинистический и римский периоды, он привлекал к себе морскую торговлю всего Средиземноморского региона. Морские пути, ведущие из Эгейского бассейна в Египет, пролегали сквозь кольцо зависимых от минойцев островов, которые простирались от Киферы до Родоса. И пока минойцы властвовали над морем, процветание Крита было обеспечено.

В один весенний день в конце XV в. неукрепленный Кносский дворец был разграблен и сожжен до основания. В то же самое время, а может быть, несколько раньше, такая же участь постигла все важнейшие города Крита. Тогда же минойские колонисты, вероятно, покинули Ялис на Родосе. Эта катастрофа покончила с господством Крита, но и после этого Крит оставался процветающим и важным островом. Западная часть Крита развивалась более основательно, чем в предыдущий период, а гениальные достижения в искусстве, религии и общественной жизни не пропали бесследно. Но с превосходством Крита было покончено, и дух минойской цивилизации исчез навсегда. Причина этой катастрофы неизвестна. Некоторые говорят о восстании островитян против греческих властителей Кносса, но разрушению подвергся не только Кносс, а масштабы бедствия слишком велики, чтобы можно было приписывать их гражданской войне между оседлыми народами. Другие считают, что виной всему было вторжение микенцев с материка. Однако катастрофа не сопровождалась признаками немедленной микенской колонизации Крита; да и устная греческая традиция не помнит такого вторжения. Более вероятно, что уничтожение Кносса и других критских городов, как позже разграбление Трои, Микен и Египетской дельты, произошло в ходе крупного морского набега, предпринятого соединенными пиратскими силами Восточного Средиземноморья с целью сокрушить морское превосходство Крита, ограбить остров и уплыть с добычей. Если так, то это была первая катастрофа, возвестившая постепенный упадок великой средиземноморской цивилизации бронзового века.

Глава 2

Материковая Греция и микенская цивилизация

1. Заселение материковой Греции

Самые ранние останки, найденные на материке и принадлежащие палеолитическому человеку, датируются по крайней мере мустьерским периодом и встречаются в основном в Фессалии, Эпире и Македонии.

Непрерывное же заселение началось гораздо позже, с неолитического народа Фессалии, который пользовался каменными орудиями, но не знал глиняной посуды; эти люди селились деревнями, строя маленькие хижины с утопленным полом, занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и охотой. Орудия они делали из обсидиана, который доставлялся с острова Милос. Их сменили (причем в Сескло, возможно, без перерыва) народы, знающие глиняное ремесло, которые примерно в 6000–5500 гг. заселили всю восточную часть материка, доступную от моря. Самое раннее, по данным радиоуглеродного анализа (ок. 6200 г.), поселение известно в Неа-Никомедии, к северу от реки Альякмон на прибрежной равнине Македонии. Его обитатели жили в одноили двухкомнатных домах, сложенных из кирпича на деревянном основании и имевших внутренние подпорки; эти дома размещались вокруг главного здания площадью около 20 кв. м, в котором найдены глиняные стеатопигические женские фигурки, топоры из глины и змеевика, кремневые лезвия и глиняные сосуды тыквообразной формы. Женские фигурки, найденные и в других местах, изображают богиню-мать. Эти люди занимались тем же, что и их не знавшие керамики предшественники. Некоторые из них были высокими долихоцефалами (с вытянутыми черепами), судя по захоронениям в общих ямах, в которые вместе с покойниками не клали ничего, кроме мяса для детей. Они преуспели в обработке камня, особенно диабаз с северного Пинда, делая из него прекрасные долота, топоры, молотки, сосуды и статуэтки (например лягушек). Их глиняная посуда, сперва простая, вскоре стала многообразной, иногда красиво раскрашенной; из глины делали и другие предметы, например печати. Эта ранненеолитическая цивилизация – оседлая, мирная, развивающаяся и знакомая с морскими коммуникациями – существовала около тысячи лет. Она произошла от более древних цивилизаций западной Анатолии и поддерживала с ними контакты. К концу этого периода в северной Фессалии и западной Греции на Левкасе появляется агрессивная культура, которой была известна барботиновая⁴ керамика с отпечатками ногтей на глине; эти люди пришли, вероятно, из Македонии и Югославии. Так в северной Греции начались многочисленные контакты между жителями Центральных Балкан и Анатолии.

В средненеолитический период, границы которого простираются за пределы 5-го тысячелетия, агрессивный элемент в северной Фессалии исчез, и в Фессалии, на востоке центральной Греции и в восточном Пелопоннесе один за другим появляются новые народы, пришедшие из разных частей Турции, северной Сирии и Месопотамии. Судя по применению обсидиана, они пользовались морскими коммуникациями. Их дома обычно были прямоугольные, построенные из кирпича на каменных фундаментах, часто имели внутренние подпорки, как дом в Тсангли (рис. 5, г), а примерно с 4500 г. появились строения мегаронского типа, длинные и узкие, с наружным крыльцом (рис. 5, д), прототип которых обнаружен на равнине Конья в Турции. Для разных регионов был характерен свой стиль керамики,

⁴ Барботин – разновидность керамического рельефа. (Примеч. пер.)

а в условиях мира поддерживался высокий уровень земледелия и скотоводства. В поздне-неолитический период, занимающий 4-е тысячелетие, наблюдается распространение матовой и полихромной керамики, сходной материалом и узорами с убаидской посудой Киликии и северной Сирии; эта керамика найдена в прибрежных поселениях в Астаке на Левкасе и в окрестностях залива Орик в северном Эпире; тамошние жители, вероятно, пришли из Коринфии и торговали с южной Италией. Под конец этого периода появляются самые ранние поселения на Эгине, Кеосе и некоторых островах Киклад. Крайней точкой распространения такой керамики является Сербия в излучине реки Альякмон, а в Македонии и Фракии жил народ другой культуры, который, судя по его глазированной керамике с резными спиралевидными узорами, имел родственные связи с жителями Центральных Балкан. Родством этих народов можно объяснить появление в северо-восточной Фессалии своеобразной культуры, которая известна по небольшому акрополю в Димини, имеющему кольцеобразные стены и постройки мегаронского типа (см. рис. на с. 26), а также по резным или рисованным спиралевидным украшениям на посуде. В то же время найденные в Димини мраморные статуэтки, видимо, были ввезены с Киклад. Вполне вероятно, что культура Димини возникла из слияния элементов, в конечном счете происходивших из Анатолии и Европы. Таким образом, для длительного неолитического периода, продолжавшегося три-четыре тысячи лет, характерно почти исключительно восточное влияние. Эти мирные земледельцы были знакомы с мореплаванием и искусством, а в их религиозных представлениях, судя по стеатопигическим женским фигуркам, главную роль играла богиня-мать, что, возможно, указывает на наличие матриархата, или, по крайней мере, на общество, не знавшее жесткого патриархата. Но в этих широких рамках существовало большое разнообразие культур, а население Греции к концу неолитического периода представляло собой смешение рас. Вне зоны средиземноморского климата, например в Македонии и северном Эпире, возникли более грубые культуры, некоторыми своими чертами и климатом в местах обитания аналогичные культурам Югославии.

Раннебронзовый век захватывает в основном 3-е тысячелетие. Во время первых двух из трех его периодов (известных как РЭ – 1-й, 2-й и 3-й раннеэлладские), границы которых радиоуглеродным анализом определяются приблизительно как 2800–2500, 2500–2200 и 2200–1900 гг. с региональными отклонениями, несколько волн мигрантов из Турции, особенно из северо-западной Малой Азии, поселились на островах и в восточной части Греческого полуострова к югу от горы Отрис. Типичное раннее поселение 1-го РЭ раскопано в Эвтресисе в Беотии, где найдены медные орудия и оружие, красная полированная керамика и посуда новых типов, например соусницы. Дома в этой деревне были крупнее, чем во 2-м РЭ; в трехкомнатных домах имелись ямы-хранилища (*bothroi*) и трубообразная впадина в полу, которая, возможно, как-то связана с верой в хтонические божества. В 3-м РЭ соусницы исчезают, но появляются новые типы посуды и новые стили узоров; заканчивается этот период разрушением поселения людьми, которые пришли, вероятно, не с севера, а с запада. Типичное пелопоннесское поселение в Лерне вступило в раннебронзовый век во 2-й РЭ, когда новые поселенцы превратили высокий холм в укрепленный акрополь и застроили его крупными домами. Среди их керамики найдены соусницы, и, кроме того, они делали красивые глиняные печати. К концу 2-го РЭ дворец на акрополе – дом с изразцами (рис. 5, е) – погиб в огне, и в 3-м РЭ вокруг холма возник совершенно новый город со множеством апсидальных домов. Сам же холм был срыт до невысокого круглого возвышения – святилища, имевшего около 19 м в диаметре и окаймленного кольцом камней. Эти обитатели Лерны обладали некоторыми чертами, которые впервые получили повсеместное распространение в среднебронзовый период. Одновременно в Фессалии неолитическая культура Димини продолжила существование и в РЭ период, очевидно, благодаря тому, что ее носители были более воинственными и стойкими, чем их южные соседи. Македония тоже оставалась в неолитической фазе развития, за исключением того, что от торговых поселе-

ний, например от Критсаны в Халкидике, – деревушки домов в двадцать, защищенной валом со стороны моря, – по прибрежному пути к Трое в глубь страны проникли кое-какие южные влияния. Собственная культура центральной Македонии была отсталая, однако ее отличали такие характерные черты, как раздвоенные рукоятки и просверленные боевые топоры; кроме того, лошади появились там около 2200 г., раньше, чем в Трое и Сирии. В последнюю фазу бронзового века грубая разновидность характерной македонской керамики распространяется во внутреннем Эпире, куда ее, вероятно, занесли пастушеские семьи. Тем временем народы полуостровной Греции бронзового века, занимавшиеся морской торговлей, поселились на Кефаллении, Итаке и Левкасе, а их влияние распространялось на Додону в южном Эпире. Отмечалось также ответное воздействие из юго-восточной Италии, где существовала развитая неолитическая цивилизация в Мольфетте (Апулия); тамошний народ мореплавателей основал недолговечные поселения в Афионе на северо-западном побережье Керкиры и в АйосСотире на Левкасе.

Таким образом, в финальной фазе раннебронзового века последовательные волны переселенцев с востока заняли Греческий полуостров к югу от горы Отрис, а их морские занятия привели к возникновению поселений на северо-западе и в таких местах, как Критсана, где они соприкасались с соседними народами, пришедшими не с востока. В средней и позднебронзовый века волна переселений поменяла направление и покатила из северных районов в полуостровную Грецию. Именно этот поток привел на полуостров первых носителей греческого языка, принадлежавшего к индоевропейской группе, в то время как жители Греции времен неолита и раннебронзового века говорили на неиндоевропейских языках. Следы последних сохранились в географических названиях с неиндоевропейскими окончаниями – *ssos* и – *tos*, – *inthos* или – *indos* и с окончанием множественного числа – *enai*, например Parnassos (Парнас), Hymettos (Гиметт), Sossos (Кносс), Corinth (Коринф), Tiryns (Тириф), Athenai (Афины) и Mysenai (Микены), а также в названиях средиземноморской флоры и фауны, например, kissos (плющ), byssos (хлопок), melissa, olynthos (дикий инжир), terebinthos (терпентинное дерево). Топонимы с такими окончаниями наиболее часто встречаются в западной и южной Малой Азии, Эгейских островах и на востоке полуостровной Греции, реже всего в Македонии и Эпире. Вполне вероятно, что такое распределение соответствует границам расселения народов. Например, в Эпире такие названия встречаются в районе залива Орик и рек Полиант и Келидн, где селились неолитические народы, и в южном Эпире (Асс, Assos) и гора Перрант (Perranthes), куда проникали народы раннебронзового века. Наоборот, плотность индоевропейских топонимов самая высокая в северной Греции (например, реки Эас или Аой, Ахерон, Ахелой, Инах, Афас, Апсос, Аксий, Альякмон), снижаясь на востоке полуостровной Греции и на Эгейских островах. Не исключено, что это распределение названий существовало уже в последнюю фазу раннебронзового века.

Где бы ни находилась родина индоевропейской группы языков, имеющиеся на сегодня доказательства позволяют утверждать, что в 2500–2000 гг. происходило крупномасштабное переселение индоевропейских народов из Черноморского региона⁵. Они находились на патриархальной ступени развития, на что указывают многочисленные слова для обозначения степеней родства; объединялись они по родственным кланам, каждый со своим царем, советом и собранием свободных граждан, что характерно для хеттов, греков, македонян и римлян; они занимались и скотоводством, и земледелием, но не были знакомы с мореплаванием и поклонялись мужским небесным богам, а не женским божествам, таким, как мать-богиня или повелительница зверей. Племена, пришедшие из Украины, на войне пользовались боевыми топорами и лошадьми, своих вождей хоронили в курганах, а простых со-племенников – в ямах. Самые ранние следы пребывания этих народов вблизи от полуостровной

⁵ Аналогичное переселение происходило в 400–350 гг.

Греции найдены в центральной Македонии: просверленные боевые топоры и лошадиные кости датированы началом 3-го РЭ (ок. 2200 г.). Мы уже отмечали, что носители культуры центральной Македонии начали проникать во внутренний Эпир в 3-м РЭ. Из-за девственных лесов, обильно разросшихся во влажном климате, и недостатка обрабатываемых земель внутренний Эпир был обжит позднее; он был привлекателен лишь для кочевых пастушеских племен.

Согласно Гесиоду, изложившему греческие народные предания в форме генеалогии, Девкалион и Пирра, правившие в Фессалии, родили Эллина и Туйю; от Эллина получили свое имя все грекоязычные народы. «А от Эллина, войнолюбивого царя, родились Дор, Ксут и Эол, любители лошадей; Туйя же родила двух сыновей, Магна и Македона, которые любили лошадей и расселились вокруг Пиерии и Олимпа». Олимп и Пиерия также служили домом греческим богам, особенно небесному богу Зевсу, а Зевс из Додоны стал важной фигурой в бронзовом веке, когда он вытеснил богиню-мать, которая превратилась в Афродиту, дочь Зевса и Дионы. Традиционные представления о греческих богах и их местобитании свидетельствуют, что далекие предки греков долгое время жили в Македонии и Эпире, где климат и в наши дни континентальный, а основное занятие – скотоводство. Судя по имеющимся свидетельствам, эти люди поселились там незадолго до окончания раннебронзового века. В последующем тысячелетии три ветви грекоязычных народов, четко различающиеся своими диалектами – ионийским, эолийским и западногреческим (он же дорийский и северо-западный греческий) – и считающиеся потомками Иона (сына Ксута), Эола и Дора, заявили свои притязания на Греческий полуостров. Возможно, разделение на эти диалекты произошло еще до начала переселения на юг из Македонии или северной Фессалии в последней фазе раннебронзового века.

Среднебронзовый век (1900–1600) в восточной части Греции южнее Малиды начался с жестокого разрушения многих поселений и запустения других. Сменившая их культура отличается некоторыми новыми типами домов, небольшими гробницами и керамикой характерного стиля, которая называется минийской, так как впервые была найдена в Орхомене, городе минийцев. Новый тип домов хорошо представлен в Эвтресисе в Беотии, где деревня раннебронзового века, тесно застроенная квадратными домами с плоскими крышами, была сожжена и сменилась более свободной застройкой, в которой присутствовало много апсидальных и прямоугольных домов мегаронского типа (рис. 5, ж), причем апсидальные дома появились раньше. В них имелся круглый очаг и наполненные золой неглубокие ямы (*bothroi*), использовавшиеся для приготовления пищи. Более поздние прямоугольные дома имели круглый очаг и помост из утопанной земли, который, вероятно, служил основанием для печи. Апсидальные дома, а также минийская керамика и каменные боевые топоры появлялись уже в Лерне в 3-й РЭ период, а от среднеэлладского периода там остались и лошадиные кости. Дома, такие же, как в Эвтресисе, были найдены в поселениях того же времени в Тиринфе и Кораку (около Лехея) в восточной Греции и в Термоне и Олимпии в западной Греции.

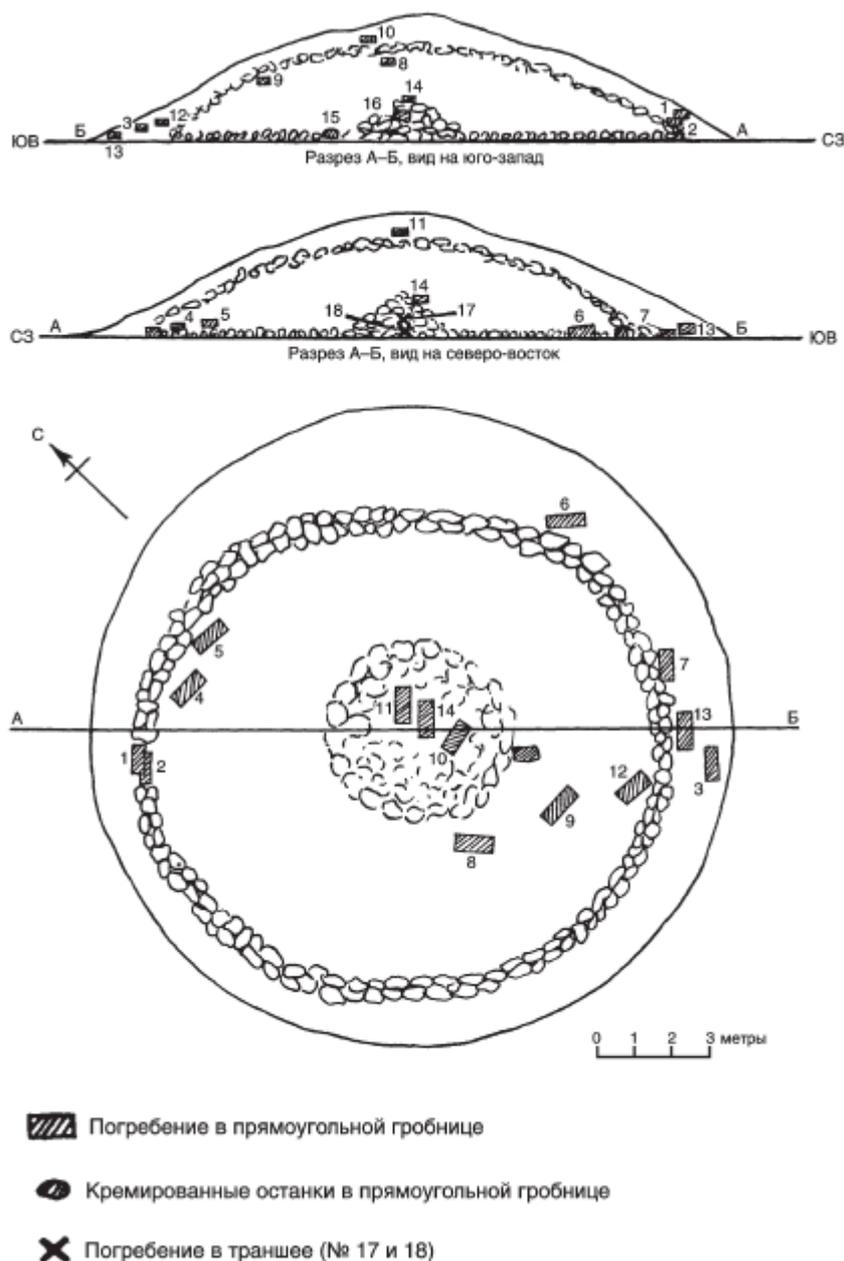
Основных стилей керамики среднебронзового века два: матовая керамика, возможно естественным путем произошедшая от аналогичного стиля раннебронзового века, и минийская керамика. Последняя являлась новшеством, так как изготавливалась на гончарном круге, а формой напоминала металлические вазы. Серая разновидность минийской керамики характерна для слоя, следующего за уровнем пожарищ, например в Эвтресисе. Часто она встречается и в первых слоях Трои VI, где ее появление совпало с прибытием новых поселенцев. Серая и желтая минийская керамика в течение среднебронзового века распространилась в большинстве областей полуостровной Греции. Использовалась она также в прибрежных поселениях Халкидики и в большом количестве в Трое VI. Керамика, возможно служившая

прообразом минийского стиля, найдена в Македонии; там она восходит к последней фазе раннебронзового века.

Хотя некоторые новые элементы среднеэлладской культуры можно приписать греко-язычным переселенцам с севера, не следует забывать, что эти поселенцы, хоть и захватили власть, составляли абсолютное меньшинство, причем среди и без того смешанного населения. Следовательно, среднеэлладская культура создана усилиями не только греческих вождей, но и более древнего и более цивилизованного населения страны. В дальнейшем эта культура обогатилась благодаря заморской торговле. Быстро развивалась торговля с Кикладами; острова служили центрами обмена между восточной частью материка и Критом. Особенно обширной была торговля с Троей; благодаря ей процветали береговые районы Фессалии и Македонии, в первую очередь Халкидика. О торговле с северо-западом свидетельствует в основном находка оружия среднеминойского и среднеэлладского типов в Племмирионе около Сиракуз, в юго-восточной Италии, в долинах Мати и Деволи в Албании, в местности Вайзе у Орикского залива и на Ионических островах. Пока в центральной и южной Греции развивалась цивилизация, Македония и внутренняя Фессалия отставали, а Эпир, Акарнанию, Этолию и, возможно, Керкиру населяли пастушеские народы, во время своего расселения на западе и юге сохранившие македонскую культуру в самой грубой форме, для которой характерны раздвоенные рукоятки. Перемещаясь, народы распространяли свои местные обычаи, причем особенно для нас интересны некоторые погребальные обряды.

Мы уже упоминали святилище в Лерне в виде низкого кургана, имевшего 19 м в диаметре и окаймленного камнями, появившееся в начале 3-го РЭ после жестокого разрушения поселения пришельцами. Единственный более ранний случай такой практики известен по «царским могилам» 2-го РЭ на Левкасе, которые расположены в небольших курганах от 2,7 до 9,6 м в диаметре, насыпанных поверх каменных помостов. Но в среднебронзовый век аналогичные курганы появляются во многих местах Греции. Семейные могилы на Левкасе находятся в круглых курганах; один из них достигает 12,1 м в диаметре, окружен каменной стеной и содержит одиннадцать выложенных камнем прямоугольных гробниц и две погребальные ямы. В курганах, как и в «царских могилах», найдены керамика, украшения и оружие для умерших. Курганы среднеэлладской эпохи были раскопаны в Мальти и других местах в западной Мессении и Ахее, но мертвых в них обычно хоронили в сосудах (пифосах), а погребальных даров не было найдено. В восточной части Греции раскопаны два больших кургана СЭ; тот, что в Эллате (Фокида), содержал ценные подношения, а тот, что в Афидне (Аттика), – нет. Датировка и расположение этих курганов указывают на северо-западные области и свидетельствуют о морских связях вдоль западного побережья, и действительно, недавно в северном Эпире и Албании было обнаружено много таких курганов. Отчеты об их раскопках остались практически незамеченными. Больше всего курганов находится в долине реки Мати, где в наше время (1952–1960) было раскопано 35 курганов; они имеют от 12 до 30 м в диаметре, в высоту достигают 3 м, иногда окружены кольцом камней. В погребениях встречается много предметов; использовались и предание земле, и кремация. Большая часть предметов принадлежит раннежелезному веку, но попадает и оружие СЭ типа. Далее к югу на реке Деволи под Эльбасаном находятся 25 курганов до 5 м высотой и до 45 м в диаметре. Центральные погребения в этих курганах содержат много оружия и даров СЭ эпохи, а в других частях курганов найдены оружие и керамика ПЭ эпохи. В Вайзе у Орикского залива были раскопаны 4 кургана 18–20 м в диаметре и 2,3 м в высоту, и в одном из них на каменной пирамиде, где проводилась кремация, обнаружены оружие СЭ и СМ типов и СЭ керамика. В долине верхнего Дрина во внутреннем Эпире курганы раскопаны в Какави, Бодриште и Водине. Один из курганов в последнем месте имеет 17 м в диаметре и более 3 м в высоту; в нем рядом с центральными погребениями, связанными с каменной

пирамидой, найдены оружие СЭ и СМ эпох и СЭ керамика. Кроме центральной пирамиды, обнаружено кольцо камней у периферии кургана и галечный купол чуть ниже нынешней вершины кургана (см. рис. на с. 52). Другие погребения принадлежат к ПЭ периоду.

Курган в Водине в северном Эпире

Очевидно, что люди, воздвигшие курганы в Левкасе, Ахее и Мессении, прибыли туда по морю из окрестностей Албании и северного Эпира; возможно, родственный народ, пришедший по суше, занял Эллатею, где найден курган, в котором покойника похоронили с оружием. Курган 3-го РЭ в Лерне и курган в Афидне (Аттика), вероятно, были сооружены для похорон вождей того же происхождения. О том, что в этих курганах содержались могилы членов царской семьи, а не простых людей, говорят не только дары и освящение земли, но и описание кургана Патрокла в поэме Гомера.

2. Подъем микенской цивилизации

Название микенская происходит от Микен, так как Шлиман, пионер археологии, именно там впервые открыл эту цивилизацию; но оно является вполне корректным, поскольку Микены служили источником и центром многих нововведений. В то время как эта цивилизация родилась из слияния многих идей и навыков, имевшихся как у коренных народов, так и у грекоязычных пришельцев, нет сомнения, что правителями являлись именно последние, обладая исключительным мастерством не только в военном деле, но и в управлении государством. Начиная с открытий Шлимана, могилы первых правителей Микен с их экстравагантной, почти варварской роскошью (описанные ниже) привлекают большое внимание. Один и тот же метод погребения использовался в двух могильных кругах – более ранний, В, находился вне поздней цитадели, а более поздний, А, внутри нее. Земля поверх могильного круга В была скрыта в более поздние времена, и археолог предположил, что каждая из 24 могил внутри круга, имевшего 27,5 м в диаметре, первоначально была скрыта под небольшим курганом, но гораздо более вероятно, что их все закрывал один большой курган. Круг отмечался периболом из необработанных камней шириной приблизительно 2 м, таким же, какой найден в Водине во внутреннем Эпире (см. рис. на с. 52). Могильный круг А, также имеющий в диаметре около 27 м, около 1300 г. был перестроен, приобретя нынешнюю монументальную форму, но, вероятно, первоначально он напоминал могильный круг В. Самые ранние захоронения в обоих кругах относятся к концу СЭ эпохи, а другие осуществлялись в 1600–1500 гг. Некоторые захоронения представляют собой прямоугольные гробницы, высеченные в скале, другие – шахтные могилы, в настоящее время имеющие глубину от 1 до 5 м и иногда отмеченные у поверхности каменными стелами. Прямоугольные гробницы были обычны для курганов 2-го РЭ и СЭ периодов на Левкасе и ПЭ периода во внутреннем Эпире, а шахтные могилы, очевидно, первоначально делали в кургане высотой от 3 до 5 м, а затем помечали деревянной или каменной стелой. В Лерне из двух шахтных могил СЭ периода одна уходит в курган, а вторая точно таким же образом вне его. Над купольными гробницами в Микенах, сооруженными после 1500 г., иногда делали насыпь, ограниченную круглой стеной 20–25 м в диаметре, но и эта концепция купола над могилой уже присутствует в эпирском кургане в Водине с его каменным куполом (см. рис. на с. 52). Не менее любопытно содержимое шахтных гробниц. Они намного богаче, чем могилы, найденные в Албании и северном Эпире – отдаленных, отсталых районах, но поразительно напоминают их набором оружия СМ и СЭ периодов, например в Вайзе и Водине также были найдены мечи, кинжалы, наконечники стрел и дротиков. Итак, насколько позволяют судить известные факты, правители Микен и, вероятно, также Лерны и Элатеи в конечном счете были родом из центральной Албании – района, который, как мы видели, в РЭ и СЭ периоды населяли индоевропейские, вероятно грекоязычные народы.

Некоторые из шахтных могил более раннего круга В невелики по размеру и содержат единственный скелет. Другие уходят почти на 3 м в мягкий скальный конгломерат, а могилы на дне шахт имеют кровлю из дерева, тростника и глины, а в одном случае даже из каменных плит. В погребения клали ножи, кинжалы, наконечники копий, мечи (некоторые с золотыми рукоятками и головками из слоновой кости), украшения из золота, серебра и электрона, серебряные кувшины и бронзовые и глиняные вазы, а в семейной могиле с четырьмя скелетами была найдена посмертная маска из электрона. Металлические предметы изготовлены с поразительным мастерством, намного превосходя в этом отношении какие-либо материковые находки более ранних эпох. Над некоторыми могилами установлены каменные стелы, водруженные вертикально на прямоугольные каменные основания, и на них вырезаны сцены войны и охоты. На одной из них, также использовавшейся как основание, изображены «воин,

замахивающийся широким мечом на поверженного противника, и два льва, стоящие явно на задних лапах». Шахтные могилы и их содержимое ни в малейшей степени не похожи на какие-либо критские находки того же периода, а скелеты имеют рост от 167 до 180 см – их обладатели были намного более рослыми людьми, чем минойцы.

Могильный круг А, очевидно, предназначался для новой династии, пришедшей к власти около 1600 г. Ее члены похоронены в шести глубоких шахтных гробницах. Самая ранняя из этой группы могила сделана сразу вслед за последними захоронениями могильного круга В, может быть, даже предшествовала им, а последние, возможно, датируются примерно 1500 г. Могилы отмечены скульптурными стелами, на которых встречаются изображения запряженных лошадей колесниц. Тела захоронены в связанном виде. В могилы мужчинам клали золотые маски и нагрудные пластины, мечи, кинжалы, золотые и серебряные чаши, золотые кольца с печатями, металлические, каменные и глиняные сосуды, а женщинам – золотые диадемы, туалетные коробочки, диски и украшения; двое детей запеленуты в листы золота. В изящном стиле и превосходном исполнении этих изделий чувствуется влияние, а может быть, и рука минойских ремесленников. Но колесницы, преобладание сцен охоты и войны, усы на золотых масках, пристрастие к янтарю в украшениях и шлемы с кабаньими клыками выдают материковое происхождение этих правителей, как и их предшественников, потому что все вышеперечисленное не встречается в критских раскопах аналогичного периода. Янтарь добывался на Балтийском море, а древнейший из известных шлемов с кабаньими клыками найден в поселении среднебронзового века в Эвтресисе (рис. 10, б). Микенские цари второй династии также, вероятно, были потомками народов бронзового века, которые вторглись в Коринфию и Арголиду и захватили власть в Микенах и Лерне. Их резиденция представляла собой укрепленный дворец, образовавший Микенскую цитадель, а в состав их царства, вероятно, входили Коринфия и Арголида. Их богатство, по-видимому, возникло в результате контроля над торговыми путями. В порту Кораку неподалеку от Лехея в Коринфском заливе сходились морские пути с севера и запада, а порты Тиринф и Асина теперь торговали напрямую с Критом. Микенцы контролировали также сухопутную дорогу из Пелопоннеса в центральную Грецию. Аналогичные династии были основаны в Фивах, Гуласе и Орхомене; они также подверглись влиянию минойского искусства, и на фреске в Фивах мы видим женщин в минойской одежде. Их держава включала в себя Беотию и Лелантинскую равнину на Эвбее, а своим богатством они были обязаны торговым путям, на суше проходившим через Беотию, а по морю через пролив Эврипос и далее на северо-восток.

За второй династией шахтных гробниц в Микенах следует первый период династии купольных гробниц (ок. 1500–1400 гг.). Вход в такую гробницу вел либо через брешь, либо по коридору, отгороженному стенами, но без потолка (дромоса), который оканчивался у массивного проема в стене толоса (купола). Гробница внутри толоса была в плане круглой, а купол имел коническую форму; его выкапывали в склоне холма, облицовывали камнем, после чего делали сверху насыпь, ограниченную круглой стеной. Блоки, образующие купол, были искусно сбалансированы и опирались друг на друга, чтобы выдержать вес земли и камня. В течение XV в. в Микенах были сооружены две группы толосов, отличающиеся техникой строительства. Прототип купольной гробницы и дромоса, обнаруженный около Пилоса в Мессении, восходит к концу среднебронзового века; он построен в одном из немногих районов, где практиковались захоронения в курганах.

В течение этого периода микенская культура распространилась очень широко. Многочисленные купольные гробницы найдены повсюду в Арголиде и Коринфии; западнее – в Мессении, Трифилии и на Ионических островах; южнее – в Лаконии; севернее – в Аттике, Беотии, Эвбее и Фессалии. В значительной степени материк обязан своим благосостоянием Криту, который в то время контролировал все торговые пути Эгейского бассейна. О богат-

ства материковых царей можно судить по великолепным чашам из Вафио в Лаконии и по так называемому дворцовому стилю керамики с ее смелыми и пышными узорами. Гробницы их подданных, которые в Микенах, например, жили ниже цитадели, также отражают возрасставшее процветание той эпохи. В этих могилах, вырубленных в скале и имевших доступ через открытые дромосы, последовательно хоронили членов одной семьи вместе с их ценным имуществом.

Греческая династия воцарилась около 1450 г. и в Кноссе, откуда правила Критом. Вероятно, микенское линейное письмо было изобретено именно минойскими чиновниками для передачи греческого языка⁶. Это письмо вскоре стало применяться и в материковых дворцах для тех же ограниченных целей – учета собственности и ее перехода из рук в руки. Цари Микен и Фив, очевидно, правили обширными владениями, взимая с подчиненных налоги и организовав эффективную бюрократическую службу. Обстановка их гробниц свидетельствует, что они также вели заморскую торговлю и в 1450–1400 гг. начали соперничать с Кноссом и минойским Критом в этой сфере. Около 1450 г. греческое поселение было основано на Родосе и, вероятно, еще одно на Косе около 1425 г.; продавцы микенских товаров селились в Милете одновременно с минойцами, а в Египте начиная с той эпохи находят больше микенских, чем минойских предметов. На западе микенская керамика найдена в Липаре вместе с минойской керамикой того же периода. Таким образом, материковые государства вышли из младенческого возраста и заняли независимое место в системе процветающих держав.

Процветание Крита и материковой Греции в XV в. в большой степени обязано общему оживлению торговли, которым отмечен зрелый период цивилизаций бронзового века на Ближнем Востоке. В этой торговле теперь очень важную роль играл металл – в слитках или в виде оружия, инструментов и украшений. Египет был особенно богат нубийским золотом, которое он экспортировал, например, в Вавилонию, в то время как серебро ввозилось в основном из Малой Азии. Медь добывалась на Синайском полуострове, а также поставлялась с Кипра и из Сирии. Центры цивилизации более восточной Месопотамии получали медь с Аравийского полуострова, из Закавказья и Малой Азии. Крит с древнейших времен играл важную роль в развитии медного оружия. Изобретенные там в начале бронзового века треугольные кинжалы поставлялись в Испанию, Италию и долину Дуная; в обмен на остров ввозилась медь из копей Испании, Эльбы, Этрурии, Венгрии и Трансильвании. Так развивалась торговля металлами и оружием между Европой, Африкой и Азией, и на ней наживались минойский Крит и Троя, накапливая богатства в золоте, серебре и меди.

Изобретение и использование бронзы – сплава меди и олова – возможно, произошло сперва в Сирии или Малой Азии. Ее широкое распространение усилило значение Европы, ведь богатейшие месторождения олова находились в Корнуолле, Испании, Этрурии и Венгрии. Самое первое бронзовое оружие попадало в Европу из Восточного Средиземноморья тремя основными маршрутами: через Трою в бассейн Нижнего Дуная, через Грецию и Адриатику в Италию и Центральную Европу и через Испанию в Северо-Западную Европу. Например, узкие бронзовые мечи, которые начали производить на Крите около 2000 г., вывозили через Грецию и Италию в центр Дунайского бассейна. Через несколько веков это оружие в Венгрии трансформировалось в широкий рубящий меч, который постепенно распространился в Италии и впервые появился в Греции вскоре после 1375 г. Хотя темп торговли был невелик, область, которую она охватывала, распространялась от богатых янтарем берегов Балтийского моря до низин Месопотамии. Богатейшими центрами обмена являлись Египет, Сирия и Малая Азия. Более того, в XV в. Египет находился на вершине политической власти, завладев Палестиной и Сирией и вступив в союз с Вавилонией и государством Митанни в

⁶ Автора книги не убеждают последние данные Л.Р. Палмера, которые он приводит в своем труде «О кносских табличках» (1963).

северо-восточной Сирии; Кипр признал его господство, а Хеттское царство в центре Малой Азии с почтением относилось к его оружию. В этом столетии Египет стал центром цивилизованного мира. Его флот и армии контролировали торговые пути, уходившие в Абиссинию и Африку, в Красное море и Индийский океан, в Южное Средиземноморье и внутреннюю Палестину и Сирию.

Крит и материковая Греция в XV в. были обязаны своим процветанием не минеральным богатствам. Возможно, в Кирре около Дельф добывалось олово, но медные месторождения Крита и серебряные рудники Аттики, вероятно, еще не разрабатывались. Минойцы и микенцы были скорее посредниками и покровителями торговли, которая осуществлялась по Средиземному морю с Египтом и Ближним Востоком, а их местные ремесленники преуспели в производстве оружия и украшений. Кроме того, они экспортировали в Египет шкуры, лес, вино, оливковое масло и пурпурную краску в обмен на благородные металлы, лен, папирус и канаты. В это время, когда Египет и Сирия были главными центрами обмена, Крит занимал особенно выгодное положение на торговых путях в Средиземном море. Он и его владения господствовали над входом в южную часть Эгейского моря и над путями из Сирии, Кипра и Родоса на запад, пока Микены, возмужав, не бросили ему вызов около 1450 г. Затем около 1400 г. морское превосходство Кносса внезапно было уничтожено. Дворцы и сокровища Крита были разграблены, его политическое устройство разрушено. Катастрофа не затронула источники, из которых Крит черпал свое благосостояние, но она позволила другим силам узурпировать ключевую позицию, которую Крит занимал в течение столетий.

3. Микенский мир в 1400–1200 гг

Державы материковой Греции были вполне готовы унаследовать лидирующую позицию Кносса в южной части Эгейского бассейна. Ускорив развитие благодаря двухвековым контактам с минойской цивилизацией, они создали изящный микенский стиль керамики, в котором материковая традиция абстрактных узоров и технического мастерства сочеталась с минойским вкусом к украшениям и форме. Эта керамика в значительных количествах экспортировалась и до разграбления Кносса, но после него микенский экспорт резко возрос, через промежуточные пункты на Милосе, Фере и Родосе непрерывным потоком направляясь на Ближний Восток. Благодаря новым греческим поселениям Родос усилился и стал важным центром обмена. Греческие поселения возникли также на южном и восточном берегах Кипра, а впоследствии и в других частях острова. Следы микенского присутствия найдены в Тарсусе, Казанли и Мерсине в Киликии и в карийском Ясе. Греческих купцов принимал Угарит, а их товары через долину Оронт попадали в города на Сирийском плато; недавно микенские предметы были найдены в Посейдионе в Сирии. Микенская керамика также уходила из Аскалона в южную Палестину, а в меньших количествах из Хайфы в северную Палестину. Значительных масштабов достигал ее ввоз в Тельэль-Амарну, которая около 1374–1362 гг. стала столицей Египта вместо Фив, и – в меньшей степени – в Гуроб ближе к Нильской дельте. В течение всего XIV в. микенская керамика отличалась единообразием, и ей не были свойственны местные особенности. Родос и Кипр процветали как главные центры обмена, а также, вероятно, как производители керамики. В конце столетия значительное число выходцев с материка осело на Крите. Они строили дома мегаронского типа и хоронили мертвых в склепах с дромосами. Вероятно, им подчинялось минойское население острова, который в значительной степени продолжал богатеть, пользуясь преимуществами своего положения для торговли с Египтом.

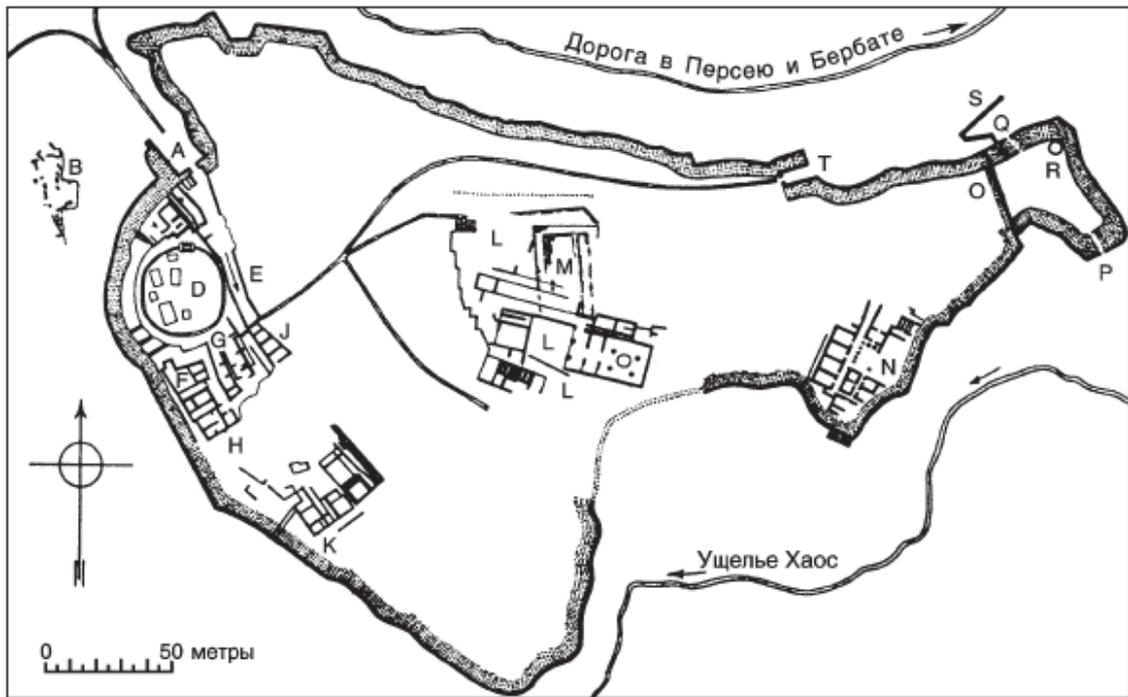
В северной части Эгейского бассейна греческие державы продолжали развивать уже установленные торговые связи с богатым городом Троей. В конце XIV в. Троя VI погибла при землетрясении, но сменившая ее Троя VII А была столь же богата и открыта для торговли с

материковой Грецией. Эта торговля, вероятно, осуществлялась по прибрежному пути через Фессалию, Македонию и Фракию, ускорив широкое распространение микенской культуры в Фессалии и Нижней Македонии. На Кикладах (не считая Милоса и Феры) и на Северных Спорадах микенская керамика найдена в небольшом количестве, причем в основном на Делосе; видимо, обитатели этих островов и прибрежные народы западной Малой Азии (за исключением Милета) находились за пределами основной сферы микенской торговли и культуры.

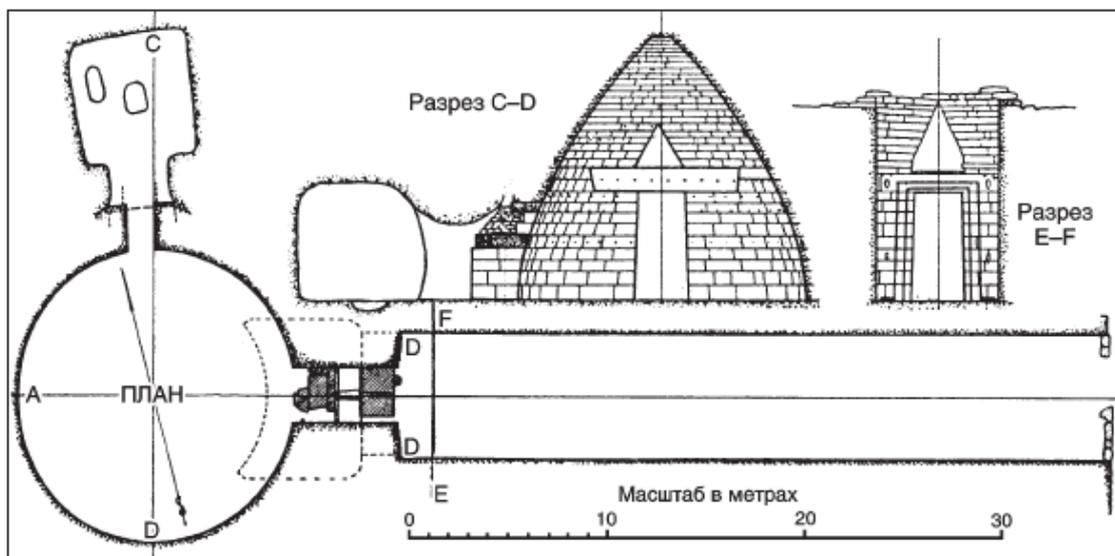
Хотя минойская и микенская керамика попадала в Липару и Искью, а на Крит с Липарских островов ввозили камень липарит, первые признаки заселения Запада относятся к XIV в. В Акраганте и Сиракузах на Сицилии найдены микенская керамика этого периода и купольные гробницы, а в Ории и Таренте в южной Италии – в значительных количествах микенская керамика. Очевидно, в обоих районах жили греческие поселенцы, которые пришли по торговым путям, ведущим в Липару и Искью, и обосновались на выгодных позициях точно так же, как и их наследники шестьсот лет спустя.

Расширение микенского мира и его укрепляющие контакты с Египтом, Сирией, Троей, Италией и Сицилией способствовали процветанию народов материковой Греции. В 1600–1400 гг. культурный процесс, достигший наивысшей стадии лишь в местах нахождения дворцов, очень медленно шел на зависимых территориях; но после 1400 г. начался быстрый рост однородной микенской культуры, распространившейся на всю материковую Грецию, кроме Эпира и внутренней Македонии, на Ионические острова, за исключением Керкиры, и некоторые из Эгейских островов. Этот процесс пошел вспять около 1300 г., когда торговля Греции с Египтом резко сократилась. Кипр стал независимым центром, вывозившим собственные товары в Сирию и Палестину; были построены фортификационные сооружения для защиты медных цехов в его столице Энкоми. Однородность культуры также стала нарушаться, например, на Кипре возник собственный стиль микенской керамики. Таким образом, материковая Греция потеряла многие рынки на Востоке, возможно, и финикийский Библ, который с XV в. перестал ввозить греческую керамику и, вероятно, стал соперником греков в торговле. Троя после 1300 г. также сократила ввоз микенской керамики, а на Западе примерно в то же время прервались контакты с Сицилией, Липарой и Искьей (но сохранялись с греческими поселениями в южной Италии). Постепенно процветание материковой Греции клонилось к закату вследствие ухудшения условий для заморской торговли, а относительный мир, который наверняка сопровождал пору полного расцвета микенской цивилизации, сменился беспокойным веком, в течение которого были построены еще более мощные укрепления для защиты властителей дворцов.

Дворцы были характернейшей чертой греческой культуры в течение всего микенского периода, и микенский дворец был из них самым прекрасным. Вскоре после 1350 г. цитадель была расширена и окружена массивными «циклопическими» стенами, сложенными из огромных глыб известняка и конгломерата, толщиной до 6 м. Подступы к главным воротам прикрывал мощный бастион. Сами ворота состояли из входа шириной 2,7 м, образованного четырьмя громадными монолитами. Фронтон над воротами был украшен геральдической и религиозной эмблемой Микен – две львицы, положившие передние лапы на пьедестал священной колонны. Небольшие задние ворота, снабженные двойными дверями, вели внутрь ограды с северной стороны. Внутри цитадели широкий пандус вел от Львиных ворот к царскому дворцу.

а) Микенская цитадель А. Львиные ворота; В. Доисторическое кладбище за стенами; С. Зернохранилище; D. Могильный круг А.; Е. Пандус; F. Дом вазы с воином; G. Дом с пандусом; H. Южный дом; J. Эллинистические помещения; K. Дом Цунтаса; L. Дворец; M. Фундаменты храмов; N. Дом с колоннами; O. Первоначальная северо-восточная стена; P. Потайной выход; Q. Сток; R. Эллинистический резервуар; S. Потайной резервуар; T. Задняя решетка; U. Микенская террасная стена

б) Купольная гробница «Сокровища Атрея», построенная в Микенах ок. 1330 г.

Рис. 7

Главной особенностью дворца был открытый и просторный двор (рис. 7, а). На восточной стороне двора через вход с колоннами, вымощенный гипсовыми блоками, можно было попасть в вестибюль, а оттуда в парадный зал – мегарон, в котором крашенный оштукату-

ренный пол окаймлялся рядом гипсовых блоков. В центре мегарона четыре деревянные колонны, обитые с внутренней стороны бронзой, окружали приподнятый круглый очаг (ср. рис. 5, з). Стены зала украшали фрески, на которых изображались колесницы в бою, лошади с конюхами и женщины, гуляющие вне дворца. С западной стороны двора дверь вела в переднюю, отделявшую тронный зал от внушительной лестницы, которая вела ко входу для высокопоставленных посетителей. Жилые помещения дворца находились с северной стороны от двора и имели верхний этаж; вероятно, туда попадали из вестибюля мегарона. В жилых помещениях параллельно северной и южной стенам двора шли два длинных коридора. В северной, самой высокой части дворца находилось святилище с круглыми алтарями из раскрашенной штукатурки; рядом с ними была найдена скульптурная группа из двух богинь и ребенка, сделанная из слоновой кости. Плоская глиняная крыша дворца, укрепленная тростником и стропилами, держалась на горизонтальных балках. С крыши открывался вид на широкую равнину до самого Арголидского залива, а в другую сторону – на горы Аркадии и Лаконии.

Ниже цитадели лежали обширные открытые кварталы города, где жили богатые купцы, находились царские купольные гробницы и начинались дороги, которые по циклопическим насыпям, снабженным водоводами, вели к крепостям на Аргосской равнине и на север к Коринфу. Из купольных гробниц самая прекрасная, «Сокровищница Атрея» (рис. 7 б), имеет купол высотой в 12 м и восхищает благородством своих пропорций. Она построена около 1330 г. как место упокоения царя, для которого была укреплена цитадель и украшены двор, мегарон и тронный зал. Последняя из великих купольных гробниц появилась около 1300 г. В течение XIII в. была перестроена парадная лестница, кольцо циклопических стен расширено на северо-восток, сооружен ход к подземному резервуару, наполнявшемуся из источника за стеной города. В том же веке были закончены массивные укрепления в Тиринфе, а в толще стен устроены галереи-хранилища.

Вне Арголиды самые сильные центры микенской культуры находились в Беотии, где мощная крепость в Гуласе контролировала плодородную аллювиальную равнину вокруг озера Копайс, осушенную микенцами. На кряже, разделяющем главные равнины Беотии, стояла цитадель Фив – Кадмея, а правителей Орхомена хоронили в величественной купольной гробнице, известной как «Сокровищница Миния». Аттика не имела такого значения. Циклопические укрепления Афинского Акрополя были доведены до совершенства в 1250–1200 гг., а к воде в то время вела подземная тридцатиметровая лестница ниже уровня земли. Другие важные центры Микенского царства отмечены прекрасными купольными гробницами и цитаделями процветающих городов, которые были раскопаны в Иолке в Фессалии, Ласе и Амиклах в Лаконии, Пилосе и Перистерии в Мессении, Каковатосе в Трифилии и Термоне в Этолии; имелись также микенские центры на островах Эгина, Кефалления и Левкас.

Укрепления микенских дворцов и преобладание сцен войны и охоты свидетельствуют о воинственном духе греков той эпохи. После гибели Кносса Микены и другие важные города обеспечили себе процветание силой оружия. Да и микенская экспансия за моря не обходилась без насильственных методов, так как в эти тревожные времена меч был хранителем торговли.

Греческие торговцы и поселенцы столкнулись с грозными соперниками в лице сикелов на западе, островитян Киклад, прибрежных народов Малой Азии и финикийцев сирийского побережья. Греческие военные корабли, так же как и корабли минойского Крита, строились с продольной килевой балкой, необходимой при таранной тактике; морские бои нашли отражение в минойском и микенском искусстве. Ранее оружием жителям материка, так же как и критянам, служили мечи-рапиры, колющие копья и щиты с ремненными петлями, которые вешали на плечи, оставляя свободными обе руки. Эти неуклюжие щиты использовали при

рукопашных единоборствах, но, возможно, в основном они предназначались для защиты от метательных снарядов – копий, стрел и пращей. Жители материка обычно носили традиционный шлем с кабаньими клыками конической формы (рис. 10, б); на Крите и на материке найдены единичные бронзовые шлемы, плотно прилегающие к голове. К концу XIV в. в Эгейском регионе появился рубящий меч, происходивший из Центральной Европы. Это смертоносное оружие привело к возникновению небольших круглых щитов, которые держали в руке, и шлемов с продольными рогами, предназначенными для отражения ударов сверху вниз (рис. 10). Такое вооружение использовалось по всему Ближнему Востоку в течение XIII в.

На войне также широко применяли колесницы. Хотя лошадь с давних времен служила в материковой Греции вьючным животным, на войне она не использовалась до появления колесницы, возможно заимствованной в XVI в. с Ближнего Востока. В Египте и Сирии практиковались массированные атаки колесниц; но мы не знаем, применяли ли греки подобную тактику с самого начала или использовали колесницу как подвижную платформу для метательного оружия.

Греки микенского периода были лишь одним из нескольких могущественных народов Восточного Средиземноморья, и они, разумеется, имели торговые и военные контакты с соседями. Хетты и египтяне, которые вели летописи дипломатических и военных событий, упоминают греков, частенько приезжавших в Трою и контролировавших южную часть Эгейского бассейна. Греки более поздней эпохи в своих преданиях называют своих предков микенского периода ахейцами, данайцами и аргивянами, и поэтому можно надеяться встретить такие наименования в хеттских и египетских летописях.

В XIV в., когда Хеттское царство в Малой Азии контролировало торговый путь по северной Сирии, ведущий из Месопотамии к Средиземному морю, в правление Мурсила II (ок. 1350–1320 гг.) практиковалось поклонение богам хеттов и стран Аххиява и Лазпа. В письме, относящемся к этому или следующему правлению, «брат» хеттского царя (то есть столь же могущественный царь) по имени Тавакавалас, царь Аявалаша и «брат» царя Аххиявы просит о помощи против захватчиков. В более позднем письме (ок. 1300 г.) идет речь о царях Аххиявы, Египта, Вавилонии и Ассирии. Слово «Аххиява» (или в более ранней форме – «Аххайива») явно является транскрипцией греческого слова «Ахея», точно так же как «Аявалаш» (слово с хеттским окончанием) – перевод слова «ахейский». Очевидно, в первом письме упоминаются два ахейских царя: один был царем всей Ахеи, как и во втором письме, и его статус был сопоставим со статусом царей Египта и прочих, а другой – какой-то местный ахейский царек в Малой Азии. Первый, очевидно, правил материковой Грецией. Ключ к личности последнего, возможно, найдется у Геродота, который упоминает, что жителей Памфилии или Киликии когда-то звали гипахейцами. Лазпа – без сомнения, остров Лесбос, а Таройса (в другом хеттском документе) – Троя.

В письменных памятниках Египта XIV и XIII вв. приводятся названия многих эгейских народов. Они участвовали в войнах либо как египетские наемники, либо как союзники Хеттской империи. Среди них встречаются такие названия, как шардана, лука (или лукки), пидаса, муса, каликиша, дарденуи и илиунна. Последние два следует идентифицировать как дарданцы и илионцы, так именуются обитатели Трои в поэмах Гомера. Из этих записей очевидно, что Троя выступала на стороне Хеттской империи в войнах XIII в. с Египтом.

Следующее письменное упоминание об эгейских народах относится к концу XIII в., когда обстановка изменилась к худшему. По-видимому, в материковой Греции тогда велась масштабная война. Экспорт керамики с материка в Сирию, Палестину и Египет прекратился вскоре после 1230 г., и примерно в это же время насильственными методами были основаны новые микенские поселения в Энкоми на Кипре и в Тарсусе в Киликии. Зафиксированы великие набеги на Ближний Восток. В хеттских записях упоминаются неоднократные напа-

дения на Карию после 1250 г. и разграбление Кипра около 1225 г. «Аттарисьясом, человеком из Аххиявы», которого, возможно, следует отождествить с Атреем, царем Микен и отцом Агамемнона, взявшего Трою около 1200 г. В 1221 г. вторжение в Египетскую дельту из Ливии было отражено фараоном, чья победная речь содержит следующие фразы: «Они снова прошли по полям Египта к великой реке; там они остановились на долгие дни и месяцы... Они проводили время в сражениях и походах по всей земле за прокормом для своих животов. Они пришли в египетскую землю, чтобы насытить свои рты». Эти северяне именуются шакалша, акайваша, турша, лука и шардана. Окончание – ша представляет собой египетский суффикс, и поэтому захватчиков можно идентифицировать как сагалассян (из Сагаласса на палестинском побережье), ахейцев, турсенцев, ликийцев и сардинцев.

В первом десятилетии XII в. на западных и восточных подступах к дельте развернулось крупномасштабное вторжение с моря и с суши. В 1194 г. египтяне отбили нападение из Ливии. В нем участвовали пелесет или пулесат (палестинцы), текел, деньен (данайцы), шерден (сардинцы), вешеш и шекелеш (сагалассяне). В 1192 г. египетские лучники и наемники (в том числе турша и шерден) повернули вспять захватчиков с востока. Эта группа, по суше передвигаясь вместе с семьями в тяжелых двухколесных повозках, а по морю – с многочисленным флотом, уже нападала на Аласу (Кипр) и сирийское побережье. По словам египетской хроники, «народы, пришедшие со своих островов посреди моря, наступали на Египет, полагаясь сердцами на силу оружия». «Главную помощь им оказывали пелесет, текел, шекелеш, деньен и вешеш». В 1187 г. было отражено еще одно нападение из Ливии на дельту. Но сухопутные и морские набеги продолжались до тех пор, пока в конце века Египетское царство не оказалось отрезано от Средиземного моря.

Еще одним процветающим центром в Эгейском регионе была Троя. Великий город Троя VI (ок. 1900–1300 гг.) был основан людьми, вероятно родственными грекоязычным народам центральной Греции; они строили мегаронские дома несколько измененного типа, укрепили цитадель и привезли в Азию лошадь. После землетрясения, разрушившего город, он был перестроен аналогично микенским твердыням: царь и его окружение теперь жили за массивной оборонительной стеной.

Троя VI накопила множество богатств в последнюю фазу существования, а торговые и, вероятно, личные связи между Троей и микенской Грецией были очень тесными. Трояда располагает хорошими сельскохозяйственными угодьями, а в Пропонтиде была развита ловля тунца; но Троя VI и Троя VII А обязаны своими богатствами в первую очередь контролю за путями между Азией и Европой. Город лежал у входа в Геллеспонт (Дарданеллы), затруднительный для плавания примитивных кораблей. Они не могли пройти по проливу из-за преобладающих в летние месяцы сильных северных ветров и против течения скоростью 2,5 узла. Чтобы попасть в Пропонтиду, примитивные корабли приходилось тянуть канатами, а их груз, возможно, переносить по суше. В то время как европейский берег не годился для этой цели, низменный азиатский берег с прибрежными отмелями, где течение ощущалось не так сильно, лучше подходил для буксировки и переноски грузов. Однако единственным препятствием для транспортировки груза вдоль азиатского побережья был известняковый утес, а к юго-западу от этого утеса лежала Троя. Таким образом, город мог контролировать проход кораблей через Геллеспонт. Удобнее всего переправу из Азии в Европу по Пропонтиде было осуществлять в той точке, откуда сухопутные дороги вели в долину Дуная и на запад, так как вход в Черное море по Босфору был для торговых кораблей бронзового века крайне труден из-за течения скоростью 4 узла и северных ветров в летние месяцы. Судя по силе и богатству Трои VII, она контролировала и Геллеспонт, и Пропонтиду. Торговые пути, расходившиеся из этой точки по морю и по суше, вели в бассейн Нижнего Дуная, в центральную Грецию по фракийскому побережью, в южную часть Эгейского бассейна и на Кипр вдоль азиатского

побережья и в Хеттскую империю в центральной Малой Азии, с которой ассирийские купцы наладили оживленную торговлю.

При раскопках выяснилось, что Троя VI[^] и поселение в Терми на Лесбосе были разрушены около 1200 г.; примерно тогда же та же участь постигла Мерсин и Тарсус в южных районах Малой Азии, а Хеттская империя была полностью уничтожена варварами, которых, вероятно, можно отождествить с фригийцами. Следующая Троя (VII В) влачила жалкое существование; в ее слоях сперва попадает немного микенской керамики, а затем идет керамика дунайского типа, что говорит об оккупации Трои пришельцами из Европы. Таким образом, процветание Трои оборвалось не менее внезапно, чем существование Хеттской империи.

Таблички с микенским линейным письмом, найденные среди сгоревших руин Микен и Пилоса, вероятно, относятся к десятилетиям непосредственно перед гибелью Трои. Хотя более чем половина пока что расшифрованных слов является личными именами, среди них нет имен ни одного гомеровского героя. Даже в Пилосе не найдено никаких следов Нелея или Нестора.

Π	Α	Β	Π	Α	Β	Π	Α	Β	Μ	Χ
☐	☐	☐		☐	☐	☐	☐	☐	☐	Α
☐	☐	☐		☐	☐	☐	☐	☐	Β	Β
	☐	☐		☐	☐	☐	☐	☐	Γ	Γ
	☐	☐		☐	☐	☐	☐	☐	Δ	Δ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ε	Ε
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ζ	Ζ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Η	Η
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Θ	Θ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ι	Ι
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Κ	Κ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Λ	Λ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Μ	Μ
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ν	Ν
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ξ	Ξ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ο	Ο
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Π	Π
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Ρ	Ρ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Σ	Σ
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Τ	Τ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Υ	Υ
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Φ	Φ
	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	Χ	Χ

Рис. 8. Некоторые знаки минойского пиктографического письма (Π), минойского письма (Α) и микенского письма (Β), иллюстрирующие центральную роль минойского письма в развитии письменности. Моавский и халкидийский алфавиты (Μ и Χ) произошли от финикийского алфавита

На тамошних табличках часто встречаются слоги, читающиеся как «пу-ро» и, вероятно, обозначающие «Пилос». Но это тоже довольно загадочно, ведь на табличках из Кносса сочетание «ко-но-со» попадает достаточно редко. Появление слова «Пилос» станет более понятно, если оно относится к остаткам поселения в Перистерии, а не в Ано-Энгианос, которое археологи идентифицировали как дворец Нестора. Таблички сообщают о запасах

оружия, податях и дани, выплачиваемой подданными общества феодального типа, о множестве рабынь и специализированных занятиях царских слуг. Совершались жертвоприношения богам Зевсу, Гере, Посейдону, Гермесу и Афине Потнии. Тягловые волы носили клички наподобие Черный; известно о посылке 30 гребцов в экспедицию, возможно в Плеврон в Этолии. Все это вполне соответствует общественным условиям, которые описаны в поэмах Гомера, посвященных Троянской войне и возвращению героев. Находка в Тарсусе черепков местной керамики с надписями, вероятно сделанными микенским линейным письмом, заставляет нас вспомнить о Ликийи, куда, по словам Гомера, было отправлено послание на табличке. Однако эти таблички – лишь описи складов в Пилосе и Микенах, фиксирующие поступление и убыль припасов, и они не могут соперничать с египетскими и хеттскими документами в освещении международных событий, таких, как Троянская война или переселения народов⁷.

4. Языки и предания микенского мира

Распространение греческих диалектов в классический период (рис. 9) может рассказать нам кое-что о микенском мире. Когда микенские города были разрушены, в центральную Грецию и Пелопоннес хлынули народы, говорившие на диалектах дорийской группы. Однако в классический период уцелел ряд островков старых диалектов, и они помогают нам представить ситуацию до дорийского нашествия.

В некоторых частях Фессалии и Беотии уцелел эолийский диалект. Поэтому вполне возможно, что в позднебронзовый век до появления дорийских народов на этом диалекте говорили жители центральной Греции от Фессалии до Беотии. Это предположение подкрепляется утверждениями Геродота и Фукидида о том, что Фессалия и Беотия раньше были эолийскими. Согласно Фукидиду, эолийскими ранее были также Коринф и часть Этолии, а согласно Страбону, – Эвбея.

Аркадский диалект сохранился в центре Пелопоннеса, аркадские формы присутствовали в диалектах Элиды и юго-восточной Лаконии. Из этого можно сделать вывод, что хотя бы часть жителей Пелопоннеса позднебронзового века до нашествия дорийцев говорила по-аркадски. Более того, разновидность аркадского диалекта существовала и на Кипре. Вероятно, остров был колонизирован в то время, когда аркадский диалект был распространен на побережье материка. Но это могло быть только в бронзовый век, и итоги раскопок дают нам более точную дату – позднебронзовый век, около 1350 г. Следовательно, в то время аркадский диалект был уже хорошо развит и имел четкие отличительные особенности. Поэтому весьма вероятно, что часть восточного Пелопоннеса (по крайней мере, юг эолийской Коринфии) была в XIV в. аркадоязычной.

Основываясь на факте, что ахейская группа диалектов делилась на эолийскую и аркадскую, можно предположить, что две эти ветви ахейских народов поселились в отдельных географических областях, но длительное время поддерживали контакты друг с другом. Соответствующие условия для этого разделения существовали также в бронзовом веке, когда два ведущих центра микенской цивилизации находились соответственно в эолийскоязычной Беотии и в Арголиде – либо аркадоязычной, либо соседствовавшей с аркадоязычным районом. В то время эти диалекты могли быть ближе друг к другу, чем впоследствии; но то, что они четко различались, ясно из следующего факта: в классическую эпоху в Памфилии говорили на смешанном эолийско-аркадском диалекте; но археологические находки из Мерсина и Тарсуса в Киликии свидетельствуют о том, что микенцы установили связи с южным побережьем Малой Азии около 1230 г. Колонисты могли быть родом из области, в которой гово-

⁷ Аналогичные надписи микенским линейным письмом были найдены в Липаре.

рили на двух диалектах – эолийском и аркадском, возможно из Микен, в которые входили эолийскоязычная Коринфия и, вероятно, также аркадоязычные территории. Интересно, что половина керамики микенского амбарного стиля в Тарсусе, видимо, была ввезена из Арголитиды.

Сопоставив эти выводы с археологическими данными, мы получим следующую картину. Первые грекоязычные народы поселились в Македонии, Фессалии и Эпире где-то после 2500 г., и в этих регионах возникли разные диалекты. Первые грекоязычные народы, появившиеся после 1900 г. в Беотии, Коринфии и Арголитиде, вероятно, пользовались ионийским диалектом. Основная волна грекоязычных народов, пришедших в Грецию под конец среднебронзового века, говорила на ахейских диалектах; эолийскоязычные племена заняли восточную Грецию от Малиды до Коринфии, вытеснив обитавшие там раньше ионийскоязычные народы в Аттику, в то время как аркадоязычные заняли большую часть Пелопоннеса, вытеснив ионийскоязычных жителей в Ахею и Кинурию, а в других местах ассимилировав их.

Сомнительно, чтобы неполная расшифровка микенского линейного письма сильно расширила наши знания о греческих диалектах. Таблички из Кносса датируются примерно с 1400 г.; из Микен – примерно с 1230 г.; из Пилоса – примерно с 1200 г.; и есть еще почти 30 обломков исписанных кувшинов из фиванской Кадмеи, датирующихся примерно 1360 г. Есть также образцы письменности из Орхомена, Элевсина, Тиринфа и Тарсуса. Похоже, что диалект, на котором они написаны, не является ни северо-западным греческим, ни дорийским, но, возможно, родственен аркадо-кипрскому или эолийскому. Это общий вывод, к которому нас приводят и другие умозаключения. Но местные вариации стиля микенской керамики, аналогии из классической эпохи и особенности языка Гомера (о чем мы поговорим позже) свидетельствуют, что едва ли в 1450–1200 гг. в Кноссе, Фивах, Микенах и Пилосе использовался единый диалект, даже если его письменное применение ограничивалось придворными кругами. Когда будет найдено больше табличек и станет возможной более точная транслитерация линейного письма, это прольет новый свет на природу микенского диалекта или диалектов.

Эти выводы из распределения диалектов в классический период подтверждаются изучением диалектных форм в ранней греческой литературе. Эпические поэмы Гомера и Гесиода написаны искусственным языком, который сформировался из слияния различных диалектов в течение нескольких столетий устной передачи. Самый молодой слой диалектов – аттический, а основной – ионийский, что отражает формирование эпической поэзии в Ионии в столетия после гибели микенского мира. Самые ранние слои – эолийский и более редкий аркадский; они уцелели в основном в эпитетах и причастных формах, которые невозможно было преобразовать в ионийские без нарушения метрической структуры. Таким образом, мы приходим к заключению: истоки языка эпических поэм восходят к Микенской эпохе, когда эолийский и аркадский диалекты были главными в греческом мире.

Старейшим из греческих диалектов является ионийский. В классический период он был распространен на материке лишь в Аттике, а в 3-й ПЭ период – в Аттике и, как минимум, в Ахее, Кинурии и Беотии⁸, где им пользовались потомки, вероятно, первых грекоязычных поселенцев. Кроме того, в классический период в Греческом регионе существовали и некоторые негреческие языки. На склонах Афона, островах Лесбос, Имброс, Самофракия и в окрестностях Кизика и Трои говорили на пеласгийском. Вероятно, эти пеласгоязычные народности были уцелевшими потомками доэллинского населения северной части Эгейского бассейна до появления грекоязычных народов. Гомер упоминает о пеласагах на Крите

⁸ Геродот пишет об ионийцах, населявших Беотию в момент появления Кадма (ок. 1350 г., см. Приложение 2). Современные представления о том, что ионийский диалект развился после 1100 г., противоречат греческой традиции.

и в Троаде; это название также появляется в связи с Додоной в Эпире и двумя номами в Фессалии – Пеласгиотидой и Пеласгийским Аргосом. Не по-гречески говорили и тирсенцы, продолжавшие жить на северо-западе Эгейского бассейна; их язык дошел до нас в надписи VI в., найденной на Лемносе, и имеет сходство с этрусским. Найденные в Пресусе на Крите надписи IV в. также используют негреческий язык. Эти нерасшифрованные языки, как и минойское линейное письмо и язык фестского диска, вероятно, следует считать следами преэллинических народов, заселивших Греческий полуостров и острова в неолитический и ранне-бронзовый века.

Археологические открытия могут служить своего рода пробным камнем для оценки достоверности греческих легенд. Оказывается, мифы о Кноссе, Микенах и Трое, раньше считавшиеся небылицами, основаны на исторических фактах. Пока что плоды археологических изысканий не слишком велики, но в некоторых случаях они подтверждают предположение Геродота и Фукидида о том, что греческая мифология развивалась в рамках не поэтической фантазии, а исторической реальности. Как заметил Фукидид, не всем греческим легендам следует верить. В ранние времена в них появлялись фольклорные элементы, которые впоследствии были дополнены рационалистическими объяснениями. Но Гомер и Гесиод, канонизировавшие греческие мифы в литературной форме, находились ближе к истокам устной традиции и как истинные греки интересовались реальностью, а не фантазией. Да и устная традиция не иссякла с развитием литературы. Она была в полной мере использована Геродотом в V в., а убедительный анализ ранней греческой истории, проведенный Фукидидом, демонстрирует значение устной традиции для проницательного историка.

Предания о переселениях народов сохранились не только у греков, но и уцелевших потомков других наций, имевших контакты с Эгейским регионом в бронзовый век. Так, Фукидид уверенно заявлял, что пеласги когда-то были самым многочисленным народом в материковой Греции, что тирсенцы ранее занимали Аттику и Лемнос и что во времена Миноса большинство Эгейских островов было захвачено карийцами и финикийцами. Геродот же, считавший эллинами лишь грековдорийцев, называл пеласгами все остальные грекоязычные племена. Однако, несмотря на эту ошибку, Геродот сохранил для нас много важных народных преданий. Например, карийцы утверждали, что они происходят из юго-западной Малой Азии, откуда проникли на острова, и что они состоят в родстве с малоазийскими мисийцами и лидийцами. Лелегами Геродот называл либо тех же карийцев, либо какой-то соседний островной народ. Согласно поздним греческим преданиям, оба народа селились также и в материковой Греции. Кавнийцы, как и ликийцы, считали, что они пришли из Крита в Малую Азию. По словам финикийцев, они раньше жили на Эритрейском море (то есть в южной Аравии), откуда переселились на сирийское побережье, а далее на Эгейские острова; остров Фера они якобы населяли в течение восьми поколений, из которых пять предшествовали Троянской войне. Эти предания вполне согласуются с выводами, сделанными на основе археологических находок. Так, пеласгам могла принадлежать неолитическая культура Фессалии; карийцев, тирсенцев и лелегов можно отождествить с раннеэллиадскими и раннекиккладскими народами; а каунийцев и ликийцев – с критской диаспорой после разграбления Кносса. Недавние раскопки выявили существование поселений в Библе и Угарите на побережье Сирии, своей культурой аналогичных позднефиникийской культуре. Археологи относят первое появление финикийцев на сирийском побережье к середине 3-го тысячелетия, что согласуется с преданиями финикийцев об их прибытии в Тир около 2700 г. Появление финикийцев на Фере и Кадма в Фивах, происшедшее около 1350 г., подтверждается находкой в фиванском дворце цилиндрических печатей царя Бураббуриаса II (1367–1346).

Дошедшие до нас предания о переселениях грекоязычных народов в основном затрагивают период после Троянской войны. Но у Геродота сохранилась одна интересная подроб-

ность о более ранних переселениях: дорийцы в несколько волн заселили Фтиотиду в южной Фессалии, потом Гистеотиду ниже гор Осса и Олимп, а затем гору Пинд, которая на их языке называлась Македнэ. Оттуда они переселились в Дриопиду между Малидой и Фокидой, а после Троянской войны вторглись в Пелопоннес. Первую попытку проникнуть туда они сделали на предпоследнем этапе, за поколение до Троянской войны, объединившись в Дриопиде или неподалеку от нее с ахейским родом Гераклидов. Попытка провалилась, так как их вождь Гилл был убит в единоборстве Эхемом, вождем ахейцев, ионийцев и аркадцев, которые в то время занимали Пелопоннес.

Это предание вполне правдоподобно; мы видим, как племя собственно дорийцев, вытесненное из Фессалии, ведет пастушеский образ жизни в юго-западной Македонии, Эпире и Дриопиде. Когда мощь Микен стала ослабевать, они за поколение до Троянской войны пытаются вторгнуться на юг. Их ранние переселения описываются Геродотом в форме генеалогии: первый этап отождествляется с правлением Девкалиона, а второй – с правлением Дора, сына Эллина. Обычно традиционные генеалогии называют имена двух царей, причем личные имена соответствуют конкретным личностям, а эпонимы – племенам или родам. Последние, возможно, когда-то тоже принадлежали личностям, но они связаны с формированием племени и, вероятно, не подлежат каким-либо хронологическим оценкам. Подобные генеалогии полезны для выявления родства между племенами и их привязки к определенным местностям. Так, предания, пересказанные Гесиодом, говорят, что у сына Девкалиона, Эллина, были в Фессалии сыновья Дор, Ксут (отца Иона) и Эол, тем самым определяя Фессалию как родину грекоязычных народов и указывая на взаимосвязи дорийской, ионийской и эолийской ветвей греческого племени.

Аналогично в случае Трои Гомер пересказывает генеалогию, в которой Дардан, Трой и Ил фигурируют как эпонимы дарданцев, троянцев и илионцев; после них Лаомедонт построил и укрепил Трою (вероятно, Трою VII А, ок. 1300 г.). Эта генеалогия связывает с Троей народы, которые упоминаются в хеттских записях XIV в. как дарденуи и илиунна, возможно являющиеся обитателями Таройсы.

В то время как прародители-эпонимы или боги, с которых начинается генеалогия, отмечают крайнюю точку семейных преданий, имена их потомков в родословной вполне могут быть историческими. Самые длинные генеалогии относятся к Аргосу, Афинам, Фивам и Орхомену, где археологи обнаружили ранние поселения грекоязычных народов. Две из этих династий имеют заморское происхождение: Эпаф из Египта основал династию в Аргосе за девять поколений до Троянской войны, а Кадм из Финикии основал династию в Фивах за пять поколений до Троянской войны. Если в среднем оценить продолжительность поколения в 30 лет, то эти династии были основаны где-то около 1470-го и 1350 гг., первая – в спокойный период до разграбления Кносса, а вторая – после крушения критского морского могущества. Хотя Эпаф и Кадм были иностранцами, они не привели в Грецию чужестранные народы, а эллинизировались сами. В аргосскую династию входят основатели Тиринфа и Микен – Прет (ок. 1350 г.) и Персей (ок. 1290 г.). Афинская династия автохтонная; основатели династий в Орхомене, Коринфе и Пилосе происходят из Фессалии (соответственно Миний, ок. 1380 г., Сизиф, ок. 1320 г. и Нелей, ок. 1280 г.). Эти генеалогии, образуя фон гомеровских поэм, представляют лишь фрагментарные воспоминания о периоде до Троянской войны, так как к 1200 г. почти все эти династии лишились власти.

Кроме того, в поэмах Гомера содержится немало коротких генеалогий, представляющих правящие династии во время Троянской войны. Эти династии, связанные взаимными браками, образуют достаточно четкую структуру, претендующую на историчность. Насколько можно судить, XIII в. был беспокойной эпохой, во время которой главные центры микенской цивилизации были захвачены новыми династиями, причем многие из них породнились с предыдущими династиями. Так, Тидей, пришедший из Этолии, захватил аргос-

ский трон; Атрей, отец которого Пелопс был родом из Азии, захватил трон в Микенах, а его сын Менелай – в Спарте; Нелей, родом из Фессалии, узурпировал трон Пилоса; а династии Ахилла, Аякса, Идомея и Одиссея продолжаются всего на два поколения до Троянской войны. Именно с этих династий, основанных в период около 1280–1230 гг., берет начало век героев гомеровских поэм. Эти личности предстают перед нами совершенно отчетливо, в отличие от их предшественников – Персея, Миноса, Сизифа – смутных фигур, скрывающихся в туманах преданий.

5. Гомеровские поэмы и микенский мир

Гесиод поместил между бронзовым и железным веками «божественное племя героев, из которых многие погибли в жестоких войнах и ужасных битвах: одни под стенами семи-вратных Фив в стране Кадма, сражаясь за наследство Эдипа, другие под Троей, куда их принесли корабли по морским просторам». Их подвиги, приходящиеся на период 1250–1150 гг., являются темой как для эпических поэм, принявших свою окончательную форму, вероятно, в IX и следующих веках, так и для аттической драмы V в. Эпические поэмы делятся на три главных цикла: фиванский цикл, охватывающий два поколения до Троянской войны, геракловский цикл и троянский цикл, который затрагивает также и последствия Троянской войны. Судя по аналогичным героическим векам других цивилизаций, такие эпохи были недолговечными, продолжаясь лишь три или четыре поколения, и возникали обычно при соприкосновении менее культурных, но более мужественных воителей с развитыми, но находящимися в упадке цивилизациями. Для них характерны агрессивные и хищнические войны, в которых господствующий класс воинов порывает с традиционными узами верности своему народу или племени. В Греции век героев отмечает финальную фазу упадка великой цивилизации бронзового века в эгейском мире. Поэтому, возможно, он имеет мало сходства с предшествующим периодом, чьи благородные останки известны нам благодаря археологам. Так, герои Гомера могли быть неграмотными, в то время как письменность применялась для хозяйственных нужд в микенских дворцах до и во время героического века. Кроме того, герои практиковали кремацию, а оседлые народы бронзового века своих мертвых предавали земле. В некоторых случаях герои пользовались оружием, уже вышедшим из употребления в поздний микенский период. Да и наконец, свежесть их духа и свобода от социальных и религиозных ограничений скорее характерны для пришельцев, чем для вождей медленно возмужавшей и зрелой цивилизации.

Сравнительное исследование героических веков также проливает свет на происхождение и развитие эпической поэзии. По-видимому, она возникает в сложных условиях героического века как устная поэзия, сочинявшаяся и передававшаяся бардами, хотя искусство письма и уцелело от более ранней цивилизации. Самые ранние эпические поэмы обычно непродолжительны и рассказывают о подвигах одного или нескольких героев. Поздние поэмы, более продолжительные и более совершенные по форме, выполняют роль придворной поэзии и повествуют о вождях царствующего класса, как мужчинах, так и женщинах. На этой поздней стадии эпической поэзии интерес поэта смещается от подвигов героев к изучению героического характера и таким негероическим темам, как религия и колдовство; проявляется тенденция к освещению скорее общих, чем частных тем. Созданные греками короткие эпические поэмы, за исключением «Щита Геракла», известны нам лишь по поздним пересказам. «Илиада» и «Одиссея» являются изысканными поэмами позднего типа и завершают долгий период развития эпической поэзии; большинство же поэм гесиодовской школы обращается к негероическим темам. Хотя короткие и длинные поэмы, дошедшие до нас в оригинальном виде или в пересказе, были сочинены через несколько веков после окончания героического века, вероятно, их источниками служили аналогичные поэмы, восходя-

щие к героическому веку (типа тех, что исполняет Фемий при дворе царя Итаки в «Одиссее»), так как в поэмах не только частично сохранились диалекты микенского периода, но и обстановка, изображаемая в них, характерна для микенской цивилизации, а не для последующей эпохи.

Очевидно, некоторые фрагменты «Илиады» и «Одиссеи» не основаны ни на каких исторических событиях – всякие сверхчеловеческие подвиги, случаи божественного вмешательства, народные сказки и вымышленные странствия попали туда благодаря фантазии поэта. Но общая ситуация и цивилизация, изображенные в поэмах, вполне историчны. Некоторые предметы, о которых ведется речь в поэмах, были характерны, судя по результатам раскопок, для микенской цивилизации, но отсутствовали в раннежелезном веке. Таковы, например, шлем Мериона с кабаньими клыками, металлическая инкрустация на щите Ахилла, чаша Нестора, карниз из лазоревой стали во дворце Алкиноя и кованые бронзовые наконечники копий, укрепленные кольцами. То же верно и для таких общих моментов, как преобладание бронзового оружия, обстановка домов и дворцов, изобилие золота и слоновой кости и использование башенных щитов. Хотя многие из этих примеров типичны для позднебронзового века, в некоторых отношениях поэмы четко указывают на период 1250–1150 гг.: появление железных орудий и знание разных способов обработки железа, броши-фибулы, преобладание круглых щитов, доспехов и шлемов, применение не только колющих, но и рубящих мечей. С другой стороны, некоторые предметы, описанные в поэмах, обычно, но не всегда, встречаются в более позднем окружении, чем 1250–1150 гг.: это замысловатая пряжка Одиссея, змеи на латах, присланных царем Кипра, медведь на перевязи Геракла и храмы, построенные Хрисом и Навсифоем. Возможно, это – анахронизмы, добавленные поэтом; но следует помнить, что участники Троянской войны прибыли из многих краев эгейского мира и что археологические находки вовсе не отличаются полнотой.

В поэмах Гомера говорится о плоской земле, плавающей по воде. Ее окружает поток океана, откуда поднимается и куда опускается солнце. На северных окраинах земли во мраке и тумане обитают киммерийцы, а в долгие дневные часы пасут свои стада лестригоны; на южных окраинах рядом с океанским потоком живут пигмеи, и туда же улетают журавли, спасаясь от зимних бурь. Такое представление о мире не могло развиваться из ограниченных знаний о Восточном Средиземноморье, доступных в раннежелезный век. Оно скорее указывает на знакомство с водами, лежащими за пределами Средиземного моря – Атлантическим океаном, Черным морем, Красным морем, о них могли знать минойские и микенские мореплаватели в зените бронзового века.

В «Одиссее» границы известного мира уже сильно сузились. Хотя там упоминаются сикелы и Сикания (Сицилия), Средиземное море к западу от Итаки и Левкаса представляется совершенно фантастически. На юге Менелай посещает Кипр, Финикию, Сидон, Египет, Эфиопию и Ливию, упоминается и о богатстве египетских Фив. Но египетское побережье лучше знакомо по набегам, а не по мирным контактам, да и положение Фароса относительно берега описывается неверно. Эти скудные знания и беспокойная ситуация хорошо соответствуют концу XIII в., когда контакты с микенскими поселениями на Сицилии прервались, а дельта Нила подвергалась непрерывным набегам. Гомеровские герои были воинами и грабителями; так, Одиссей глубоко оскорблен, когда его принимают за купца, «который мыслит лишь о товаре и о барыше». Торговля оказалась в руках финикийцев. Они торгуют с Лемносом, плавают на Итаку и (через Крит) в Ливию, а их посещают тафийцы, западный народ, торгующий благородными металлами с Темесой (в Италии). Финикийцы обычно фигурируют как сидоняне; но, поскольку Сидон был разрушен около 1190 г., после чего на первое место выдвинулся Тир, вероятно, рассказ Гомера основан на ситуации, существовавшей до этой даты.

Хотя «Илиада» начинается на девятом году Троянской войны, во вторую песнь поэмы включены списки капитанов ахейских кораблей и троянского войска, собравшегося в начале войны. Никакой драматической цели эти перечни не имеют. Очевидно, они были традиционными элементами эпической поэзии, настолько важными для поэта и его слушателей, что их нельзя было пропустить. Поэтому мы можем предположить, что во время создания поэмы эти списки считались вполне историческими.

Согласно списку троянцев, Приам, царь Трои, владел обеими сторонами Геллеспонта, а также азиатским побережьем от горы Ида до юго-восточного угла Пропонтиды. Владения его европейских союзников доходили до реки Аксий в Македонии; в Азии среди самых дальних его союзников были гализоны на северо-востоке и отдельные народы в районе Сард, Милета и Ликии на юге. Размеры державы Приама и число союзников вполне соответствуют богатой Трое VII А (ок. 1300–1200 гг.), но отнюдь не ее нищим наследникам. Более того, ряд названий в троянском списке появляется в хеттских и египетских документах XIV и XIII вв.: это илионцы (Илиунна), дарданцы (Дарденуи), ликийцы (Лука), педасийцы (Пидаса), азийцы (Асува), мизийцы (Муса), а Троя (Таройса), Лесбос (Лазпа) и киликийцы (Киликша) встречаются в «Илиаде» постоянно. В надписи VII в. упоминаются даже далекие гализоны – Халиту. Поэт рассказывает, что стены Трои возвел отец старого Приама – Лаомедонт; это относится к Трое VII А, построенной около 1300 г. Факты разграбления Лесбоса, а позже разграбления Трои подтверждаются раскопками в Терми и в Трое в слоях, относящихся к 1200 г. Примерно в то же время были разрушены укрепленное микенское поселение в Милете и поселения в Киликии. В числе ахейян упоминаются герои-ликийцы Сарпедон и Главк, причем их дед Беллерофонт был родом с Пелопоннеса. Признаки ахейского присутствия в южной Малой Азии прослеживаются в эолийско-аркадском диалекте Памфилии, в преданиях, пересказанных Геродотом, о том, что киликийцев в древности называли гипахейцами и, возможно, в названиях Аххиява и Акайваша в хеттских и египетских надписях XIV и XIII вв., а также в Дануне, фигурирующей в надписях VIII в. в Каратепе (Киликия).

Неизбежен вывод: троянский список отражает историческую ситуацию, существовавшую в XIII в., но не позже; иными словами, троянский список Гомера восходит к перечню, сочиненному во время Троянской войны или вскоре после нее. Это подлинное свидетельство, сохранившееся от бронзового века.

Подлинность ахейского списка не менее убедительна. Представленное в нем распределение сил совершенно не соответствует ситуации архаического или классического периодов. Микены, Тиринф и Пилос представлены как столицы великих держав; позже они стали жалкими деревушками. Следовательно, список не отражает ситуацию железного века; то, что он не вымышленный, подтверждается археологическими открытиями, которые однозначно доказывают, что своим масштабом и подробностями он соответствует историческим условиям в конце бронзового века. Если обратиться к содержанию списка, можно отнести его составление к поколению Троянской войны. Например, вместо Фив, разрушенных эпигонами за поколение до Троянской войны, упоминаются Нижние Фивы (Гипофивы); а Глеполем, приведший свои корабли под Трою, лично основал новую династию на Родосе. Таким образом, список ахейцев в «Илиаде» основывается на более ранней поэме, сочиненной во время Троянской войны или вскоре после нее и описывавшей обстановку того времени.

Некоторые исследователи утверждают, что этот список содержит позднейшие вставки или частично редактировался заинтересованными сторонами в течение архаического и классического периодов. Мотивы для такого редактирования очевидны. Когда греческие политики позднейших времен претендовали на земли соседей, они ссылались на этот список с той же уверенностью, с какой можно сослаться на «Книгу Судного дня»⁹. Но судя по

⁹ Английская перепись населения XI в., славящаяся своей чрезвычайной точностью. (Примеч. пер.)

самой этой уверенности, греки не верили, что список искажен позднейшим редактированием. Более того, соответствие списка археологическим открытиям показывает, что он не подвергался каким-либо существенным переделкам; а скромное место, которое занимают в нем ионийские Афины, дорийцы и даже эолийцы, свидетельствует об отсутствии значительных вставок. Не следует забывать о гигантском своде эпических сказаний и местных легенд, дошедших из бронзового века до классических времен; они дают множество зацепок, не позволяющих списку, помещенному в «Илиаду», стать жертвой фальсификатора. Хороший пример тому – Афины. Благодаря своему политическому и культурному величию именно они могли бы в первую очередь претендовать на включение в список. Но местные легенды утверждают, что Афины достигли величия в поколение Тесея, а не в поколение Троянской войны. И только когда легенда лишилась своей непреложности, Еврипид в «Ифигении в Авлиде» смог заменить гомеровского Менесфея, афинского военачальника, на сына Тесея и ввести другие моменты, выставляющие Афины в выгодном свете; но даже эти нововведения никак не отразились на гомеровском списке. Отрывки, объявленные александрийскими учеными поддельными, не касаются каких-либо политически важных моментов, а единственная строка (якобы добавленная Солоном или Писистратом), ставящая саламинские корабли в один ряд с афинскими, вообще не фигурирует в текстах александрийцев. Эта строчка, очевидно, является поздней вставкой, как и три строки в троянском списке.

Как документ позднебронзового века, ахейский список содержит интересную информацию. Отдельные ахейские отряды, представляющие политическое деление той эпохи, крайне различаются организацией и размерами. Отряд, выставленный одиннадцатью городами, но под командованием одного человека – Агамемнона, – принадлежал сплоченной державе; но отряд вупрасийцев и Элиды, имевший четырех командиров, говорит о более аморфной политической организации этих земель. Из Афин явился лишь один отряд в 50 кораблей, а Фессалия отправила 9 отрядов, насчитывавших 280 кораблей. Такое неравенство сил между Афинами и Фессалией, хотя бы в смысле землевладения, больше уже не повторялось до Ламийской войны, когда Афины растеряли свою энергию предыдущих столетий. Названия народов, пославших отряды, свидетельствуют о различных стадиях политического развития. Афиняне, критяне и родосцы, получившие имя по городу или острову, с течением времени стали отождествляться со своим местообитанием и действуют как единый народ. Другие народы вообще не имеют самоназвания; например, спутники Агамемнона, Диомеда или Протесилая, похоже, объединены лишь личностью своего предводителя и слишком эфемерны как единое целое, чтобы получить общее наименование. Другие народы именуется как племена, и их единство основано на родстве, а не на месте обитания.

Эти различия свидетельствуют о разнообразии в рамках микенского мира – о разнообразии, которое повсюду в «Илиаде» иллюстрируется также множеством видов вооружения и генеалогией ахейской армии и ее предводителей.

Наименее цивилизованными группами предстают отряды, выставленные племенами. Беотийцы, фокийцы, локры, абанты, этолийцы, эниане, перребы, магнеты, мирмидоны, эллины и ахейцы жили в центральной и северной Греции; они занимали холмистые и горные области, за исключением беотийцев, недавно вторгшихся на равнины Беотии. Пелопоннесские аркадцы назывались так по гористой Аркадии, эпееяне населяли Элиду и Дулихию (Левкас), а кефалленцы – южные Ионические острова и прилегающую часть материка. Более развитое общество мы находим на Фессалийской равнине и районах с ярко выраженным средиземноморским климатом, где население именуется по городу или острову, а не по племени – афиняне, аргивяне, пилосцы, критяне, родосцы и так далее, – а о более обустроенной жизни говорят многочисленные названия городов (23 на Фессалийской равнине, 31 на Беотийской равнине, 20 в северо-восточном Пелопоннесе и 18 в южном Пелопоннесе, Крит же называется островом ста городов). Как показывают раскопки, в микенские времена

в Аттике тоже были города, но упомянуты лишь Афины, «город мужественного Эрехтея», правление которого, если руководствоваться генеалогией, приходится где-то на 1350 г. Вероятно, Афины обладали таким господством над окрестными городами, какого не достигли ни Микены, ни Аргос.

Хотя отдельные отряды сильно рознились и действовали независимо, армия в целом выступает под тремя общими названиями – ахейцы, данайцы и аргивяне. Чаще всего употребляется термин «ахейцы». Так же называется одно из трех племен, возглавляемых Ахиллом (а в «Одиссее» ахейцы – племя на Крите), но столь незначительное племя не могло дать название всей армии. Скорее название «ахейцы» является традиционным, восходящим к тем временам, когда хеттские цари вступали в дипломатические отношения с царем Аххиявы. В гомеровском списке используется название «данайцы», чьим эпонимом может выступать Данай; его династия в Аргосе была основана в XV в. Название «аргивяне» может быть связано с этой же династией или же с тем, что Адраст из Аргоса возглавлял в предыдущей войне эпигонов, выступивших походом на Фивы. Порядок, которого придерживается список, тоже может быть традиционным. Сперва упоминается центральная Греция (с лидером Беотией), затем Пелопоннес (лидер – Аргос), западные острова и Этолия (лидер – Дулия), юго-восточные острова (лидер – Крит) и северо-восточная Греция (лидер – держава Ахилла). Такая группировка и лидерство в каждой группе не соответствуют ни относительной силе, ни важности перечисленных в списке регионов; они могут отражать распространение микенской цивилизации или значение отдельных областей в более раннюю эпоху, чем конец XIII в., скажем, эпоху Лабдакидов до падения Эдипа.

Некоторую степень единства армии придает общее командование Агамемнона. Он претендует на наследственную власть «над тьмой островов и над Аргосом», символом которой является священный скипетр Пелопса, попавший к Агамемнону через Фиеста и Атрея. Независимо от того, обладал ли такой властью Пелопс, по имени которого назван полуостров Пелопоннес, или Атрей – возможно, именно он появляется в хеттских записях как Аттариссияс, вторгавшийся в Карию и на Кипр, – в действительности царство Агамемнона включает в себя только Микены, Коринфию и Ахею, так как в предыдущем поколении Адраст и Тидей были независимыми правителями Аргоса. Могущество Агамемнона основано скорее на его отрядах из Аркадии (которую он обеспечивает кораблями) и на правлении его брата Менелая в Лакедемонии; но и он не может приказывать другим царям присылать войска, а лично обращается к дружественным правителям либо шлет к ним послов с просьбой о помощи. Таким образом, единство Греции, описанное в «Илиаде», ничтожно. Традиционное могущество Фив, Микен и Аргоса подорвано, во многих частях греческого мира воцарились новые недолговечные династии, а богатые области материка оккупированы племенами пришельцев, таких, как беотийцы. В ахейском списке перед нами предстает мир, уже находящийся в сумерках между долгим днем бронзового века и темными веками переселений.

Эпическая поэма в первую очередь ведет речь о представителях правящего класса. Они описаны как индивидуалисты, переступающие многие ограничения, нормальные для современного общества. В борьбе за власть они готовы убивать даже родственников, и многие из них не обращают внимания на требования фратрии или филы. Но общество, в котором они жили, конечно, было организовано на более консервативной основе. Нестор, представитель старшего поколения, советует Агамемнону выстроить войско перед Троей по фратриям и филам: «Пусть фратрия помогает фратрии, а фила фило». Простые люди, в отличие от царей, были лояльными членами этих братств (фратрий), основанных на родстве и объединенных в филы. Любой не входивший в какое-либо братство (*aphretor*) был изгоем, он не мог стать членом филы или присутствовать на собрании.

Любой пришелец не имел в этом обществе ни чести, ни прав, если только он не был *demiourgos*, то есть «работающими на народ», – пророк, врач, кораблестроитель или бард.

Нет никаких указаний на существование в этом обществе зависимого класса; слово *thetes* указывает на занятие – наемную работу на чужой земле. Однако рабов добывали на войне или покупали на рынке для работы по дому; во дворце Одиссея насчитывается более 50 рабов и рабынь. Семейная религия строится вокруг очага (*hestia*), всегда находящегося в центре мегарона и в Микенах и повсюду, а за правами семьи следят старейшины, пользующиеся глубоким уважением. Поэтому изгоя называют человеком «без фратрии, очага и прав». В гомеровских поэмах не встречается указаний на почитание героев в семье, но, по-видимому, микенская династия шахтных могил была обожествлена потомками.

Город представлял собой скорее социальное, чем политическое образование. Царь мог подарить несколько городов с их землями верному стороннику, как, например, великий царь Персии в поздние времена одарил Фемистокла. Верхний город или цитадель, в которой размещался дворец, именовался *polis*, а открытый город – *asty*; иногда в просторечии частное наименование использовалось для обозначения целого. Вся политическая власть находилась в руках царя. Он созывал и проводил совет и собрание; он мог спрашивать их мнение, но решение принимал единолично. На войне он требовал подчинения, командовал и забирал львиную долю добычи; в мирное время возглавлял жертвоприношения и праздники и владел священными землями. Хотя его решения не могли быть оспорены, царь имел обязательства перед народом. Как пастырь народа, он должен был защищать его благополучие. Если царь умирал, а его сын был малолетним, трон переходил ко второму мужу царицы. Возглавляя пиры, царь обязан был наливать вино старейшинам, бывшим в его совете, а также своей свите: друзьям, оруженосцам и глашатаям.

Советники также обладали некоторыми правами. Они получали титул старейшин или царей-советников; мнение совета, собиравшегося в царском мегароне, уважалось, совет вместе с царем принимал посольства и обращался к народному собранию. Советники ратифицировали договоры клятвой старейшин, выступали судьями при кровных распрях и осуществляли правосудие в народном собрании. Старейшины зачастую по праву назывались царями, так как они, вероятно, возглавляли фратрии или семейные группы. Народ (*demos*) созывался царем на народное собрание в соответствующем месте (*agora*), как и армия в военное время; народное собрание выслушивало царя и старейшин, говоривших на тему дня – об эпидемиях, ссорах, разделе добычи, политике, договорах и так далее, но права голоса у него не было, и свои желания оно выражало лишь молчанием или аплодисментами. Выступления таких простолоудинов, как Терсит, были делом необычным. При отсутствии каких-либо народных прав постоянную опасность представляли восстания. Такая политическая система существовала в армии, осаждавшей Трою, а также в Трое, Итаке и Пилосе.

В «Одиссее» приводится более подробное описание государства феаков, которое, вероятно, представляет собой идеальное ионическое государство. Царя сопровождают двенадцать царей – скипетроносцев и советников, – собирающихся в тронном зале. В народном собрании царь на глазах у народа обращается к старейшинам, вождям и правителям феакского народа. Возможно, двенадцать царей-скипетроносцев являлись главами двенадцати фратрий, на которые делились четыре филы ионического государства, а старейшины возглавляли составляющие их *gene*, то есть семейные группы. В «Илиаде» афиняне сплочены вокруг Афин, образуя более единое сообщество, чем народ Агамемнона или Диомеда. Эти «кияны длиннохитонные», как называют афинян, являют нам пример ионического государства в эпоху Троянской войны. Более того, афиняне классического периода не забывали местные традиции, восходящие к бронзовому веку, и это вполне естественно, ведь афиняне не лишились своей родины, что произошло с большинством других народов бронзового века после гибели Трои. Фукидид отмечает, что при первых царях в Аттике были отдельные поселения, каждое с собственным советом и градоначальниками, которые действовали независимо, за исключением кризисных времен, и даже воевали друг с другом. Такие поселения

Микенской эпохи известны, например, в Элевсине, Афидне, Бравроне и Торике. В правление Тесея (то есть ок. 1250 г.) отдельные советы и градоначальники были отменены и образовано единое сообщество с единым советом и градоправлением; со времен Тесея в память о «совместном жительстве» проводился праздник, посвященный богине Афине. Объединение Аттики под единой властью не сопровождалось каким-либо крупномасштабным переселением в Афины жителей сел, сохранивших свои традиционные святилища, места захоронения и земли; но Аттика стала одним полисом, то есть государством с централизованным управлением в Афинах, по названию которых именовались и все граждане.

Некоторые старинные аттические предания упоминаются в «Афинской конституции» Аристотеля. До Тесея и после него жители Аттики делились на четыре филы, каждая со своим царем; фила, в свою очередь, состояла из трех фратрий, а каждая фратрия – из тридцати семейных групп (gene), члены которых именовались gennetai. Община состояла из земледельцев (georgoi) и работающих на народ (demiourgoi) – двух групп, различающихся своими занятиями. Афинское государство Тесея явно напоминает государство феаков: двенадцать патриархов соответствуют двенадцати скипетроносным царям, а вожди семейных групп – старейшинам. Таким образом, у нас есть основания полагать, что Афины возникли не только благодаря почитанию Афины на Акрополе, но и вследствие объединения Аттики, которое со времен бронзового века прославлялось на празднике «совместного жительства».

Другое очень древнее предание приписывало составление первого свода законов критскому Миносу. Древние авторы вслед за Гомером считали Миноса исторической личностью, основателем династии в Кноссе за два поколения до Троянской войны. Геродот уверенно относит Миноса к этому поколению и рассказывает о его походах и смерти в Сицилии, а Фукидид безоговорочно приписывает ему же господство на морях и завоевание островов. Легенда о том, что Афины раньше платили Миносу дань, посылая ему по семь юношей и семь девушек, но освободились от этой обязанности, когда Тесей убил минотавра, вследствие участия Тесея, относится к этому же времени. Некоторые исследователи считают, что Минос был критским царем XV в., а убийство минотавра интерпретируют как разрушение Кносса около 1400 г. Но греческий эпос не содержит подробных воспоминаний о столь далеком периоде, а весь контекст этих легенд позволяет их однозначно датировать XIII в. Само имя Минос может быть наследственным титулом, закрепившимся с ранних времен. Однако Минос Гомера, Фукидида и Геродота – это греческий царь, правивший на Крите. Отсутствие у него предков-людей говорит о том, что он явился из какой-то другой страны и на Крите основал династию. В «Одиссее» говорится, что остров Крит лежит посреди винноцветного моря: «Разные слышатся там языки: там находишь ахейцев, воинственных этеокритян, кикон, trikhaikes дорийцев и божественных пеласгов; в великом городе Кноссе, едва девяти лет достигнув, стал править Минос вместе с великим Зевсом, дед мой, отец великого Девкалиона». Этеокритяне, вероятно, были потомками доэллинического «минойского» населения, так же как киконы и пеласги. Под ахейцами, возможно, имеются в виду потомки явившихся на остров грекоязычных народов, а дорийцы, может быть, пришли вместе с Миносом в XIII в. Эпитет trikhaikes в этом отрывке интерпретируется Гесиодом как «тройственные» и понимается в смысле разделения земли дорийцев на три части, вероятно соответствующие обычному их делению на три филы – гиллейцев, диманцев и памфилов. Другой пример деления на три филы мы видим на Родосе, где правил гераклид Тлеподем, любимец Зевса, а его соратники, как и другие гераклиды, вероятно, были дорийцами, захватившими ахейское поселение на Родосе так же, как на Крите. В течение смутных веков дорийцы сохраняли власть над Критом, как ионийцы – над Аттикой. Благодаря этой преемственности предания о Миносе и Тесее – законодателях бронзового века – сохранились и в классические времена.

Мир богов в «Илиаде» является отражением мира людей. Власть Зевса-царя над богами столь же шатка, как и власть Агамемнона над своими вельможами. Боги также обла-

дают личными правами, собираются на совет и пируют в великолепных чертогах Зевса. Боги, как и герои-правители, интернациональны или, скорее, лишены национальности. Они требуют от людей службы в форме ритуальных жертвоприношений и одевают людей счастьем и несчастьем не сколько по справедливости, сколько по личному капризу. Они полностью антропоморфны: они влюбляются, ссорятся и воюют как люди, земные женщины рожают от них детей, они терпят унижения в человеческом обличье. Их власть превышает власть людей: в их воле изменять характер людей и побуждать их на те или иные поступки. Но действия богов не согласованы, да и сами они не всемогущи. Жизнь и богов, и людей незримо управляет судьба; она определяет продолжительность жизни людей, их рождение и смерть, и даже боги тут не могут ничего изменить.

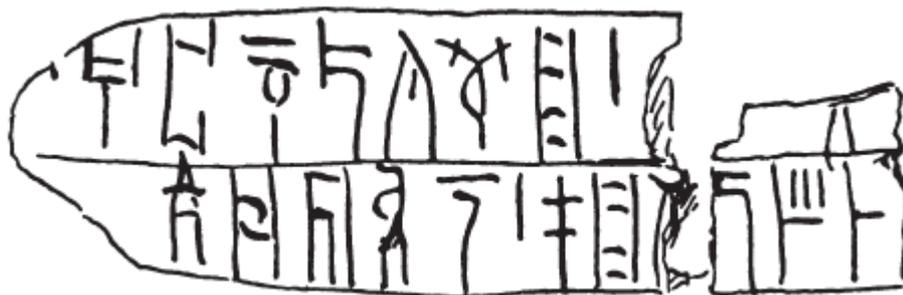
Гомеровские герои не обладают кодексом поведения, внушенным богами. Они знают, что должны уважать богов, своих родителей, просителей и чужестранцев, которые находятся под защитой самого Зевса. Во всем остальном они следуют собственным представлениям о мужестве, среди которых первейшие добродетели – храбрость и мужество, а высочайшая награда – прославиться между людьми. Победоносный Ахилл, стоя над телом Гектора, восклицает: «Умирай! А мою неизбежную смерть я встречу, когда ни пошлет громовержец и вечные боги!» Жизнь, полная славных подвигов, кончается смертью. Как только мертвое тело погребают или сжигают, бессильная душа спускается в подземный мир. Подобные представления о природе богов и людей, вероятно, навеяны условиями жизни века героев. Они сильно отличаются от идей и обрядов поздних времен, когда важную роль играли духи, демоны, табу и культы мертвых; и сколь бы много ни внес Гомер в эпическую поэму в смысле передачи характеров и чувств героев, чувствуется, что он добросовестно следовал основополагающим верованиям героического века.

Любая попытка выявить элементы более ранних религиозных представлений, создающих фундамент цивилизации, изображенной в гомеровских поэмах, будет чрезвычайно рискованной. В век героев в разных классах общества и в разных областях Эгейского бассейна, видимо, и религиозная практика была различной. Хотя более древние обряды могли оставить след в поэмах Гомера, нельзя исключить и вероятность того, что такие не героические темы, как посещение Одиссеем подземного мира, являются поздними вставками. Тем не менее некоторые осторожные выводы можно сделать. Постоянные эпитеты «совоокая» и «волоокая» – признаки того, что богини Афина и Гера раньше связывались или отождествлялись с совой и коровой; подобными отождествлениями изобилует ранняя греческая мифология, являющаяся в большой степени порождением минойского и микенского мира. Дубы Зевса в Додоне и Трое, возможно, представляют собой отголоски почитания божества в форме дерева. Следы почитания солнца можно увидеть в описании острова и стад, посвященных Гелиосу, богу солнца. Упоминание в одном отрывке о жертвах Гелиосу, Гее и Зевсу может отражать первобытное поклонение солнцу, земле и небу.

Некоторые боги связаны с определенными местами; например, Гера – с Аргосом, Спартой и Микенами, Афина – с Афинами и Троей,

Посейдон – с Эгами, Гефест – с Лемносом, Афродита – с Пафосом на Кипре, а Арес – с Фракией. Упоминаются и местные культы, например пеласгийский культ Зевса в Додоне, где жрецы, спавшие на земле с невымытыми ногами, толковали божественные оракулы. Во всем этом отражается местное происхождение богов, которые в гомеровских поэмах признаются уже повсеместно; а связь Зевса с Олимпом и с Додоной в Греции и с Идой в Троаде может свидетельствовать о том, что об отце богов стало известно от народов, вторгшихся из Центральной Европы. В обычаи, сопровождающие кремацию гомеровских героев, входит захоронение оружия, жертвоприношение волос и даров, плачи, игры и пиры. В поэмах Гомера они описываются как почести, оказываемые покойному, но зародились они в те времена, когда считалось, что мертвый и в посмертной жизни нуждается в пропитании, а его дух сле-

дует умиротворить, может быть, человеческими жертвами, как на погребении Патрокла. Эти пережитки напоминают нам, что религия века героев, как и большинство религий, была синтезом более ранних верований, но в своем гуманизме и универсальности она возвышается над верованиями бронзового века. А будучи существенно греческой по духу, она стала вдохновляющей силой для греков, вышедших из темных столетий раннежелезного века. Красота и значение эпической поэзии поднимают ее над всем остальным наследием, оставшимся от цивилизации бронзового века.

Глиняная табличка из Кносса (ок. 1400 г.) с микенским письмом.

Расшифровка надписи: а-та-на-по-ти-ни-йа I... э-ну-ва-ри-йо I па-йо-во [не? I] по-се-до [о-не I «Владычице Афине... Эниалиосу, Пайану, Посейдону»

Глава 3 Великие переселения

1. Вторжения в материковую Грецию

Незначительные переселения народов начались за столетие или раньше до падения Трои. Сами троянцы и ахейцы силой проложили себе путь в круг цивилизованных средиземноморских держав, но оказались ненадежными хранителями мира. Их собственные государства не смогли предотвратить проникновения фригийцев в район Геллеспонта, дорийцев – на Крит и Родос и беотийцев – в центральную Грецию. На материке поколение Троянской войны отмечено войнами: был сожжен внешний город в Микенах, разрушен дворец в Пилосе. Однако именно падение Трои привело к катастрофическим и далеко идущим последствиям. Хоть на пепелище Приамова града поднялась новая полунищия Троя, военная коалиция во главе с Приамом, отразившая вторжение амазонок на реке Сангарий, распалась навсегда. Узкие ворота между Европой и Азией остались без охраны, и в них немедленно хлынули орды варваров. Вторгшиеся из Фракии фригийцы уничтожили древнюю империю хеттов и захватили центральные равнины Малой Азии. В покоренной Лидии к власти пришла новая династия, считавшая своим родоначальником самого Геракла. Захваченные волной варварского нашествия, народы побережья и островов уничтожали процветающие города на своем пути, такие, как Мерсин, Тарсус, Угарит и Сидон, и разграбили остров Кипр. Филистимляне захватили и оккупировали побережье Палестины. Египетская дельта снова подверглась набегам, и к концу XII в. Египетское царство оказалось отрезанным от средиземноморского побережья.

Опустошение Ближнего Востока в десятилетия, следовавшие за падением Трои, привело к ухудшению обстановки на Эгейских островах и в материковой Греции. Здесь, еще до того как кочевые народы вторглись на полуостров около 1150 г., царили насилие и *stasis* (застой). Варвары захватили центральную Македонию, ранее находившуюся под защитой западного крыла коалиции Приама, и проникли в Эпир и Фессалию. За этим нападением последовала великая волна миграций, которая почти полностью изменила этнический состав полуостровной Греции, изгнав оттуда многих ее предыдущих обитателей. Так по всему Эгейскому региону начался процесс, выразительно описанный Фукидидом: «То и дело происходили переселения, некоторые племена поспешно покинули свои дома под натиском превосходящих сил». В ходе этого процесса погибла цивилизация бронзового века, а в течение дальнейших трех веков смуты на материке, возможно, было забыто даже искусство письма.

В беспокойные времена, когда торговые пути были перерезаны, народы Эгейских островов и узких полосок азиатского побережья страдали от голода. Не обладая природными ресурсами и добывая средства к существованию торговлей, они становились пиратами или переселялись. Во время Троянской войны ахейцы и их родичи владели Эвбеей, Эгиной и самой южной цепью островов, протянувшихся к юго-западному побережью Малой Азии. Другие Эгейские острова, не фигурирующие ни в списке ахейцев, ни вообще в ранних греческих легендах, вероятно, были захвачены карийцами, финикийцами, лелегами, турсенцами и пеласгами. Возможно, те же народы частично удерживали побережья Малой Азии, где селились также ликийцы, мисийцы, ахейцы (в Памфилии) и, может быть, филистимляне. Многих из этих народов участвовали в набегах на дельту: турша (турсенцы), лука (ликийцы), пелесет (филистимляне), акайваша (ахейцы) и деньен (данайцы). Хаос в Восточном Средизем-

номорье, возможно, затронул и запад, так как к этим захватчикам присоединялись и мешвеш (ливийский народ).

Морские набеги часто сопровождались переселениями. Некоторые турсенцы, возможно, переселились в северо-западную Италию, где умбрийцы дали им имя этрусков. Другие, пройдя Гибралтарским проливом, основали Таршиш (Тартесс) на атлантическом побережье Испании. Финикийцы из Тира основали Утику, Гадрумет и, наконец, Карфаген на побережье Африки и Гадес на испанском берегу; а названия на африканском побережье свидетельствуют, что в этих переселениях участвовали карийцы и мисийцы. Возможно также, что троянцы поселились в Хаонии и на Сицилии – в Эриксе и Сегесте – и высадились на побережье Лация к югу от Этрурии. Эти народы обладали навыками мореплавания, умели торговать и не были чужды искусства. Обосновавшись в своих новых домах, они возглавили культурный ренессанс в Западном Средиземноморье.

Возвращение (*nostoi*) ахейцев из-под Трои также отражено в эпической поэзии. Во время морских набегов многие вожди со своим разнородным войском завоевали себе новые царства. На Кипре ими были основаны династии в Пафосе, Саламине, Курионе, Лапате и Соли, заявлявшие о своем происхождении от правящих семейств микенской Аркадии, Саламина, Арголиды, Лаконии и Аттики. В Синде (центральный Кипр) археологами недавно найдены следы вторжений в последней фазе бронзового века. Там благодаря пришельцам укрепились уже существовавшие микенские поселения, которыми во время Троянской войны правил царь Кинурас; династии, восходящие к обеим волнам переселений – например, Кинуриды в Пафосе и Тевкриды в Саламине, – дожили и до классических времен. На южном побережье Малой Азии новые поселения основали ахейцы, киликийцы и памфилийцы, пришедшие из Трои. Вожди ахейцев, включая Амфилоха из Аргоса, Калхаса из Микен и Мопса из Фив, создали поселения в Фаселисе, Ольвии, Аспендосе, Селге, Соли, Тарсусе, Маллусе и в Посейдионе на сирийском побережье. Судя по данным археологии, Тарсус того времени был оккупирован микенцами, а царь Аситавадас, правивший в VIII в. в Каратепе, претендовал на происхождение от Мопса. Следы дорийского диалекта в эолийско-аркадском наречии Памфилии, возможно, привнесены туда дорийцами, переселившимися с Родоса сразу после Троянской войны. Другие отряды ахейцев могли отправиться на запад, где, согласно поздним преданиям, находились поселения в амфилохийском Аргосе, южной Иллирии и южной Италии.

Вторжения завоевателей в полуостровную Грецию подтверждаются и археологическими раскопками. Пришельцы, спустившись по долине Аксия, разрушили поселения в центральной Македонии и дошли до Додоны в Эпире и подножия горы Осса в Фессалии. Их грубая керамика имеет сходство с керамикой лужицкой культуры в долине Дуная. Одновременно она появляется и в Трое. Эти захватчики из Европы или (что менее вероятно) из Азии сокрушили северные рубежи обороны микенской цивилизации, сообщая импульс и другим двигавшимся на юг народам. Большинство центров микенского мира подверглось грабежам и разрушению. В Микенах были ограблены и сожжены все здания в цитадели. В Тиринфе был сожжен и превращен в кладбище внешний город. Кладбищем стало и микенское поселение в Пеликате на Итаке.

Лужицкое вторжение и разграбление многих микенских центров из-за присутствия в слоях пожара керамики амбарного стиля относится ко второй половине XII в. Датировать переселения мигрирующих народов археологическими методами невозможно, так как до нас дошли лишь проявления их последствий. За исключением Афин и окраин греческого мира в южном Крите и на Кипре, цивилизованная жизнь всюду пришла в упадок. Города, существовавшие столетиями, внезапно обезлюдели. С крайней поспешностью строились небольшие поселения, например на Крите, а во многих земледельческих районах культурные слои этого периода не содержат никаких археологических находок. Характерные для

микенской цивилизации торговые связи полностью прервались, каждый регион жил изолированно.

Археология практически не в состоянии пролить какой-либо свет на то, кем были эти пришельцы и откуда они явились. В период темных веков, последовавший за первым вторжением, новшества появляются спорадически и несинхронно. Железное оружие, в частности рубящий меч и копье, раньше всего получило широкое распространение в Афинах и на Крите. В войнах архаической Греции важную роль стала играть конница, неизвестная авторам эпических поэм, в которых верховая езда рассматривалась лишь как занятие мирного времени. Самое первое греческое изображение конного воина найдено на Крите и восходит, вероятно, к X в. Кремация мертвых в Греции бронзового века была редкостью (она практиковалась, например, на Левкасе в среднебронзовый век; также можно вспомнить смерть Геракла на горе Эта и похороны ахейских героев под Троей), а в раннежелезный век в некоторых местах стала регулярным явлением, в других же была неизвестна. Самые ранние примеры кремации известны по Афинам и по Криту. Появились новые типы застежек для одежды. В Афинах в больших количествах находят длинные булавки, использовавшиеся, чтобы закалывать дорийский пеплос (квадратный кусок шерстяной ткани, обернутый вокруг тела и скрепленный на плечах), который, по словам Геродота, раньше служил одеждой для женщин по всей Греции, особенно в Афинах. Застежка другого типа, «очковая фибула», возникшая в Центральной Европе, также была известна уже в начале железного века. Как характерная деталь узоров на керамике появляются концентрические круги сперва на черепках лужицких пришельцев в Македонии, а затем в разрушенных городах на Итаке и Кефаллении.

Эти новшества недостаточны для каких-либо уверенных выводов, слишком они фрагментарны и появляются с разницей в полвека или больше. Однако некоторые негативные выводы сделать можно. Захватчики не принесли с собой какой-либо керамики характерного стиля или иных признаков развитой цивилизации. Они не жили в городах. Вероятно, сперва они кочевали, живя в шатрах и хижинах, пользовались деревянными предметами и поклонялись деревянным статуям. Затем появились и мелкие деревни. Пришельцев не восхищали достижения микенской цивилизации, так как, вероятно, они явились из-за пределов микенского мира. Они были достаточно крепкими физически и имели опытных вождей, раз сумели разрушить укрепленные микенские города. Оружием они, возможно, превосходили покоренные народы, но в искусствах точно им уступали.

В греческих преданиях основная волна переселенцев называется дорийцами – грекоязычным племенем во главе с Гераклидами, ахейским кланом, происходящим от Геракла и жившим в изгнании. Первое вторжение дорийцев окончилось неудачей, когда Гилл, сын Геракла, был убит в единоборстве на Истмийском перешейке около 1220 г., но беотийцы из юго-западной Фессалии закрепились в Кадмее. Дорийцы в тот период осели на Крите, а также, возможно, на Родосе и соседних островах; туда их привели некоторые Гераклиды – конкретно Тлеподем, изгнанный из Эфиры (вероятно, в Феспротии), и сыновья Фессала, давшего свое имя фессалийцам. Через шестьдесят лет после гибели Трои, то есть около 1140 г., фессалийцы во главе с Гераклидами перебрались из Феспротии в южном Эпире в юго-западный ном Фессалии, который отныне назывался Фессалиотида. Они выгнали обитавших там беотийцев, которые ушли на юг и соединились с другой ветвью этого же племени в Кадмее, получившей с тех пор название Беотия. Двадцать лет спустя (ок. 1120 г.) дорийцы во главе с Гераклидами, выйдя из Дриопиды, одного из районов Дориды, достигли северного побережья Коринфского залива. Переправившись через него, в союзе с пришельцами из западной Этолии они захватили надежный плацдарм на северном берегу Пелопоннеса. После первого успеха союз распался: дорийцы вторглись в Арголиду, а прочие – в северо-западный Пелопоннес. Еще позже дорийцы повернули на север, победили этолийскоязычные народы Коринфии и заняли Истм. До того момента предания конкретны и называют имена. Но после

покорения Пелопоннеса общегреческие предания исчезают, остаются только местные. Это знаменует переход от обширного мира бронзового века к разобщенности железного века.

Прежде чем углубиться во мрак последовавших темных веков, следует задаться вопросом о происхождении пришельцев и их идентификации. Фессалийцы и беотийцы дали свое имя покоренным землям. Первые пришли из Феспротии, вторые – из юго-западной Фессалии. Дорийцев, вторгшихся на Пелопоннес, вероятно, называли так жертвы вторжения. До того их называли македны, когда они жили в северном Пинде. Теперь же их именовали дорийцами, очевидно, потому, что первые отряды пришельцев явились из Дориды, небольшой области на границах микенского мира. Западная же группа захватчиков не имела собственного имени. Их возглавляли не Гераклиды, а этолийцы из Этолии бронзового века, и позже они позаимствовали названия местностей, в которых осели. Эта и дальнейшие волны захватчиков, наверно, шли из горных областей северо-западной Греции, расположенных между Доридой, Фессалиотидой, западной Македонией и Феспротией. Однако их вожди были уже хорошо знакомы с морем. Это ясно из того, что их первые поселения возникли на Крите, Родосе, Нисиресе и других островах, а в ахейском списке у беотийцев числится больше кораблей, чем у ахейцев. Мореплаванию они могли научиться в Амбракийском заливе или на западном побережье Феспротии, что и позволило им предпринять морское вторжение на Пелопоннес.

В поэмах Гомера полуостров к югу от Истма не имеет общего названия; Пелопоннесом, «островом Пелопса», его, вероятно, называли пришельцы. Если они пришли с моря, то могли принять полуостров за остров; их вожди – Гераклиды – утверждали, что они вернулись отвоёвывать царство Пелопса, из которого их изгнали пелопиды. Эллинами же всех захватчиков стали называть для того, чтобы отличить их от предшественников. В ахейском списке названия лишь трех племен оканчиваются на – enes: это эниане (Enienes) из Додоны, кефалленцы (Kerhallenes) с западных островов и соседних областей материка и эллины (Hellenes) с горы Эта. Все три племени жили в северо-западной Греции или по соседству, где в последующую эпоху народы, носившие такие названия, были широко распространены. Поэтому вполне вероятно, что эллины с горы Эта, как и беотийцы из Кадмеи, явились из северо-западной Греции во главе наступающих орд, и их именем позже называли всех их последователей, вторгшихся в Грецию и с севера, и с юга от Истма. В конце концов название «эллина» закрепилось за всеми грекоязычными народами. Слово «Эллада» имеет аналогичную историю. Согласно Аристотелю, первоначальным местом обитания эллинов была Эллада, область вокруг Додоны в Эпире. В «Илиаде» так называется родина эллинов Ахилла; в «Одиссее» – Греция к северу от Истма; и наконец, весь Греческий полуостров.

После того как главные микенские твердыни пали, захватчики расселились на самых плодородных землях. Владения фессалийцев простирались от Фессалиотиды по всей главной Фессалийской равнине. Девять ахейских государств Фессалии сменились четырьмя крупными владениями со столицами в Ларисе, Кранноне, Фарсале и Ферах (в ахейском списке лишь Феры фигурируют как город). Впоследствии наибольшей властью в Фессалии обладали Алевады из Ларисы, заявлявшие о своем происхождении от Гераклидов, первоначально возглавлявших вторжение. Беотийцы во время наступления на юг из Фессалиотиды в Беотию, видимо, разделили локрийцев на две части, по которым в поздние времена получили свои названия Опунтийская Локрида и Озолийская Локрида. В северной Беотии пришельцы сперва заняли Херонею и Коронею; последняя стала местом общебеотийского праздника Панбеотии, проводившегося в честь Афины Итонийской. Завоевание и заселение Беотии шло медленно: Платея возникла позже, а минийский Орхомен сохранил свои особые предания и в классический период. Здесь, как и в Фессалии, во главе пришельцев стояли сильные кланы, например Офельтиады из Херонеи и Эгеиды из Фив.

На Пелопоннесе западная группа захватчиков, возглавлявшаяся этолийцем Оксиллом, поселилась на богатых равнинах «пустой Элиды». Потомки Оксила, Оксилиды, остались ведущим Асланом в Элиде, и позже именно они были *Hellanodikai* (судьями эллинов) на играх в Олимпии с ее культами Зевса и Геры. Восточная группа захватчиков – дорийцы во главе с Гераклидами – заняли наиболее богатые земли в восточном и южном Пелопоннесе. Согласно преданию, когда около 1120 г. вожди гераклидов тянули жребий, Арголида досталась старшему сыну Темену, Мессения – Кресфонту, а Лакедемония – Аристодему или его сыновьям-близнецам Эврисфену и Проклу. Поначалу они, вероятно, совместно разрушили микенские твердыни, способные на организованное сопротивление. Но последующее завоевание и заселение трех основных регионов полуострова потребовало усилий нескольких поколений.

Внуки Темена, унаследовавшие Аргос как свою резиденцию, снесли многие города на Аргосской равнине. В Эпидавре зять Темена, Деифонт, некоторое время сохранял независимость от Теменидов. Трезена и Гермiona получили дорийских поселенцев из Аргоса. Остров Эгина в Сароническом заливе заселили дорийцы из Эпидавра. Сын Темена основал в Коринфском заливе дорийский Сикион; его сын, в свою очередь, основал дорийский Флий. Однако Коринфия была захвачена дорийцами во главе с другим гераклидом, Алетом, который не входил в число Теменидов. Возможно, захват Коринфии произошел после захвата Сикиона и Флия. В самую последнюю очередь дорийцы, пришедшие из Коринфии, Мессении и других дорийских областей Пелопоннеса, заселили Мегариду.

Вторжение в Лакедемонию шло под руководством Эврисфена и Прокла; завоевание продолжалось в течение нескольких поколений. Амиклы к югу от Спарты были взяты лишь при поддержке Эгеидов, призванных из Фив. Последовавшие за дорийским вторжением смуты продолжались в Лакедемонии дольше, чем где бы то ни было. В Мессении гераклиды и дорийцы закрепились в прибрежном Пилосе. Но внутренняя Стеникларийская равнина находилась под властью Эпитидов, клана недорийского происхождения, о чем свидетельствуют последующие предания. Таким образом, после вторжения на Пелопоннес последовал длительный период войн и смут, и лишь некоторым районам полуострова удалось сохранить независимость.

Пока главные силы дорийцев штурмовали микенские твердыни в Арголиде, Лакедемонии и Мессении, другие отряды отправились за море захватывать острова и объединились со своими предшественниками на Крите, Родосе, Нисиросе и других островах. Кифера, Милос и Фера были заняты дорийцами из Лакедемонии. Захватчики, возглавляемые Тираком из клана Эгеидов, явились на Феру в поколение Эврисфена и Прокла; Милос, лежащий между материком и Ферой, был оккупирован, вероятно, в то же время – согласно Фукидиду, около 1116 г. Дорийцы из Лакедемонии и Арголиды, возвышение которых приходится примерно на 1050 г., под руководством Алфемена, внука Темена, захватили богатую равнину в центре Крита, а позже расселились и в других частях острова. Дорийцам из Арголиды достались острова Анафи, Астипалея, Касос и Карпатос. Другие присоединились к дорийцам, уже давно поселившимся на Родосе, где в V в. еще сохранялся культ первого основателя колонии, гераклида Тлеполема. Однако под влиянием Аргоса его родиной стали считать не Эфиру (вероятно, в Феспротии), а Тиринф в Арголиде. Нисирос, Кос и Калидны были заселены выходцами из Эпидавра. На соседнем малоазиатском побережье дорийцы и ионийцы из Трезены основали Галикарнасс, дорийцы из Арголиды – Яс, а дорийцы из Арголиды и Лакедемонии – Книд. Эти города обозначили самые дальние пределы дорийских завоеваний. На Книдском мысе был основан культ Аполлона Триопийского, к которому допускались лишь дорийцы из Книда, Галикарнасса, Коса и трех городов Родоса (Линд, Ялис и Камир). Таким образом, дорийцы захватили все острова из ахейского списка, а также Милос, Феру и Киферу. Такой успех был достигнут силой оружия и за счет ахейцев, карийцев, финикийцев

и других эгейских народов. Эти острова когда-то служили вехами на главном торговом пути между материковой Грецией и Востоком. Но в темные века все торговые потоки прервались.

2. Характеристика захватчиков

Пришельцы принесли в покоренные районы два близкородственных диалекта греческого языка – дорийский и северо-западный греческий. В классическое время по-дорийски говорили на Эгине, в Мегариде и в восточном Пелопоннесе от Сикионии до Лакедемонии; в Мессении, где его широкое распространение, возможно, отчасти связано с последующим захватом этой области Спартой; на южных Эгейских островах и на прилегающем побережье Малой Азии, за исключением Галикарнасса, где поселенцы имели смешанное происхождение и преобладал ионийский диалект. На северо-западном греческом говорили в Элиде и Ахее, на Итаке, Кефаллении и Закинфе и по всей центральной Греции от внутренней Акарнании и Амфилохии до южной Фессалии и некоторых районов Беотии.

Распределение этих диалектов совпадает и с расселением завоевателей, как оно изображается в письменных преданиях. Область распространения дорийского диалекта точно совпадает с местами поселений дорийцев, согласно преданиям. Область распространения северо-западного греческого диалекта не противоречит скудным преданиям, оставшимся от других пришлых народов. Очевидно, фессалийцы, беотийцы и народ Оксила говорили на одном диалекте, и, следовательно, Фессалия, Беотия и Элида были заселены выходцами из одной области, которая едва ли могла находиться где-либо, кроме южного Эпира. Распределение северо-западного греческого диалекта свидетельствует также о том, что вслед за завоевателями Фессалии, Беотии и Элиды пришли и другие народы, говорящие на том же диалекте, которые поселились в других областях центральной Греции, на южных островах Ионического моря и в Ахее на Пелопоннесе. Еще один народ, пришедший с запада, занял Вергину и долину Альякмона; эти пришельцы хоронили своих мертвых в курганах. Факт близкого родства дорийского и северо-западного греческого диалектов можно объяснить лишь гипотезой о том, что до эпохи вторжений носители обоих диалектов жили по соседству, вероятно в западной Македонии и Эпире, – ведь, согласно письменной традиции, дорийцы сперва обитали в юго-западной Македонии, а затем в Дориде, а фессалийцы пришли из Феспротии в Эпире.

То, что дорийцы отличались от других пришельцев, ясно из последующей истории. Дорийцы заняли и удерживали лидирующее положение в греческом мире. Их ранние государства были более могущественными, а их колониальные проекты – более амбициозными, чем у других греков. Носители северо-западного греческого диалекта отставали в культурном и политическом развитии; больше занимаясь сельским хозяйством, чем мореплаванием, они играли ничтожную роль в колониационных процессах и в развитии эллинской цивилизации.

Рис. 9. Диалекты полуостровной Греции в классическую эпоху

Сами дорийцы были разделены на три филы – гиллейцев, диманцев и памфилов. То, что такой системы придерживались и первые дорийские поселенцы на Крите и Родосе, и последующие дорийские государства, свидетельствует, что это разделение произошло еще до дорийского вторжения, начавшегося около 1120 г. В основе разделения, возможно, лежали племенные признаки; его долговечность обязана, может быть, системе наследственных или кастовых профессий. Захватчики-дорийцы сражались отрядами, отдельными для каждой филы, и землю делили также на основе фил. Пелопоннесские дорийцы соблюдали священный месяц *Karneios* и культ Аполлона Карниоса; поскольку *karnos* означает «баран», видимо,

этот дорийский бог первоначально являлся богом пастушеского народа и позже стал отождествляться с Аполлоном. В дорийских государствах Пелопоннеса был распространен и культ Аполлона Пифийского; возможно, он был воспринят еще до вторжения, когда дорийцы обитали к северу от Дельф, главного святилища Аполлона. Другие народы-завоеватели этих культов не знали. Фессалийцы и беотийцы практиковали культ Афины Итонии, возникновение которого, вероятно, относится к началу вторжения.

Обе группы народов-захватчиков были организованы на основе фил и делились на фратрии, которые, в свою очередь, состояли из родов или семейных групп. Они захватили лучшие земли на равнине и жили в небольших неукрепленных деревушках, которые в дорийских областях назывались *komai*, а в Элиде – *damoi*. Деревни, вероятно, представляли собой семейную единицу, а глава общины носил титул царя (*basileus*). Каждая семья получала неотчуждаемый земельный участок (*klagos*); обладание землей наделяло правом на членство в общине свободных людей. В недорийских областях земельные участки сильно различались размерами; например, в Фессалии, Беотии и Элиде крупные землевладельцы содержали конные отряды и играли решающую роль в политике. В дорийских областях, похоже, земля распределялась более равномерно. В фессалийских усадьбах и в дорийских областях земли обрабатывали сервы, входившие в общину и имевшие ограниченные права; возможно, такую систему установили Гераклиды, возглавлявшие фессалийцев и дорийцев, так как она не применялась ни в Элиде, ни в Беотии, ни в других районах распространения северо-западного греческого диалекта. Раздел земли между владельцами не означал конца смутного времени, так как деревни воевали друг с другом, а мужчины никогда не расставались с оружием.

Дорийцы и фессалийцы оказались суровыми повелителями покоренных народов. На равнинах последние были низведены до положения сервов, а в горах получили зависимый статус перизков (*perioikoi*). В обоих случаях коренные жители считались военной добычей, а их диалекты иногда влияли на речь новых господ. Так, аркадские языковые формы уцелели в Писатиде и в южной Лаконии, а эолийские формы – в Элиде и некоторых коринфских колониях (что, вероятно, отражает положение в раннем Коринфе). В Трезене ионийский диалект просуществовал достаточно долго, чтобы проникнуть и в ее колонию Галикарнасс, но в Кинурии он был вытеснен дорийским диалектом. В Ахее, где, вероятно, имелась прослойка ионийцев и ахейцев, в классические времена пользовались северо-западным греческим диалектом. На Крите уцелел язык ранних поселенцев, известных как этеокритяне; на Карпатосе этеокарпатийцы перешли на дорийский диалект.

Беотийцы и другие народы, вторгшиеся в центральную Грецию, не низводили коренное население до крепостного или подчиненного состояния. Вследствие этого на северо-западный греческий диалект Фокиды, Опунтийской Локриды и особенно Беотии сильно повлиял эолийский диалект. Кроме того, захватчики иногда допускали покоренные народы в свои общины. Гераклиды и их потомки, основавшие царские дома Аргоса и Спарты, были ахейцами; а Эгеиды, ставшие жрецами Аполлона Карниоса в Фивах, Спарте и на Фере, назывались кадмейцами. В некоторых дорийских государствах вожди коренного населения были приняты в привилегированную общину, образовав четвертую филу. Они вошли в круг аристократии, отрехшись от своих соотечественников.

3. Эолийская и ионийская миграции

Вторжение согнало многие народы с насиженных мест. Эолийцы из Фессалии, Фокиды, Локриды и Беотии в поисках новых земель отправились за моря. Первая группа во главе с Пенфилом, сыном Ореста, сперва закрепилась на фракийском побережье, а два последующих поколения их потомки основали поселения на северо-западном побережье Малой Азии и на соседних островах Тенедос и Лесбос. Вторая группа основала Киму, и общее

количество поселений на материке возросло до 12; Кима и Лесбос дали начало нескольким городам в Троаде.

Медленный темп эолийской миграции свидетельствует об оказываемом сопротивлении. Колонизация шла последовательными волнами, и возглавляли ее в основном Пенфилиды, которые удерживали наследственный титул царя, например в Митилене на Лесбосе. Эмигранты из разных областей не образовывали отдельных общин, а, как правило, сливались в одну общину; например, в Метимне на Лесбосе жили поселенцы из Эритр, Фокиды и Скироса. Они не расставались со своими диалектами и культурами и искали территории со знакомыми условиями: плодородные земли с сырыми зимами и жарким летом. В эпоху Ренессанса греческой литературы вновь расцвели их поэтические и музыкальные таланты, но в политической истории классического периода они играли незначительную роль. Согласно генеалогии Пенфилидов, эолийская миграция началась около 1130 г. и продолжалась до 1000 г. или позже.

В горных областях Пелопоннеса сопротивление захватчикам продолжалось в течение нескольких поколений. Запутанные и порой противоречивые воспоминания об этом периоде, уцелевшие в устных преданиях и известные нам благодаря пересказу Павсания, не заслуживают полного доверия, но они свидетельствуют о жестокой борьбе, характерной для многих аналогичных периодов сопротивления в истории средневековой и современной Греции. Оплот сопротивления находился в Аркадии, которая сохранила свой аркадский диалект и так и не покорилась. Аркадцы, кавконцы и минийцы столетиями удерживали горную страну между Элидой и Мессенией, образующую номы Трифилия и Лепреатида. В IV в. аркадцы все еще претендовали на эти области, которые тогда находились под властью Элиды, и там сохранялись местные культы Посейдона Самийского и Кавкона. Вершины и ущелья горы Тайгет и ее отроги служили пристанищем беженцам и базой для нападений на дорийцев Лакедемонии и Мессении. Рассказ Геродота о том, как беженцы-минийцы разжигали лагерные костры на склонах Тайгета, можно считать типичным описанием партизанских войн того времени.

Ахея, тоже богатая горами и узкими долинами, образовывала анклав между народом Оксила в Элиде и сикионскими дорийцами. Здесь, согласно преданиям, искали прибежище ахейцы из Арголиды и Лакедемонии, отчего и страна получила название Ахея. Они вытеснили отсюда коренных жителей – ионийцев, называвших свою землю Эгиалон и поклонявшихся Посейдону в Гелике. Эти ионийцы бежали в Аттику, где уже нашли пристанище Нелеиды – изгнанная дорийскими захватчиками семья, царствовавшая в мессенийском Пилосе. Так как в классические времена в Ахее пользовались северо-западным греческим диалектом, вероятно, что ахейцы подпали под власть носителей этого диалекта во время смутной поры переселений народов на Пелопоннесе. Следы переселений недорийских народов Пелопоннеса за моря крайне немногочисленны. Возможно, благодаря аркадским и ахейским переселенцам, которые предшествовали дорийцам, а может быть, и сопровождали их, появились названия Аркадес и Амиклейон около Гортина на Крите. Эпидаврийцы ионийского происхождения во время Деифонта поселились на Самосе, куда принесли культ Геры, знакомый им по Арголиде. Колонисты из Клеон и Флия основали Клазомены на малоазиатском побережье. Малочисленность подобных преданий свидетельствует, что дорийцы, разрушив главные оплоты микенской цивилизации, лишили уцелевшее население возможности закрепиться на новых землях за морем.

Аттика в первую фазу вторжений осталась нетронутой. Беотийцы медленно двигались на юг, а дорийцы вели наступление на Пелопоннес и заморские территории. Так Аттика стала пристанищем для беглецов, среди которых были Нелеиды из Пилоса и ионийцы из Ахеи. Согласно письменным преданиям, нелеид Мелантий, бывший царем Пилоса, представлял афинян в битве вождей против беотийцев и позже стал царем Афин. В списке афинских

царей и в генеалогии Нелеидов Мелантий числится в четвертом поколении после гибели Трои; следовательно, время его правления очень приблизительно можно датировать 1080 г. Когда дорийцы заняли Мегариду и напали на афинян, Аттику оборонял Кодр, сын Мелантия, царствовавший около 1050 г. Младший сын Кодра, Нелей, возглавил так называемую ионийскую миграцию. Начало этой миграции можно таким же методом отнести примерно к 1020 г. Эта дата соответствует двум другим преданиям: о том, что ионийская миграция на четыре поколения отстает от эолийской миграции, которая по генеалогическому исчислению началась около 1130 г., и что участники дорийской экспедиции, разгромленной Кодром, переселились на Крит, возглавляемые Алфеменом, внуком Темена, который был вождем приблизительно в 1050 г.

То, что Афины сумели отбить последние волны вторжений и организовать такое крупномасштабное предприятие, как ионийскую эмиграцию, доказывает, что там было эффективное государственное управление. Согласно Фукидиду, ионийская эмиграция отмечает конец периода анархии на материке, последовавшего за дорийским вторжением. «Много времени прошло, прежде чем Эллада с трудом успокоилась и ее народы перестали переходить с места на место; тогда она стала отправлять за моря колонистов. Именно из Афин произошли ионийцы и большинство островитян, а Пелопоннес, но также и некоторые другие греческие земли основали колонии в Италии и на Сицилии». Фукидид указывает причины афинского могущества: Афины не знали внутренних раздоров, даровали гражданство самым способным беженцам, а население города непрерывно возрастало.

Обратимся к данным археологии. Раскопки на кладбище в Керамике (квартале горшечников в Афинах) выявили несколько последовательных стилей керамики – субмикенский, датирующийся примерно 1125–1075 гг., протогеометрический (1075 – 950) и геометрический (950–710). Судя по предметам, найденным вместе с керамикой, в Аттике того времени распространились новые обычаи. В субмикенском слое обнаружены следы трех кремаций и некоторое количество длинных булавок (вероятно использовавшихся как застежки для дорийских пеплосов). В Саламине найдены следы двух кремаций и застежки нового типа, возможно относящиеся к несколько более ранней дате. В начале протогеометрического периода кремация в Керамике стала почти единственным способом погребения и с того момента преобладала примерно до 800 г., когда снова вышла из широкого употребления. Кроме того, в начале протогеометрического периода вместе с прахом в земле хоронили железные мечи и кинжалы, в то время как в предшествующий период в Афинах оружие в могилы не клали. Керамика нового, протогеометрического, стиля возникла сперва в Афинах (ок. 1075 г.), откуда распространилась по материку. Примерно с 1000 г. этот стиль достигает совершенства, для него становятся характерны гармония между узором и формой и тонкое чувство пропорций. В то же самое время (ок. 1000 г.) кладбище расширилось вдвое, а керамика начинает попадаться в огромных количествах. Оружие становится в основном железным, широкое распространение получает рубящий меч.

Такие перемены в погребальных обрядах, в одежде и стиле керамики, скорее всего, связаны с прибытием в Афины новых людей; а то, что изменения происходили постепенно, свидетельствует, что пришельцы появлялись с 1100-го по 1000 г. все чаще и чаще. Поскольку никаких следов восточного влияния не обнаружено, очевидно, новоприбывшие были выходцами из материковой Греции – беженцами, такими же, как изгнанники из Пилоса и Ахеи. Керамик служил кладбищем для пришельцев, так как коренные афиняне хоронили своих мертвых в семейных гробницах за городом, и этот обычай сохранялся до Пелопоннесской войны; беженцы же, лишившись традиционных мест захоронения, в чужой стране кремировали покойников – так же как ахейцы поступали под Троей, а афиняне позже были вынуждены делать при осаде Сиракуз; ранние примеры кремации в Беотии, Эретрии, на Крите, Фере и Родосе также, вероятно, остались от переселившихся народов. Самый боль-

шой наплыв беженцев происходил в 1050–1000 гг., когда кладбище в Керамике расширилось, а протогеометрический стиль достиг совершенства. Без сомнения, афинская керамика достигла такого высочайшего уровня именно благодаря изгнанникам, так же как в 530–490 гг. – благодаря метекам из Коринфа.

В течение X в. – вероятно, в первые его десятилетия – протогеометрический стиль, созданный и расцветший в Афинах, быстро распространился почти по всему эгейскому миру, что произошло, видимо, не вследствие торговли керамикой и товарами, которые в ней перевозились (так как практически не сохранилось следов обмена керамикой между Афинами и другими центрами), а скорее вследствие возобновления связей в Эгейском бассейне, благодаря чему и стало известно о достижениях афинского искусства. Центром этой сферы возобновившихся контактов были Киклады; простиралась она, насколько можно судить, до северного Крита, Ассарлика в Карию, Смирны в Ионии, Додеканеса, Лесбоса, Скироса и Фессалии. Практически несомненно, что разведывали пути, а иногда и везли с собой керамику ионийцы, эмигрировавшие из Афин, – именно они заняли Киклады и открыли моря греческим, в первую очередь афинским, морякам. В меньшей степени протогеометрический стиль распространился на материке неподалеку от коринфского Истма и далее до Фокиды, Лаконии и Итаки – в некоторых случаях, вероятно, благодаря непрямым контактам. То, что в Афинах с XI по конец VIII в. производилась керамика изысканного протогеометрического и геометрического стилей, было значительным достижением афинского искусства.

Киклады и азиатское побережье, куда направлялись эмигранты, были заселены цивилизованными и воинственными народами. Особенно среди них выделялись карийцы, известные как мореплаватели и воины, и их близкие родичи мисийцы и лидийцы; кроме того, были здесь лелеги, пеласги, финикийцы и тирсенцы, а также эмигранты из полуостровной Греции и с Крита, закрепившиеся на островах и на побережье Малой Азии. Вытеснить этих мореплавателей из их владений было делом непростым. Успех, сопровождавший ионийскую эмиграцию, вероятно, в большой степени обязан морской мощи Афин и отличному руководству, которое смог обеспечить город. Эмигранты были не коренными афинянами, а получившими гражданство беженцами и добровольцами из других частей Греции: ионийцы из Ахеи, абанты с Эвбеи, минийцы из Орхомена, кадмейцы из Беотии, дриопы, фокийцы, молоссяне, аркадцы, дорийцы из Эпидавра и многие другие. Эта разнородная толпа была объединена благодаря афинской помощи и стоявшим во главе предприятия Нелеидам. Процесс шел медленно; последовательные волны эмигрантов пересекали Эгейское море целый век, а может быть, и дольше. Дух переселенцев великолепно выражен в поэме Мимнерма: «Мы – те, кто оставил Пилос, город Нелея, и приплыл на своих судах в чудесную Азию; одолев врагов в неистовых битвах, мы первые поселились в любимом Колофоне, а затем... по милости богов захватили эолийскую Смирну».

Колофонские предания – яркое свидетельство того, как протекала миграция. Первые мигранты, ионийцы, возглавляемые двумя членами клана Нелеидов, договорились с более ранними поселенцами, критянами и кадмейцами, которые изгнали карийцев. Вторая группа во главе с Андремоном из Пилоса захватила Колофон, после чего вступила в борьбу за обладание Смирной, откуда изгнала эолийских поселенцев. Вынужденные вести жестокие сражения, которыми сопровождалось основание новых поселений, первые ионийские обитатели Милета не брали с собой семей, а отбирали жен у жителей Карию; эти карийцы, в свою очередь, ранее изгнали минойских и микенских поселенцев бронзового века. Из бурных событий X в. ионийцы вышли победителями, надежно укрепившись в двенадцати городах на азиатском побережье и соседних островах, которые стали известны как ионийский додекаполис: Милет, Мий и Приена, господствовавшие над эстуарием и долиной реки Меандер; Эфес в устье реки Кайстер; на севере – Колофон, Лебед, Теос, Клазомены и Эритры; Фокея на побережье западнее старого устья реки Герм и крупные острова Хиос и Самос.

Каждый город почитал своего так называемого основателя, под чьими знаменами прибыли первые колонисты; его могиле, как правило, поклонялись, а его потомки обладали наследственными титулами и должностями. Например, в Эфесе потомки Андрокла, сына Кодра, обладали царским титулом со всеми регалиями царской власти, были жрецами элевсинской Деметры и председательствовали на играх еще в начале христианской эры. Поскольку поселенцы нередко происходили из разных областей материковой Греции, в каждом городе сохранялись традиции, культуры и диалекты отдельных племенных группировок, из которых и состояла городская община. Так, в Милете, заселенном в основном ионийцами из Аттики, сохранились названия четырех ионийских фил, существовавших в Аттике; поселенцы из других частей Греции составили две дополнительные филы, борейцев и энопов, названных по именам родоначальников из Фессалии и Беотии. Важными святилищами в Милете были храм Афины в Ассесе и оракул Аполлона в Дидиме, жрецами в котором по наследству становились Бранхиды. Самос заселили в основном выходцы из Эпидавра, возглавляемые Проклом, которые сохранили культ аргосской богини Геры, а на Хиос вслед за поселенцами с Эвбеи, Беотии и Фессалии пришли ионийцы из Аттики, и поэтому на острове распространился ионийский диалект со следами эолийского. Но откуда бы ни происходили поселенцы, у них было много общего: иерархическое деление по филам, фратриям и *gene* (иногда называвшимся по-иному, например, на Самосе – «тысячами» и «сотнями»), наследные цари и жрецы, ведение генеалогий, что позволило Гекатею из Милета утверждать, будто бы его предок в шестнадцатом колене был богом.

Ионийцы захватили самые удобные места на прибрежной полосе Малой Азии, которая благодаря сильно изрезанной береговой линии имеет ярко выраженный средиземноморский климат и славится удобными гаванями, а Хиос и Самос контролировали прибрежный путь с севера на юг. В то же время материковые города, особенно Эфес и Милет, контролировали главные торговые пути, выходившие к морю по долинам Кайстера и Меандера. Однако ионийские города были неудачно расположены с точки зрения обороны от сухопутных малоазиатских держав. Отделенные друг от друга горными хребтами, они не контролировали даже все побережье, не говоря уже о сколько-нибудь широкой полосе внутренних земель. Имея общих врагов, они все почитали Посейдона Геликония в Панионии – храме, расположенном на мысе Микала. Происходя от самых разных племен, они, тем не менее, имели общее название «ионийцы», которое у азиатских народов трансформировалось в «яван», став обозначать всех греков вообще. Главной объединяющей силой ионийских городов была аристократия. Отплыв из Аттики во главе с Кодридами, аристократы ввели обычай отмечать афинский праздник Апатурия, во время которого во фратрии принимали новых членов. В VIII в. этот праздник, вероятно, соблюдался всеми членами ионийского додекаполиса. Он не только сохранял иерархическую организацию общества, но и подчеркивал связи ионийцев с Афинами. Более того, ионийская Аттика избежала вторжения, и потому вполне естественно, что заморские ионийцы вспоминали Аттику как свою родину и что Афины голосовали на Дельфийской амфиктионии в пользу ионийцев. Однако связи эти были почти исключительно религиозными; практические контакты, как те, что поддерживались между последующими греческими колониями и их городами-основателями, между ионийскими городами и Афинами, так никогда и не развились.

В ходе ионийской эмиграции некоторые неэллинские народы, особенно карийцы, были также изгнаны с островов центральной части Эгейского моря, и те были заселены эмигрантами из материковой Греции. На Кеосе, Серифосе, Сифносе, Накосе, Теносе и Андросе поселились в основном ионийцы из Аттики, но названия фил и культуры свидетельствуют об участии в этом процессе людей из Фессалии, Беотии и Локриды. Четыре названия афинских фил достались ионийцам Делоса, двум вождям заселения Пароса и одному из Нелеидов – основателю поселения на Миконосе. Китнос был занят дриопами, первоначально пришед-

шими из долины Сперхея. Хотя островитяне имели различное происхождение, они вскоре начали считать себя одной общиной. Начиная с VIII в., а может быть, и раньше, они вместе с женеами и детьми проводили на Делосе священный месяц, устраивая в честь Аполлона танцы, музыкальные, поэтические и атлетические состязания. Избрав Делос в качестве религиозного центра, островитяне следовали традиции народов бронзового века. Вероятно, от них они унаследовали культ Ания и почитание Эйлифии, Гекаты и Бризо. Из материковых государств со священным островом в первую очередь были связаны Афины своими легендами о Тесее и марафонском тетраполисе; во времена Солона, а то и раньше, Афины, как старейшая ионийская страна, посылали представителей на делосский праздник.

4. Ионийский мир и гомеровские поэмы

В ходе непрерывных войн в X и IX вв. ионийцы сумели основать города на островах и азиатском побережье и удержать их за собой. Материальное процветание пришло позже. Так, в производстве изящной керамики они отставали от ведущих народов материковой Греции. В то же время ионийцы, происходившие из разных частей материка, обладали отличными возможностями, чтобы собрать и передать потомкам эпические поэмы бронзового века; тем более что в силу обстоятельств они продолжали жить в условиях набегов и переселений, которым и обязана своим появлением эпическая поэзия. Преемственность традиций существовала также в Афинах и на Кипре; но они не были ведущими государствами героического века и к IX в. наслаждались устроенной жизнью. Эолийские эмигранты тоже были наследниками бронзового века, но, возможно, сельский образ жизни ослабил их интерес к эпической поэзии. Итак, вероятно, что в эпоху миграций эпические поэмы рассказывались при дворах ионийских царей и аристократов, которые во время пребывания в Аттике и в своих ионийских поселениях вспоминали пору своего бывшего могущества.

В таких обстоятельствах и была сочинена «Илиада». Традиционные поэмы, послужившие для нее источником, исполнялись уже на ионийском диалекте. Автором «Илиады» принято считать Гомера. Его потомки, Гомериды, жили на Хиосе, и этот остров наряду со Смирной претендовал на то, чтобы считаться его родиной. О времени сочинения поэмы ведутся бурные дискуссии. Дата, принятая Геродотом – около 850 г., – может считаться приблизительно верной, так как она приходится на конец периода ионийской эмиграции, предшествуя рассвету новой эпохи, в которую ионийские города занялись колонизацией.

«Илиада» замечательна объективным консерватизмом, с каким в ней изображается обстановка позднебронзового века. Анахронизмы в поэме редки до удивления. Такая достоверность скорее связана с эпической традицией, нежели гением Гомера. Однако «Илиада» в корне отличается от ранних эпических циклов продолжительностью, передачей характеров и мастерством повествования. Авторский гений ни в чем не проявляется так явно, как в крепком сюжете, который объединяет поэму, требующую пять вечеров для полного прочтения, вокруг темы Ахиллесова гнева. Под стать композиционному мастерству автора и его талант к обрисовке характеров. Своих героев Гомер изображает четко и последовательно, а благодаря блестящему знанию людей перемены настроения персонажей показаны с крайней убедительностью. Ритм поэмы и производимый ею эффект говорят о непревзойденном мастерстве Гомера как поэта; даже если гекзаметр и эпический стиль являются итогом многовекового развития, Гомер пользуется ими с мастерством, в котором с ним и по сей день не смог сравниться ни один греческий или какой-либо еще автор. Благодаря этим сторонам гомеровского гения, проявившегося в условиях многовековой традиции и пользующегося языком одаренной нации, и появилась на свет прекраснейшая эпическая поэма всех времен и народов. «Илиада» – шедевр, полный непосредственности и изящества, присущих всей греческой поэзии, – обладает некоторыми особенностями, получившими большее развитие

у ионийцев, чем у любой другой ветви греческой нации: тонкие мазки, искреннее выражение индивидуализма и захватывающее повествование. Возможно, эти качества более свойственны самому Гомеру и его ионийскому окружению, чем самым ранним фазам эпической поэзии. Если какие-либо сцены в «Илиаде» и рассказаны голосом Гомера и Ионии, то это, конечно, описание щита Ахилла, указывающее на бессмысленную жестокость войн.

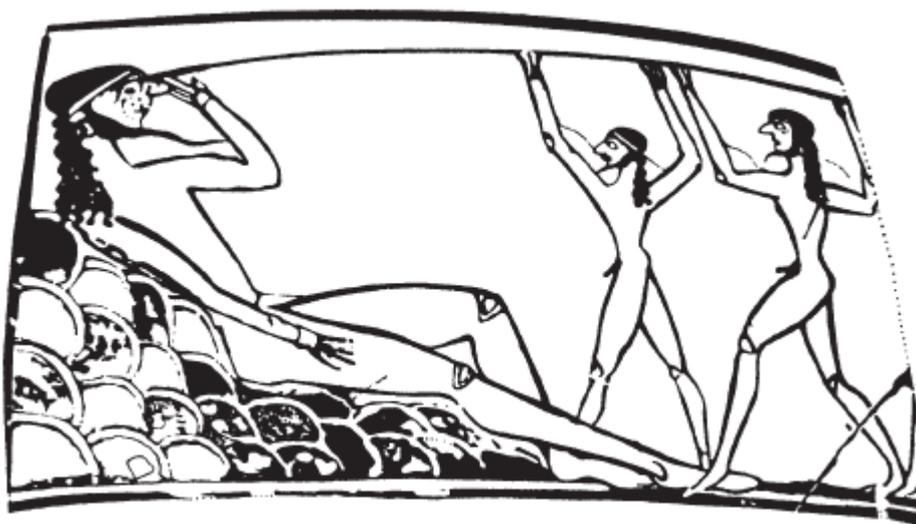
Воздействие этой поэмы было колоссальным. Являясь столь непревзойденным выражением греческого мировоззрения, она вдохновляла поэтов архаического периода. Благодаря повествовательному мастерству и реальному интересу к жизни людей она стала образцом для трагиков при развитии аттической драмы. В основном под ее влиянием возродилась эпическая поэзия в эллинистическую эпоху. Будучи существенной частью просвещения в греческих государствах, поэма устанавливала канон гуманистических идеалов и религиозных представлений, являвшихся объединяющей силой в пестром мире греческих полисов. И даже когда гомеровские представления о богах стали несовместимы с философской мыслью и мирским материализмом, образы героев Гомера продолжали вызывать уважение и оставались объектом подражания для последующих поколений.

Во времена Античности Гомера считают также и автором «Одиссеи». Эта поэма напоминает «Илиаду» величиим замысла, изяществом сюжета, мастерством в изображении характеров и достоверностью в описании условий жизни позднебронзового века. Но ее тема совершенно иная. Она рассказывает не о войне и войнах, а о приключениях Одиссея и его возвращении домой. Конечно, эта тема была традиционной в эпической поэзии, и обе поэмы увенчали собой длительный период устных пересказов. Но суть темы допускает большую вольность в обращении с материалом и не столь сильную приверженность традиционным поэмам; так, «Одиссея» не содержит ничего, аналогичного спискам армий, описаниям погребальных игр или примерам воинской доблести в «Илиаде», и обращается к таким негероическим темам, как дальние странствия Одиссея и его спуск в подземный мир. Несмотря на консерватизм в деталях, «Одиссея» свойственна большая гибкость ума, чем «Илиаде». Даже те исследователи, которые считают две эти поэмы произведениями одного автора, рассматривают «Одиссею» как более позднюю поэму и полагают, что Гомер сочинял ее в старости; так, критик Лонгин сравнивал Гомера «Одиссеи» с закатным солнцем, все еще величественным, но гораздо менее ярким.

Как ни заманчиво назвать автором обеих поэм одного гениального поэта, они настолько различаются деталями языка и тонкостями мировоззрения, что мы обязаны приписать «Одиссею» другому автору, принадлежавшему к иной школе бардов и жившему в другой части греческого мира. Дата создания «Одиссеи» также вызывает много дискуссий. Некоторые исследователи определяют ее VII в., но более вероятно, что она сочинена в первой половине VIII в., до того, как в Ионии расцвела лирическая поэзия и на западе были основаны греческие колонии. В «Одиссее» талантливо описаны другие черты греческого характера: способность удивляться, многосторонность, любовь к приключениям и непосредственность в человеческих взаимоотношениях. Если «Илиада» превосходит воинские идеалы спартанцев, то «Одиссея» предсказала самые привлекательные черты афинян классического периода. Она оказала литературное влияние на Геродота, Менандра, Лукиана и греческих романистов, а ее описания виноцветного моря во всех его состояниях и человеческого постоянства и мужества неизменно будили воображение всех последующих поколений.

«Илиада» и «Одиссея», являясь двумя шедеврами эпической поэзии, тем не менее не означали конца устной традиции. Небольшие поэмы или их отрывки, сочиненные уже после «Илиады» и «Одиссеи», то и дело прилагались к ним в качестве продолжений, а многие независимые поэмы так называемого эпического цикла обрели свою окончательную форму. «Киприи», «Эфиопида» и «Разрушение Илиона», представляющие собой прологи и эпилоги

к теме «Илиады», появились, вероятно, в VIII в., а «Малая Илиада» – в VII в. «Возвращения», по теме аналогичные «Одиссее», а также «Телегония» и «Феспотида», продолжающие ее сюжет, были сочинены, видимо, в VII и VI вв. Другие поэмы, составляющие фиванский цикл, вероятно, сочинены в VIII и VII вв. – это «Фиваида», «Эдиподея» и «Эпигоны», но были еще и другие, сочиненные в архаический период и пересказывающие мифы о Геракле или местные легенды. Большое количество этих поэм свидетельствует о влиянии гомеровских поэм и жизненности эпической поэзии. Из этой сокровищницы легенд черпали материал греческие поэты классического периода, тем самым исполнив свой долг перед предшествовавшей им цивилизацией.

Спутники Одиссея ослепляют Циклопа. С протоаргосской вазы 700–650 гг. (Сопоставление с «Одиссеей» показывает, что художник знал эту поэму.)

Книга вторая Греческое возрождение (ок. 850–546 гг.)

Источники

В период 850–546 гг. в греческих государствах и религиозных центрах появляются первые хроники. Список олимпийских победителей начинается с 776 г., и вполне вероятно, что списки царей, жрецов и тому подобное велись с еще более ранних времен. Все ответы дельфийского оракула фиксировались на долговечных кожаных свитках, и в Спарте и других местах эти ответы хранились у специальных служителей. Список ежегодных магистратур велся, например, в Спарте с 757 г. Но этот год не следует считать первым, с которого начинаются записи, так как ежегодная фиксация должностных лиц была так же необходима даже для самых примитивных общественных отношений, как и календарь на каждый год. Начиная с 750 г. многие из греческих государств играли ключевую роль в средиземноморской торговле; в этих государствах уже к 700 г. письменность была настолько распространена, что люди писали на глиняных черепках. В 660 г., если не раньше, началось составление юридических архивов и были быстро налажены методы публикации законов. Литература этого периода, за исключением эпических циклов, предстает как свидетельство о современном ей образе жизни и состоянии мысли; до нас с античных времен дошло множество образцов этой литературы. Пользоваться этим материалом для исторических целей первым стал Эвмел из Коринфа около 725 г., а с конца VI в. начинается сочинение историй на разные темы. Широкое распространение получили долговечные материалы. Примерно с 750 г. ведется строительство каменных храмов. Записи, в том числе законы, указы и посвящения, ранее производившиеся на коже или дереве, теперь фиксируются на бронзе или на камне; бронза и мрамор используются как материал для статуй, а на монетах чеканится государственная символика. Все эти новшества, появившиеся в VII в., давали материал не только для древних авторов, но и для современных археологов и историков.

Этот богатый материал в значительной степени сохранился в трудах Геродота, Фукидида и Аристотеля, а также других, менее выдающихся авторов. Образцы поэзии, которая расцвела между 850-м и 546 гг., а также сочинения поздних историков дошли до нас благодаря самоотверженному и упорному труду средневековых писцов и ученых, сохранивших наследие классического периода с не меньшей преданностью, чем та, что отличала эпических бардов в темные века средиземноморского мира. Эти сочинения – основа наших знаний о греческой истории. Дополняют их, а порой и проверяют, труды современных археологов, эпиграфистов, нумизматов, палеографов и так далее, применяющих весьма совершенные методы для исследования материальных объектов, уцелевших от античности.

Глава 1

Период культурного и политического возрождения (850–730)

1. Влияние Востока и религия Гесиода

В эпоху переселений, прервавших торговые связи и снизивших уровень материальной культуры во всем Эгейском регионе, на Ближнем Востоке уцелело созвездие небольших государств, сохранивших и развивавших наследие цивилизации бронзового века. Между этими государствами сохранялось равновесие сил, пока все они в VIII в. не были захвачены Ассирийской державой. Центром цивилизации остался Египет, хотя он лишился всех своих владений. В Палестине в XI в. достигло расцвета независимое царство филистимлян, а в X в. – Израильское царство под властью Давида и Соломона. Финикия в этот период сохраняла первенство в мореплавании и торговле; финикийские мореплаватели бороздили не только Восточное Средиземноморье, но и проникали далеко в его западную часть. В Сирии процветали царства Хама и Дамаск, а севернее возродилась неохеттская культура в юго-восточной Малой Азии. К этой группе малых независимых государств принадлежал и Кипр с его греческими и финикийскими поселениями; он продолжал торговать, как и в позднебронзовый век, с прибрежными областями Киликии, Финикии и Палестины.

Из иероглифического и линейного письма, использовавшегося в течение бронзового века и позже, в этом оазисе культуры развился финикийский алфавит. Изобретение алфавита явилось революцией в средствах сообщения, сделав возможным искусство письма в той форме, в какой оно известно сегодня, так как и римский, и славянский, и греческий алфавиты современной Европы произошли от финикийского алфавита. Финикийцы и народы Сирии также славились вышивкой ярких гобеленов, обработкой бронзы, резьбой по слоновой кости и изготовлением печатей, скарабеев и фаянсовой посуды. Когда культура Ближнего Востока снова начала проникать в Эгейский бассейн, важную роль посредника при этом, естественно, играл Кипр. Хотя сообщение с Эгейским бассейном в течение темных веков прервалось, греческое население Кипра сохранило многие особенности минойской и микенской цивилизаций. Измененная форма минойского линейного письма, созданная около 1500 г., была в употреблении приблизительно в 700–200 гг. (от периода 1050—700 гг. до нас не дошло ее образцов, вероятно, из-за использования недолговечных материалов). На кипрских мастеров долговременное влияние оказал микенский стиль изящной керамики, традиции эпической поэзии увенчались в VIII в. сочинением «Киприй», продолжалось употребление аркадо-киприотского диалекта греческого языка. Этот форпост греческой нации подпал под могучее влияние восточного искусства, не теряя собственного своеобразия. В этом отношении он являлся предтечей греческих государств.

В течение IX в. постепенно возобновились контакты между Ближним Востоком и Эгейским бассейном. Основные маршруты проходили от Кипра через Крит, Феру и Милос к юго-восточному побережью материковой Греции, следуя путем, по которому распространялась культура Востока в среднебронзовый век. Менее важный маршрут пролегал через Родос. Сперва контакты были нерегулярными, но они способствовали распространению идей цивилизации, которые столетием позже привели к возрождению греческой культуры.

Одним из самых ранних заимствований стал финикийский алфавит, приспособленный для передачи греческих слов. Сперва символы для «кси», «фи», «хи» и «пси» в нем отсутствовали – образцы этого этапа в развитии алфавита найдены на Крите, Фере и Милосе.

Когда с этим алфавитом познакомились в Греции – вопрос крайне спорный. Скорее всего, это произошло около 825 г., но никак не раньше 850 г., когда финикийский алфавит в своей окончательной форме появился на Кипре, и никак не позже 750–700 гг., когда в Аттике был изобретен символ для «хи»; зрелый образец письменности на черепке из Эгины датируется примерно 720 г., а на Искье найдена еще более ранняя чаша с длинной надписью. В рамках этого периода – 850–750 гг. – мы склоняемся к более ранней дате, поскольку символы, очень похожие на знаки древнейшего греческого алфавита, появляются в финикийской надписи в Моабе, относящейся примерно к 850 г. Алфавит быстро получил широкое распространение. Каждое государство, в свою очередь, изобретало собственные знаки для передачи гласных и согласных, отсутствующие в финикийском алфавите. Между 825-м и 725 гг. появилось сразу несколько греческих алфавитов, и особенности каждого из них повторялись в заморских колониях, куда, вероятно, алфавит попал во второй половине VIII в. и позже (рис. 8).

В 850–750 гг. в Греции спорадически появляются предметы роскоши с Ближнего Востока. Изделия из слоновой кости работы финикийских и сирийских мастеров, относящиеся к IX–VIII вв., особенно часто находят на Крите, Родосе, Самосе, в Спарте и Афинах. Такие же поделки разных стилей, созданные во внутренних областях Малой Азии, попадали через Ионию в Коринф. Под влиянием финикийцев в Спарте начали мастерить глиняные маски, пользуясь иглами из слоновой кости, чтобы накладывать краску на веки. Эти предметы по-прежнему были редкими и попадали лишь в немногие материковые государства, но они открыли дорогу более массовой торговле.

Подобные достижения стали возможны благодаря более спокойным условиям жизни на Крите, Родосе, в Спарте, Коринфе и Афинах. Самые ранние храмы, уцелевшие от железного века, построены в Дрере на Крите, в Спарте и Перахоре (юго-западная Мегарида) между 850-м и 750 гг. В IX в. влияние греческих государств друг на друга проявлялось медленно. Например, афинская геометрическая керамика проникла в Беотию, Коринфию и Арголиду вскоре после 900 г., но прошло значительное время, прежде чем она распространилась в Спарте, на Крите и Родосе. Впоследствии в каждом государстве возник собственный стиль геометрической керамики, но, например, в Афинах и Беотии он по-прежнему отличался своеобразием. Влияние Коринфа, наиболее широкое, простиралось до Эгины, а на западе до Перахоры, Антикиры и Итаки; этот город уже начал морскую торговлю, и, предположительно, где-то с 800 г. коринфяне, вероятно, селились на Итаке. Аргосский стиль керамики распространился до Тегеи в Аркадии, а спартанская керамика напоминает критскую и сделанную на острове Фера.

Во второй половине VIII в. были установлены прочные контакты с заморскими странами, что привело к революции в греческой керамике. Роскошные ближневосточные гобелены с их яркими цветами и фантастическими узорами вдохновили гончаров на разработку «восточных» стилей, в которых аскетичные линейные орнаменты геометрического периода сменились многоцветной раскраской и причудливыми украшениями. Новый стиль появился сперва на Крите, в Коринфе и Лаконии, а позже в Афинах и Ионии. Он ознаменовал не только возрождение греческого искусства, но и полное восстановление связей с Востоком; и его первый расцвет совпал с началом колониальной экспансии, которая со временем превзошла достижения минойской и микенской колонизации.

Начало нового развития греческого искусства обязано в основном гению дорийских государств – Крита, Коринфа и Спарты; в последующий период лидировать будет Коринф. Ионийцы же, отставая в керамике, были пионерами в литературе. «Илиада» и «Одиссея», без сомнения, стали первоисточником, из которого развились почти все формы последующей греческой поэзии. Но что было более важно в конце IX и VIII вв., они раскрыли народам материковой Греции всю красоту позднемикенской цивилизации в ее материальных достижениях, религиозных представлениях, идеалах поведения личности и концепции вселен-

ной. Влияние этих ионийских эпических поэм на население материковой Греции было более революционным и более долговечным, чем влияние восточного искусства. Некоторая разница между ионийским мировоззрением и мировоззрением жителей материка в конце IX в. видна в произведении «Труды и дни» Гесиода, беотийского поэта, которого Геродот считал почти современником Гомера. Пользуясь гомеровским стилем и применяя гекзаметр на прозаический лад, Гесиод писал о насущных проблемах жизни в бедной деревушке Аскра. Мелкий арендатор, всего-то и владеющий, что упряжкой волов да парой рабов, должен упорно трудиться, чтобы обеспечить себе средства к существованию. Он должен разбираться во временах года и соблюдать календарь удачных и неудачных дней, на которые суеверия накладывали различные табу. Поэма появилась по частному поводу и преследовала моральные цели. Гесиод упрекает своего нечестного брата, который, сговорившись с «жирующими на взятках царями», надеялся отсудить несправедливо большую долю их наследственной земли. Поэт напоминает, что за всеми людскими поступками наблюдает Зевс, и справедливость в итоге торжествует; только лишь честный труд приносит надежное благополучие. Поэтому и в общественной жизни справедливый город не страдает ни от войн, ни от голода, а на несправедливый город обрушиваются катастрофы. Эти простые и искренние верования подкрепляются пересказом басен, мифов и пословиц, столь дорогих сердцу крестьянина-пахаря и столь далеких от утонченного ионийского эпоса.

В «Теогонии» («Происхождение богов») Гесиод описывает различные поколения богов и их браки с мужчинами и женщинами (эта часть иногда выделяется в отдельную поэму «Эои»); а в «Списках» он приводит генеалогию греческого народа от его прародителей Девкалиона и Пирры. В этих поэмах Гесиод обращается к общим, а не местным представлениям о богах и греческой нации. По всей видимости, он собственноручно собирал сведения о божественных и человеческих генеалогиях, которые были в ходу у различных ветвей греческого народа, но возможность для этого представилась лишь с повсеместным развитием путешествий и торговых путей в греческом мире. Вполне вероятно, что Гесиоду пришлось систематизировать местные предания, оставшиеся в народной памяти, в тех случаях, когда они противоречили друг другу; но его собственная вера и доверчивость, а также уверенность, с которой он ведет повествования, служат гарантиями того, что предания записаны им точно. Своими поэмами Гесиод заложил основы теологии и истории.

Изложенное в «Теогонии» мировоззрение более примитивно, чем в гомеровских поэмах (пересказанные в ней легенды более грубы, а в ее основе лежит бесхитростная вера в верховенство Зевса), но ее космогония служит необходимой основой для понимания греческой религиозной мысли. В начале всего был Хаос; затем из него выделились Земля и Тартар, а их отпрыски образовали материальную вселенную. Впоследствии Земля и Небо породили богов, а Ночь – Смерть и Судьбу с ее прислужницами мойрами, «карающими мужей и богов за проступки». Затем боги создали человечество. Согласно этой космогонии, материальная вселенная первична. Небесные боги и силы Тартара вторичны, и ни те ни другие не превосходят друг друга силой, за исключением последних, когда они (например Смерть и Судьба) персонифицируют законы, управляющие материальной вселенной.

Основной принцип материальной вселенной – уважение порядка. Если отдельные элементы обратятся друг против друга, во вселенной наступит хаос. Сообщество богов соблюдает этот же принцип: «они разделили свое богатство и свои силы», и каждому досталась соответствующая доля (*μοίρα*), преступать которую не позволяют мойры. Небесными богами правит наследственный монарх – первым был Крон, вторым – Зевс. За время их правления на земле сменились четыре поколения людей. Нынешнее поколение – пятое, железные люди, которым «не будет передышки ни ночью ни днем от труда, от горя и от несчастий». Человек подчинен законам материальной вселенной, небесным богам и силам Тартара; и в конечном счете он будет уничтожен Зевсом за преступления против Зевсова правосудия.

В поэмах Гесиода нет разногласия между справедливостью Зевса и людскими представлениями о справедливости. Гесиод уверен, что праведник в итоге победит, а праведный город не подвергнется бедствиям. Такова, утверждает он, воля Зевса, а Зевс держит в своих руках жизнь всех людей. Для греческих мыслителей последующих времен такое представление не всегда оказывалось приемлемо. Пытаясь согласовать справедливость Зевса и земные представления о справедливости, они были вынуждены вносить в космогонию Гесиода поправки.

Поэмы Гесиода и более поздние сочинения гесиодовской школы, возможно, своим содержанием частично обязаны жрецам храма Аполлона в Дельфах. Пророчества жрицы-пифии, считавшейся устами бога, в какой-то степени основывались на знаниях, накопленных жрецами как по духовным, так и мирским вопросам. Престиж оракула возрос благодаря поддержке, которую он оказывал дорийцам во время их вторжения, вследствие чего поклонение Аполлону Пифийскому имело большое значение в дорийских государствах. В частности, Спарта считала, что завоеванием Амикл с помощью Эгеидов и своему государственному устройству с двумя царями она обязана ответам дельфийского оракула; каждого царя Спарты представляли два спартанца, избранные пифиями, которые советовались с оракулом и хранили его ответы. Слава оракула в материковой Греции к началу VIII в. считалась бесспорной. Он был оплотом ортодоксальной версии религиозных и моральных предписаний и способствовал взаимодействию между греческими государствами, явившемуся результатом более устроенной жизни.

Еще один религиозный центр возник на западе Пелопоннеса – в Олимпии, главном святилище Зевса. Какое-то время после дорийского вторжения этот культ имел лишь местное значение, но на Олимпийские игры, основанные в 776 г., вскоре стали прибывать представители многих греческих государств. Эти игры проводились раз в четыре года в честь Зевса Олимпийского. Религиозное перемирие служило защитой участникам игр на их пути к святилищу и обратно. Список победителей, ведущийся с 776 г., представляет собой самую раннюю на материке запись общегреческого значения. Вероятно, в этот период практиковались и местные культы, такие, как амфикифония северных греческих племен, собиравшихся в Анфеле около Фермопил, праздник Памбеотия, проводившийся около Коронеи, и поклонение Посейдону в Калаврии, в котором участвовали несколько государств, прилегающих к Сароническому заливу, а также Орхомен.

Заморские ионийцы проводили праздник Аполлона на Делосе. Мессенийцы впервые послали туда хор примерно в 750 г., и гимн по этому случаю сочинил Эвмел из Коринфа. В этом «Гимне Аполлону» явственно проявляется соперничество между Делосом и Дельфами. Гимн состоит из двух частей, первоначально самостоятельных, которые восходят, видимо, к VIII в. Обе части этого гимна, а также некоторые из «Гомеровских гимнов» были сочинены, вероятно, для праздничных состязаний, а не в качестве прологов к устному исполнению эпических поэм. В подобном состязании, проходившем в Халкиде на Эвбее, участвовал и выиграл приз Гесиод.

2. Возвышение полисов

С постепенным восстановлением внутренних связей из тьмы эпохи переселений возникает новый политический мир. За исключением Аттики, великие государства микенского периода были уничтожены навсегда. В эпоху переселений и позже эолийцы и ионийцы не сумели восстановить обширные державы и крупные племенные государства, охватывающие несколько населенных центров, которые процветали в материковой Греции во время Троянской войны. На азиатском побережье каждое поселение было изолировано, и его жители образовывали одиночную и самообеспечивающуюся общность; они могли удерживать свои

земли, лишь сосредоточившись вокруг хорошо укрепленного города и отражая нападения врагов.

В таких условиях в Малой Азии возникло несколько полисов, поначалу неспособных наладить связь друг с другом и, как показало время, неспособных также завоевать существенные территории внутри страны, чтобы слиться в одно крупное государство. Для каждого поселения укрепленный центр, полис эпических поэм, получал новое значение: он становился средоточием общественной и политической жизни. Именно в этом смысле следует воспринимать полис, изображенный на щите Ахилла, где показаны сцены свадебного пира с музыкой, танцами и толпой зрителей, а также старейшин, вершащих суд в присутствии собрания граждан. Подобные эпизоды более уместны для мира, в котором жил сам Гомер, чем для столицы владений Ахилла, так как в IX в. ионийские и эолийские полисы на побережье Азии уже достаточно окрепли. Острова же, имевшие небольшие размеры, также служили пристанищем только для одной общины. Лишь на немногих возникло несколько независимых общин: например, на эолийском Лесбосе имелось пять полисов, а на ионийском Кеосе – четыре. То, что они уцелели как независимые государства в классическую эпоху, свидетельствует о духе партикуляризма, присущем всем ветвям эллинской нации.

Так было положено начало эолийским и ионийским полисам. В первую очередь своим возникновением они обязаны раздробленности микенских государств, а далее сказались географические условия в районах, где селились эмигранты. Однако эти полисы имели много общего с Микенской эпохой. Для них была характерна межнациональная терпимость, и граждане каждого из них происходили от различных корней. В них сохранялись культуры, диалекты и системы фил, созданные их предками на материке в позднебронзовый век. Невзирая на всю свою предприимчивость и энергию, они были лишены той сплачивающей и исключительной солидарности, которая возникла при различных условиях в дорийских государствах Крита и Пелопоннеса.

В материковой Греции и в южной части Эгейского моря период 850–750 гг. был отмечен, как мы видели, возобновлением связей с цивилизацией Ближнего Востока и ростом контактов между греческими государствами, возникших благодаря более стабильным условиям жизни. При этих благоприятных обстоятельствах в дорийских государствах получила развитие политическая форма, обеспечившая их первенство в архаический период и в некоторых случаях продолжавшая существовать и в классический период. Крит, посредник между Ближним Востоком и материковой Грецией, в Античности славился своей самой древней *politeia* – этот термин означал и сообщество граждан, и форму государственного устройства. Критяне утверждали, что дорийцы, покорившие Литт, сохранили там законы, установленные Миносом, и что эти законы были позаимствованы у Литта и другими дорийскими общинами острова. Там, как и повсюду, дорийские завоеватели первоначально селились в деревнях (*komai*); коренных жителей они превратили в сервов и сохранили свое деление на три дорийские филы, которые подразделялись на *startoi* (эквивалентные фратриям) и *gene*. К концу темных веков были выработаны четкие основы законодательства, общего для всех дорийских общин на Крите, которое просуществовало в неизменном виде до III в. Характерной чертой критского законоустройства была ориентация граждан не на свою семейную группу, а непосредственно на государство. По достижении 17-летнего возраста юноши рекрутировались сыновьями ведущих семейств в отряды (*agelai*). В этих отрядах они проходили серьезную спортивную подготовку, учились охотиться и проводили потешные бои под аккомпанемент флейты и лиры; дисциплину в каждом отряде поддерживал отец того юноши, который набирал отряд. Те, кого не допускали в отряд, оказывались исключенными из привилегированного сообщества и пользовались урезанными правами. Те же, кто хорошо зарекомендовал себя в отряде, в 19-летнем возрасте допускались в мужской союз, который назывался *andreion* или *hetairia*; члены такого союза вместе питались и всегда сопровождали друг друга

в походах. Также в 19-летнем возрасте юношей ожидала помолвка. Невеста переселялась к мужу по достижении зрелости, и вместе они вели хозяйство; но уже с ранних лет мальчики присутствовали на собраниях союзов, к которым принадлежали их отцы, и до вступления в *agela* проходили суровый курс обучения.

И отряды, и союзы содержались за счет общины. Члены каждого союза получали от государства достаточно средств, чтобы прокормить свою семью, и готовились исключительно к политической и военной государственной службе. Семейная жизнь сводилась к минимуму, женщины в основном жили обособленно от мужчин. Прежняя племенная система с ее филами, фратриями и гене утратила всякое политическое значение в гражданском сообществе, но продолжала существовать, и в ее рамках сохранялся наследственный принцип получения гражданства. Сыновья совместно наследовали городскую дом, а наследницу выдавали замуж за члена ее филы, если не было близких родственников. Но любой политически значимый вопрос, например принятие в привилегированную семью, должен был решаться с одобрения мужского союза и гражданского собрания.

В противоположность привилегированной общине, известной как «класс воинов» (*to machimon*), в непривилегированную общину, «класс земледельцев» (*to georgoun*), входили сервы и рабы, имевшие различное положение. Сервы были прикреплены к земле: *klarotai*, вероятно, к *klaros*, то есть к первоначальным владениям привилегированной семьи, *mpoitai* – к общинным или государственным землям и *aphamiotai* – к прочим семейным землевладениям. Кроме того, народы, покоренные дорийцами уже после того, как те поселились на Крите, называли *regioikoí*, и они платили дань завоевателям. Этот класс имел некоторые гражданские права, например право владения и наследования собственности. Он стоял на более высокой ступени, чем купленные рабы (*chrysonetoi*), являвшиеся личной собственностью владельцев. Граждане боеспособного возраста в среднем государстве исчислялись лишь сотнями, но их сервов и рабов было намного больше. Поэтому граждане обладали монополией на любое оружие, военную подготовку и политическую власть и жили в тесном соседстве в городских домах, из которых и состоял их «город». Об их положении красноречиво говорится в критской пиршественной песни Гибрия: «Мое богатство – копье и меч, и крепкий щит защита моему телу; с ними я выхожу на пахоту, с ними собираю урожай, с ними я выдавливаю сладкое вино из винограда, с ними я законный хозяин сервов».

Эти маленькие привилегированные общины не могли обойтись без надежного и консервативного государственного устройства. В эпоху вторжения каждой группой дорийцев правил наследственный царь, пользовавшийся поддержкой старейшин или глав кланов, из которых состоял совет (*boule* или *gerousia*). При отсутствии царей граждане выбирали из состава некоторых фратрий (*startoi*) десятерых вождей (*kosmoi*), которые командовали войсками и исполняли другие царские обязанности. Этим вождям переизбирали ежегодно, по их именам назывался год, и по окончании года службы они могли быть отозваны. Десятеро *kosmoi*, составлявших комитет с секретарем, возглавляли социальную систему, а ее основой являлись *agelai* и *andreia*. Из бывших вождей народ избирал Совет тридцати старейшин – эта должность была наследственной, старейшины издавали указы и были неподотчетны. Народное собрание, проводившееся в центре города (*agoga*), избирало вождей и советников. Функция собрания как совещательного органа состояла лишь в том, чтобы одобрять совместные решения вождей и советников; но, если вожди и советники расходились во мнениях, собрание выбирало между двумя контрпредложениями.

При таком устройстве исполнительная власть и совет обладали широчайшими полномочиями. Народное собрание не имело права определять политическую линию, а электоральная система была подчинена интересам олигархии заслуженных государственных деятелей. Уцелевший наследственный принцип избрания вождей и советников из определенных фратрий свидетельствует о том, что эта система возникла на раннем этапе политического

развития. Одно и то же устройство и одна и та же организация общества были приняты во всех дорийских полисах на Крите, количество которых доходило до сотни; распространялась она, вероятно, постепенно, так как, по крайней мере в одном полисе, еще в конце VII в. существовали цари. Таким образом, Крит превратился в сообщество маленьких независимых дорийских общин, которые частенько воевали друг с другом, но никогда не подстрекали сервов своих врагов на восстание; они понимали, какую угрозу их общим интересам несет подобная политика, которая в конечном счете привела к гибели дорийских государств на материке.

Своим происхождением дорийский полис на Крите и на материке, вероятно, обязан условиям темных веков. В эпоху завоеваний дорийские пришельцы обладали обширной племенной организацией, которая в аналогичном виде существовала и у покоренных ими народов. Но с ухудшением общей обстановки и прекращением контактов далекие горизонты завоеваний были забыты. Каждая группа завоевателей, селившаяся сообществом родственных семей в деревне (*коте*), становилась независимой и изолированной общиной, озабоченной тем, как удержать в повиновении своих сервов. Когда обстановка улучшилась, независимые общины вследствие общих интересов объединялись не в прежние племенные организации, а в небольшие группы соседних деревень. Такая группа и становилась примитивным полисом. По словам Аристотеля, «содружество нескольких деревень образует полноценный полис, который уже настолько велик, что обладает практически полной самодостаточностью».

Всеми перечисленными характеристиками полис обязан обстоятельствам своего возникновения. От составляющих его элементов – *котаи* – он унаследовал важность родственных отношений, и поэтому гражданство в полисе обычно передавалось по наследству от обоих родителей. Четко сохранялось различие между хозяином и сервом, класс полноправных граждан обладал в общине привилегиями. Основой самодостаточной экономики было сельское хозяйство, классу граждан гарантировалось достаточно свободного времени, чтобы упражняться в мирных и военных искусствах.

Эти особенности столетиями существовали во многих полисах, и они же представлялись образцом для политических теоретиков IV в. Когда несколько деревень полностью объединялись в полис, создавалась чрезвычайно сплоченная и практически неуничтожимая община. Более того, она была заряжена мощным патриотизмом и созидательной энергией. Дорийский полис обладал подавляющим превосходством как над разобщенными и самостоятельными *котаи*, так и более рыхлыми ионийскими и аркадскими государствами. Наиболее ярко это проявилось при создании и экспансии Спартанского государства.

Спартанцы в V в. считали, что их государственное устройство происходит от критской *политея*. И действительно, сходство между ними столь очевидно, что нет причин в этом сомневаться. Спартанская система образования также была нацелена на то, чтобы оторвать ребенка от семьи и связать его судьбу с государством. В 7-летнем возрасте мальчики расставались с родным домом. Они были распределены по отрядам (*илаи*, *буаи* и *агелай*), которые находились под надзором государственного чиновника (*паидономос*) и возглавлялись одним из мальчиков (*буагор*); в этих отрядах мальчики приучались к физическим лишениям и суровой дисциплине, а их преданность отряду закалялась в состязаниях с другими отрядами. В возрасте от 18 до 20 лет они проходили военную подготовку и состояли в тайном обществе (*сруптаея*), которое терроризировало сервов. Далее до 30-летнего возраста они жили в казармах в условиях военной дисциплины и только после этого считались закончившими курс обучения (*агоге*).

Членство в мужском союзе (*андреон* или *сысситион*) должно было подтверждаться ежедневными голосованиями, причем в союз допускались лишь те, за кого проголосовали единогласно. Удачливый кандидат становился полноправным гражданином – «рав-

ным» (*homoios*); неудачливый или «низший» (*hypomeion*) имел урезанные гражданские права и лишался права голоса. Браки могли заключаться в 20-летнем возрасте, но до 30 лет мужчина не мог обзавестись своим домом. Но и потом до 60 лет он продолжал столоваться в своем союзе. Девушки также были организованы в отряды. Они жили и питались дома, но наравне с мальчиками обучались спорту, танцам и музыке и свободно общались с молодыми людьми, пока не надевали брачное покрывало, после чего вели жизнь затворниц. Благодаря такому образу жизни достигались высокие стандарты физического совершенства. Новорожденных младенцев осматривали старейшины филы и хилых бросали в ущелье на горе Тайгет. На каждом этапе длительного обучения будущий гражданин подвергался тщательным осмотрам и проверкам. По завершении воспитания из него навсегда получался настоящий спартаец – храбрый, дисциплинированный и преданный.

Прежняя структура фил, фратрий и геносов продолжала функционировать в таких культах, как поклонение Аполлону Карниосу, но она утратила какое-либо политическое значение. Условием получения гражданства оставался наследственный принцип: гражданами могли стать лишь сыновья граждан. Но семейная солидарность была ослаблена государственным законодательством, допускавшим отчуждение собственности по завещанию и признававшим за отцом право избавиться от наследницы: Спартакское государство подавляло всякую иную преданность, кроме преданности себе. Элитная группа «равных» должна была хранить сплоченность, чтобы не лишиться власти над подчиненным классом. Каждое семейство владело наследственным наделом (*klaros*), продавать который считалось позором. В поместьях трудились лишь илоты, прикрепленные к земле как государственные сервы, и освободить или казнить их можно было лишь по государственному указу. С илотов хозяин земли ежегодно взыскивал фиксированный оброк, а остальной частью урожая они могли распорядиться по своему усмотрению. Несмотря на суровую долю и ограниченные права, илотов набирали в войска, отличившись в которых они могли получить свободу. Но опасность восстания сохранялась постоянно. Чтобы предотвратить ее, государство ежегодно объявляло илотам войну, и тогда члены криптии могли безнаказанно убить любого подозреваемого.

Эта социальная система еще не существовала в эпоху вторжения. Первые страницы истории спартанских дорийцев отмечены кровопролитной борьбой, вероятно, между разными племенными группами; в ее ходе некоторые недорийские племена были допущены в привилегированный круг, чтобы укрепить общину свободных граждан. Некоторый свет на этот период проливает археология. В Амиклах, где в позднемикенский период было основано святилище Аполлона, не наблюдается сколько-нибудь длительного перерыва в отправлении культа, а переход от микенской к протогеометрической керамике был постепенным. В окрестностях самой Спарты возникли новые поселения и святилища; во всех этих местах ранние образцы керамики не отличались единообразием, а внешние контакты осуществлялись с Амиклами. Но в середине IX в. важным центром становится святилище Артемиды Ортии, где наблюдается преемственность стиля керамики, общего для акрополя, святилища Афины Халкиокос, героона, Менелайона и для Амикл. Поэтому вероятно, что в середине IX в. обстановка в достаточной степени стабилизируется. К этому времени относятся также первые контакты Спарты с Критом, а через него – с Ближним Востоком.

Переход от внутренних конфликтов к упорядоченному сообществу в Античности приписывался усилиям Ликурга, автора реформы, известной как *Eunomia*, – она касалась как социальной системы, так и политического устройства. Время этой реформы также продолжает оставаться предметом дискуссий. Почти все древние авторы определяют его X или IX вв.; современные авторы помещают реформу в промежуток от конца IX до VI вв. Поскольку считается, что Ликург жил до перехода на ежегодную систему датировки в 757 г., мы можем лишь привязать время его жизни к эпохе правления тех или иных царей; но и цари

эти в первоисточниках называются разные. При решении этой проблемы будем придерживаться мнения Фукидида как наиболее авторитетного историка: «Нынешняя политея лакедемонян была установлена за четыреста с небольшим лет до окончания войны», то есть по нашему летоисчислению в последней четверти IX в.

Что касается сущности реформы, то она в античное время не вызывала никаких споров. Реформа затрагивала социальную систему и политическое устройство, по всем признакам тесно взаимосвязанные. Фигура самого Ликурга не менее легендарна, чем фигура Гомера. Кроме его реформы, о нем известно лишь то, что в Спарте в его честь был учрежден религиозный культ и что дельфийский оракул провозгласил его божественность. Некоторые исследователи сомневаются, существовал ли Ликург на самом деле, но это вопрос второстепенный. Другие сомневаются в том, что такая реформа могла быть проведена одним человеком; однако тот факт, что фундаментальные реформы в небольшой общине может осуществить один государственный деятель, наглядно продемонстрировали Солон, Клисфен, Тимолеонт и другие знаменитые личности. Учитывая это, можно согласиться с древними авторами, которые на основе местных спартанских преданий пришли к выводу, что коренные преобразования в 825–800 гг. были проведены одним человеком – Ликургом.

Цели реформы государственного строя были следующие: ограничить права двух царей (согласно спартанским преданиям, двоецарствие было основано близнецами Эврисфеном и Проклом), изменить состав совета (Gerousia) и наделить некоторыми правами народное собрание. Два царя сохраняли верховное командование во время войны и свою роль при отправлении религиозных культов, но в отношении текущей политики они являлись простыми членами совета. В прошлом, вероятно, совет состоял из глав 27 фратрий. Теперь их число увеличилось до 30, включая и царей. Советники избирались с одобрения народного собрания, причем быть избранными имели право лишь «равные» в возрасте 60 лет и старше, и эту должность они занимали пожизненно. Совет обладал исключительным правом вносить предложения в народное собрание и распускать его. В народном собрании участвовали все «равные»; оно отныне должно было собираться в установленное время в установленном месте. Его избирательные полномочия были четко определены, а решения по предложениям, внесенным советом, окончательны. Ликург также основал эфорат, состоящий из пяти эфоров, которые ежегодно избирались с одобрения народного собрания из числа «равных». Первоначально эфоры не обладали ведущим положением в государстве. Они всего лишь надзирали за работой социальной системы: инспектировали физическое состояние мальчиков, вершили суд в случаях неповиновения и возглавляли шествия на Гимнопедиях (национальном спортивно-музыкальном празднике). Вступая в должность, эфоры давали народу клятву «сбривать усы и соблюдать законы» – в ней выражается самая суть социальных и гражданских обязанностей в Спарте. Ликург своими реформами уничтожил все преграды племенных привилегий и предрассудков в гражданском сообществе. В agoge и в народном собрании все спартанцы были равны перед государством вне зависимости от своей знатности и богатства, и согласно новому государственному устройству их голос был решающим в кардинальных вопросах избраний должностных лиц и ратификации законопроектов, как бы ни была велика власть Герусии.

Краткое изложение этой государственной реформы содержится в так называемой Великой Ретре, которую переписал Аристотель и пересказал Плутарх. Имеется в виду ответ дельфийского оракула, благословившего реформу, якобы хранившийся в Спарте пифиями. Если руководствоваться комментарием Аристотеля в изложении Плутарха, то этот древнейший греческий документ можно перевести следующим образом: «Построй храм Зевсу Силланию и Афине Силлании, раздели народ на филы и обы, учреди Герусию из тридцати членов, включая и царей, и пусть время от времени народ собирается между Бабиной и Кнакионом; при таком порядке [Герусия будет] вносить [предложения] и распускать

[собрание], окончательное же решение должно принадлежать народному собранию». Две вводные фразы этого документа, вероятно, указывают на самый важный аспект реформы. В более поздние времена Зевс и Афина считались тесно связанными со Спартанским государством. Например, считалось, что они председательствовали на заседаниях совета и собрания. Новый храм и культовый титул Силланий, вероятно, посвящались Зевсу и Афине как защитникам нового государства. Упоминающиеся здесь филы и обы, очевидно, представляют собой новшества, которыми по политическим мотивам были заменены прежние три традиционные филы и их подразделения. В классическую эпоху Спартанское государство состояло из пяти фил и пяти об, или околотков, которыми являлись четыре деревни на равнине и деревня Амиклы. Поскольку филы и обы носили одинаковые названия, похоже, что первоначально члены новых фил были жителями соответствующих об, и зачисление в филы проводилось в соответствии с местом жительства. Их потомки оставались членами той же филы вне зависимости от того, жили они в той же обе или нет. В приведенной выше записи, вероятно, отражен акт создания Спартанского государства из привилегированных обитателей пяти деревень, когда тех провозгласили гражданами Спарты, разделенными на пять фил по месту жительства. В соответствии с этим делением формировали пять полков спартанской армии в качестве территориальных частей и, возможно, выбирали пятерых эфоров.

Итогом этой всеобъемлющей реформы стало возникновение первого полиса, или «города-государства» классического типа, в материковой Греции. Он представлял собой, как точно определил Аристотель, «сообщество нескольких деревень, обладающее практически полной самостоятельностью». Это сообщество было политическим, а не физическим. Отдельные деревни физически оставались таковыми, и их жители не переселялись ни в какой «город» в современном смысле. Но они стали гражданами единого государства, в котором навсегда растворилась политическая независимость деревень. В итоге Спарта превратилась в сильное и сплоченное сообщество граждан, абсолютно преданных государству и имевших более привилегированное положение по сравнению с подчиненным сообществом сервов и рабов. Гражданство являлось наследственной прерогативой. Государство в этом отношении представляло собой укрупненную семейную группу, гордящуюся своей исключительностью, но способную увеличиваться, только повысив уровень рождаемости.

Спарта была не просто первым полисом такого типа на материке. Одним махом она достигла политической зрелости, которая оставалась недостижимой для других государств в течение нескольких веков. Ликург перерубил узы кровной связи с филлой, фратрией и геносом, учредив агоге и создав новые филы на основе местожительства. Другим же государствам, где сохранялись кровные связи, игравшие роль вируса, разъедающего политическое тело, пришлось преодолеть этапы гражданской розни и тирании, прежде чем преданность государству стала в них сильнее преданности роду, а все граждане получили равные права. Таким образом, уже в древнейшие времена Спарта получила четко организованное государственное устройство. Им она обязана своей военной мощи, отсутствию тирании и влиянию в греческом мире.

3. Спартанская экспансия

Дорийцы, завоевавшие Лаконию, селились в независимых деревнях, которых насчитывалось около сотни, и были организованы в шесть царств. Однако цари Спарты как наследники Гераклидов – первых покорителей Лаконии – традиционно претендовали на верховенство над всеми «лакедемонянами». После объединения пяти деревень в Спартанское государство, Спарта в период 800–730 гг. покорила все остальные деревни, и их жители получили неполноправный статус вассалов-периэков. С тех пор покоренные деревни решали внутренние дела под контролем спартанского представителя (*harmostes*), с некоторых земель

выплачивали десятину спартанским царям, а во внешней политике полностью следовали курсу Спарты. Они не имели ни гражданских прав, ни политического представительства в Спарте, но в военное время подлежали призыву в армию и подчинялись спартанскому военному законодательству. Таким образом, вся Лакония стала Лакедемонским государством, контроль над которым находился исключительно в руках Спарты. Теперь последняя была защищена кольцом подчиненных общин, а ее армия увеличилась за счет выставленных ими контингентов.

Следующим шагом стало покорение Мессении. Эта война, продолжавшаяся двадцать лет, приблизительно в 740–720 гг., закончилась аннексией страны, по размерам почти не уступавшей Лаконии. «Обширная Мессения, годная для пашни и для посева», была разделена на доли (klaroi) для спартиатов, а в горах основаны деревни периэков. Мессенская твердыня, Итома, была разрушена, уцелевшие мессенийцы обращены в сервов, «трудившихся подобно мулам под тяжелой ношей и отдававших хозяевам половину своего урожая под страхом сурового наказания». Благодаря этому завоеванию сельскохозяйственные ресурсы и рабочая сила Спартанского государства удвоились. Спарта превратилась в потенциально богатейшее и самое могущественное государство в Греции VIII в. – потенциально, потому что упрочение ее завоеваний в Лаконии и Мессении происходило постепенно. Первый дорийский полис на материке проявил себя как грозная сила уже в первое столетие своего существования.

В напряженных условиях завоевательных войн государственное устройство Спарты подверглось некоторым изменениям. В правление Полидора и Теопомпа, вероятно около 757 г., в Великую Ретру с благословения Дельф было добавлено следующее предложение: «Но если народ рассудит неверно, да пусть старейшины и цари распустят собрание». Право окончательного решения, которым Ликург наделил народное собрание, было урезано этой формулировкой, так как, если его мнение не совпадало с мнением Герусии, его распускали. В результате, как и на Крите, функция собрания свелась к одобрению предложений, внесенных Герусией. Однако если в Герусии не могли прийти к единому мнению, то выбирать между конкурирующими предложениями членов Герусии по-прежнему приходилось собранию, чье решение являлось окончательным. Такое изменение законов упрочило позиции Герусии. Когда ее члены придерживались единого мнения, они фактически не нуждались в одобрении собрания и могли принимать тайные, но важные решения, как, например, в преддверии 2-й Пелопоннесской войны.

Ослабление демократической стороны государственного устройства в некоторой степени компенсировалось превращением эфората в важный государственный орган. Эфоры как выборные представители народа ежемесячно принимали от царей клятву соблюдать законы и, в свою очередь, приносили клятву уважать власть царей. Двое эфоров сопровождали царя на войне, и они имели право арестовать его и осудить по возвращении в Спарту. К эфорам перешли судебные полномочия царей, за исключением вопросов усыновления и наследования. Эфоры могли отрешить от должности и осудить нижестоящих должностных лиц, и любой спартанский гражданин мог быть наказан по их совместному указу. Кроме того, они же ежегодно формально объявляли войну илотам и могли арестовать любого периэка. Эфоры имели право присутствовать на совещаниях Герусии и возглавляли народное собрание. Их власть была столь велика, что в поздние времена, когда престиж царей упал до минимума, они стали править государством «как тираны».

4. Другие дорийские полисы

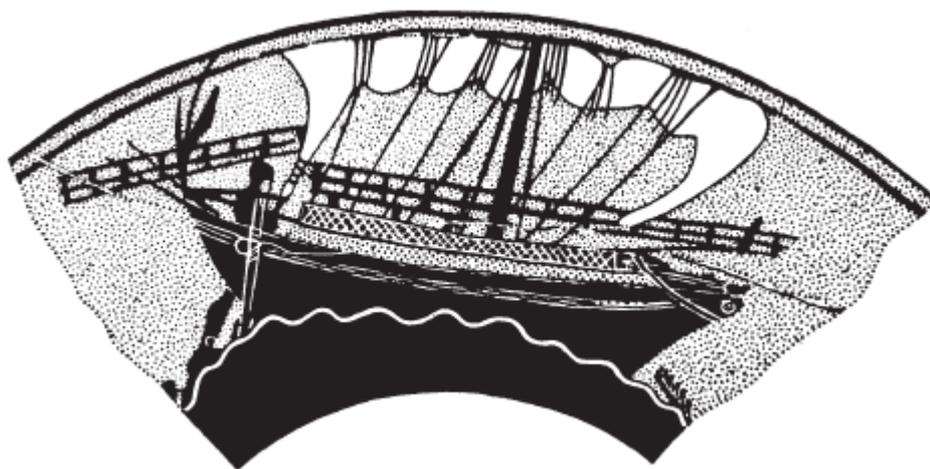
Успехи Спарты заставили и других дорийцев последовать ее примеру. В Мегариде дорийцы, как обычно разделенные на три племенных филы, низвели недорийское население

до положения сервов, а сами жили в пяти независимых деревнях (komai). В VIII в., вероятно, около 750 г., эти деревни политически, но не физически, объединились в полис, или город-государство Мегара. Граждане Мегары были организованы по пяти филам на основе пяти деревень; они назначали пятерых полководцев и пятерых магистратов (demiourgoi), и каждая фила поставляла солдат в государственную армию. Деревни сохранили за собой лишь некоторые функции местного самоуправления, а их политическая жизнь осуществлялась в рамках единого государства мегарян, которое вскоре энергично проявило себя в войне с Коринфом и заморской колонизации.

В Коринфии дорийцы даровали привилегии некоторым членам недорийской знати, из которых сформировалась фила синофалов, дополнившая три традиционные дорийские филы. Сперва дорийцы, вероятно, жили в независимых деревнях, так как на территории, позже подчиненной Коринфу, раскопаны руины трех небольших деревень, относящихся к IX и VIII вв. Согласно старинному преданию, «в соответствии с ответом оракула Алет приказал коринфянам жить вместе, образовав восемь фил граждан и восемь частей государства». Поскольку Алет стоял во главе первоначального завоевания Коринфии, не следует приписывать ему это позднее нововведение, но, судя по этому утверждению, полис, или город-государство коринфян, был создан как политический союз восьми деревенских общин, из жителей которых были образованы восемь фил. Это произошло, вероятно, в VIII в., ранее 747 г., когда началось ведение списка магистратов, по имени которых назывались годы. Коринф, как и Спарта, гордился своей эвномией, и двое коринфян заслужили известность как законодатели. Фидон, считающийся одним из первых греческих законодателей, принял законы, согласно которым количество городских домов (а следовательно, и число граждан) в Коринфе должно было оставаться неизменным, даже если первоначальные землевладения (klaroi) и различались размерами. Очевидно, он решал ту же проблему, что и Ликург в Спарте. Филолай, возглавлявший государство в 728 г., перебрался из Коринфа в Фивы, где провел законодательство об усыновлении, направленное на сохранение количества земельных участков (klaroi) и, следовательно, граждан Фив, которые после этого, возможно, стали полисом.

Энергия новых государств Мегары и Коринфа была направлена не только на создание сильных колоний, но и на войну друг с другом. Яблоком раздора служила южная Мегарида, возможно включавшая Перахору. Около 725 г. Коринф завоевал эту область и обратил ее жителей в сервов, но мегарянин Орсипп, победитель Олимпийских игр 720 г. в беге, успешно провел освободительную войну. К концу столетия Коринф навсегда установил свою власть в Перахоре и южной Мегариде.

Полис дорийского типа, возникший на Крите, в Спарте, Мегаре, Коринфе и, вероятно, в Фивах, не был известен в микенском мире. Он был создан дорийцами, а не ионийцами, эолийцами или аркадцами – наследниками микенской традиции. Благодаря такому устройству дорийские государства с самого начала пользовались преимуществом в силе, а полис стал характерным признаком эллинской цивилизации.

Парусный торговый корабль. С аттической чернофигурной вазы. Ок. 540 г.

Глава 2

Колониальная экспансия греческих полисов

1. Ресурсы греческой колонизации

В сфере практических свершений ни одно достижение греческих полисов не было столь масштабным и имеющим столь далеко идущие последствия, как колониальное движение. Оно проложило путь, которым эллинизм пришел к народам Южной Европы, в страны вокруг Черного моря и на ливийское побережье Африки. Основание колоний явилось чрезвычайно важным этапом в развитии не только эллинской, но и европейской цивилизации. Проводили колонизацию полисы, и ее итогом было возникновение новых полисов. Основывал ли колонию Коринф или Колофон, сама эта колония становилась новым полисом. Как мы уже видели, каждый отдельный полис представлял собой незначительное образование в системе мировых держав. Но его потенциал проявился в колониационной активности не менее ярко, чем в борьбе с Персидской империей.

Греческая колонизация осуществлялась по морям. Ее границы определялись наличием соперничающих морских держав в лице Финикии, Этрурии и Египта. Колонии основывались на островах или в прибрежных районах, откуда вытеснялись народы, еще не обладавшие сильной государственностью. Развиваясь, эти колонии основывали новые колонии в аналогичных местах, редко расширяя свои земли в глубь суши. Их существование держалось на мореплавании. Торговое судно, как и в бронзовый век, представляло собой парусник с широким изогнутым корпусом, глубокой осадкой, высокими носом и кормой – небольшой, неторопливый и устойчивый (см. с. 122). Однако военный корабль претерпел в конце IX и VIII вв. эволюцию: теперь у него был низкий прямой корпус с удлиненной килевой балкой, образующей узкий таран. На боковых палубах находились боевые площадки для моряков. Корабль приводился в движение гребцами, размещавшимися в один ряд (фото Ша), но мог ходить и под парусом. На коринфской вазе изображен другой тип военного корабля VIII в.: длинное низкое судно с сужающимся тараном и без палубы, имеющее по двадцать одному веслу с каждой стороны. Корабли обоих типов – с боковыми палубами и беспалубный – широко применялись в VII в. Но в VI в. преобладали последние; тогда они подверглись стандартизации и были сведены в два класса: триаконтеры с 30 веслами и 30-метровые 50-весельные пентеконтеры. Эта эволюция конструкции кораблей сопровождалась и сменой тактики сражения: вместо abordжа стал применяться таран, так как триаконтеры и пентеконтеры были достаточно быстрыми и маневренными орудиями, чтобы протаранить вражеский корабль (см. с. 155 и фото Шб). По сравнению с ними финикийский военный корабль 705–686 гг. с двумя рядами гребцов и сильно выступающим тараном был неуклюжим и неустойчивым.

Практически на протяжении всего VIII в. лидерство, вероятно, принадлежало ионийцам, так как в то время они были пионерами в исследованиях и колонизации. Однако появление нового типа военных судов, стандартными примерами которых служат триаконтеры и пентеконтеры (а намного позже – триремы) произошло в дорийском государстве Коринфе. Четыре военных корабля такого типа были построены около 705 г. для Самоса коринфским кораблестроителем Аминоклом. Парос и Милет также в начале VII в. обзавелись пентеконтерами. Это усовершенствование позволило Коринфу и его колониям надолго установить свое господство в водах между Грецией и Сицилией, которое, однако, не привело к монопольному владению открытыми морями. Небольшие открытые военные корабли старались на ночь пристать к берегу и были менее приспособлены к штормовой погоде, чем торго-

вые корабли; поэтому установить с их помощью блокаду было нереально. Более того, сам полис был невелик в размерах, и его военные корабли исчислялись десятками, а не сотнями; например, около 535 г. в Алалии фокейцы набрали экипаж для 60 пентеконтер. Таким образом, в эпоху колонизаций ни одно государство не обладало полным господством на морях – талассократией, как его называли в V в.

По этой и по иным причинам сомнительно, можно ли хоть в какой-то степени доверять так называемому «Списку талассократий», по крайней мере в его ранней части, который дошел до нас в сочинении Диодора Сицилийского. В этом списке перечисляются все талассократии и их продолжительность, начиная с момента вскоре после падения Трои и кончая походом Александра Македонского (иногда кончая Ксерксом). Большинство государств, основывавших колонии на Западе, скорее наводит на мысль, что коринфский флот был лишь немногим больше, чем первый среди равных.

Рано или поздно колониям приходилось воевать – обычно с местными народами в ходе создания и укрепления колонии, но нередко и с соседними колонистами. Военное искусство имело величайшее значение. В середине VII в. фараон Псамметих I нанимал на военную службу ионийцев и карийцев как лучших бойцов на Ближнем Востоке. Их называли бронзовыми людьми, поскольку они носили бронзовые доспехи – шлем, латы и наголенники. Эти доспехи предназначались для ближнего боя. Пехотинец шел в атаку с колющим копьем, защищенный круглым щитом, который крепился к его левому предплечью металлической полоской. Изобретение такого вооружения вкупе с храбростью и мастерством греческих тяжеловооруженных пехотинцев, или гоплитов, как их называли по щиту (*hoplon*), обеспечило греческим армиям превосходство, в котором их превзошла лишь македонская пехота.

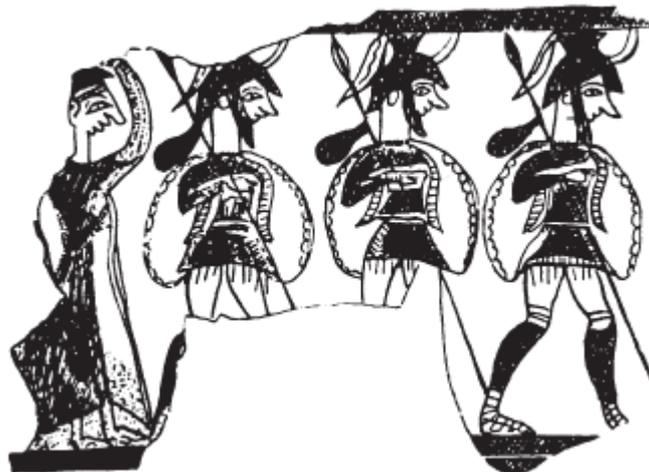
а) Золотой перстень-печатка из шахтной гробницы IV в Микенах, изображающий применение щита, колющего копья, меча-рапиры и кинжала

б) Голова из слоновой кости в шлеме с кабаньими клыками. Найдена в Микенах

в) Бронзовый рубящий меч из Мулианы (Крит). 3-й позднеминойский период

2) Ваза с изображением воинов из Микен, 3-й позднеэлладский период. Видны шлемы с продольными рогами, небольшие щиты и колющие копья

Рис. 10

Появление этой амуниции можно приблизительно датировать по изображению ее характерных деталей на вазах и статуэтках: в Спарте, Коринфе, Афинах, Крите и Хиосе около 700–675 гг.; в Беотии, Эвбее и Кикладах – около 700–650 гг.; и в городах Малой Азии несколько позже. Поскольку археологические данные указывают нам лишь самый поздний срок, вполне вероятно, что вооружение гоплитов было изобретено на материке, в первую очередь в дорийских полисах, незадолго до 700 г. Так, коринфские колонисты при основании колоний полагались не только на свои боевые корабли, но и на солдат. Кроме того, греки в эпоху колонизации славились не только тяжелой пехотой; они искусно владели также мечом, луком, пращей и дротиками.

Но своим успехом греческая колонизация обязана не только этим усовершенствованиям в кораблестроении и военном деле. Фундаментальной основой колонизационного движения была, как заметил Фукидид, стабилизация условий жизни в метрополии. Вследствие этого возникали полисы, в первую очередь дорийские, обладающие достаточными ресурсами и организационными способностями, чтобы основывать колонии за счет менее развитых народов. Кроме того, в это время мир греческих полисов не был расколот великими войнами между враждующими коалициями, которые бушевали в V–IV вв., положив конец крупномасштабной колонизации. Разумеется, в VII и VI вв. происходили войны между государствами, но они носили локальный характер и не приводили к столь катастрофическим последствиям.

2. Основные черты колоний

Греческая колония представляла собой поселение вдали от дома (apoikia). Колонисты, отправляясь в путь, возглавляемые колонизатором (oikistes), забирали из очага родного города священный огонь, что символизировало основание нового полиса. Кроме того, они придерживались своих религиозных и политических правил: культов, государственного устройства, календаря, диалекта, алфавита и т. д. Таким образом, новое государство становилось копией старого. Так, колонии Милета назывались по имени жреца Аполлона (Stephanophoros), а главными должностными лицами в них являлись Prytaneis; в Кизике, например, сохранились особый культ Аполлона, разделение на шесть фил, милетский кален-

дарь и алфавит. Эпизефирийские Локры управлялись Советом тысячи – наследниками «ста домов», которые представляли собой аристократию Опунтийской Локриды. Тарент, колония Спарты, сохранил культ Аполлона Гиакинтия и первоначально управлялся царем.

Когда первичные колонии сами основывали дочерние колонии, в качестве ойкистов они обычно приглашали граждан своей метрополии и переносили на новую почву все старые институты. Коринфяне основали Эпидамн под руководством Гераклида из Коринфа; Гераклея, колония Тарента, имела коллегия эфоров; а в Эвсперидах, колонии Кирены, имелись и эфоры, и Герусия. Таким образом, духовная связь между метрополией и колонией была очень сильной. В основе ее лежало чувство долга колонистов перед государством, выступавшим как организатор и начинатель предприятия, подкрепленное сильным чувством родства со всеми его семейными, религиозными и политическими институтами.

Но когда колония прочно укоренялась на новой почве, узы между ней и метрополией обрубались. Символом полной независимости апойки было то, что в ней почитали не метрополию, а своего ойкиста, даже если он был чужестранного происхождения. В целом метрополия обычно не предъявляла политических прав на свою колонию. Известны лишь несколько исключений. Коринф претендовал на главенство в совместных с колониями церемониях и ежегодно посылал чиновников в Потидею; Занкла сохраняла политический контроль над Милами, а Синоп в IV в. получал со своих колоний дань. Невозможно определить, существовали ли подобные исключения с первых лет колонизации или проявились позже. Кроме того, метрополии могли быть добровольно дарованы привилегии, такие, как свобода от налогообложения, дарованная Ольвией гражданам Милета, проживающим в Ольвии. Или же метрополию могли пригласить рассудить спор между двумя ее колониями. Но подобные привилегии и приглашения распространялись не только на метрополии, но и на другие государства. Судейство также своим появлением обязано контактам, предшествовавшим эпохе колонизации; например, Аргос выступал судьей между Тилиссом и Кноссом, заселенным жителями Арголиды в эпоху переселений. В общем, независимость колоний была полной и неоспоримой.

Власть колонии над своими гражданами была такой же абсолютной, как и в метрополии. На Левкасе и в Локрах продажа земельных участков, розданных при основании колонии и передававшихся от отца к сыну, была либо полностью запрещена, либо разрешалась в исключительных случаях. Метрополия также принимала меры к тому, чтобы колонисты не покидали свою колонию. На Фере граждане, избранные жребием, обязаны были отправляться в Кирену, не имея возможности вернуться домой и пользоваться гражданскими правами, если только вся колония не прекратит свое существование; в Эретрии вернувшихся поселенцев, вытесненных коринфянами с Керкиры, изгнали из города пращами, и им пришлось основать Метону в Македонии. Подобная мера, вероятно, была особенно необходима при основании дочерних колоний, так как вторичные колонисты (*epoikoí*) нередко были родом из иных государств, чем метрополия, и было важно создать гарантии того, что они останутся в колонии.

Основание колонии являлось сознательным политическим актом метрополии. Официально испрашивалось благословение оракула, благодаря чему предприятие принимало характер богоугодного дела. Ионийцы азиатского побережья обращались к оракулу Аполлона в Дидиме, а жители материка – к оракулу Аполлона в Дельфах, а возможно, и к оракулу Зевса в Додоне. Божественным вождем (*archegetes*) колонии считался сам бог. Так, Аполлон Дидимский играл эту роль в Аполлонии Риндакийской, а Аполлон Дельфийский – в Наксии на Сицилии; тщательно соблюдались культ Аполлона Архегета как божественного основателя и культ колониста как земного основателя, контакт с оракулом поддерживался назначением священных послов (*theoí*) в колонии. Некоторые из ответов Аполлона Дельфийского сохранились в оригинальном виде. Ойкист колонии паросцев на Тасосе (ок. 710 г.) получил

ответ: «Объяви паросцам, о Телесикл, что я приказываю тебе основать богатый город на острове Эрия». Ойкисты Гелы, колонии Крита и Родоса, получили следующее предписание: «Энтим и хитроумный сын знаменитого Кратона, отправляйтесь оба в Сицилию и заселите эту прекрасную землю, построив город критян и родосцев у устья священной реки Гела и назвав его по имени реки». Из этих примеров ясно, что колонисты стремились, чтобы бог благословил их выбор ойкистов и места для колонии.

Когда санкция божества была получена, колонисты отправлялись создавать новое государство. Поселенцы иногда шли несколькими волнами (поздних поселенцев обычно называли *εοικοί*), но, поскольку их целью было создать независимую и самодостаточную с самого начала общину, в их число входили представители различных классов и профессий. Многие поселенцы в Сиракузах происходили из Тенеи во внутренней Коринфии; без сомнения, это в основном были крестьяне, надеявшиеся получить надел земли. На Фере участие в колонизации всех слоев населения достигалось жеребьевкой между братьями по всему острову, что, возможно, преследовало также цель покончить со спорами из-за земли в крупных семьях метрополии. Если ожидалось сопротивление коренных жителей, в первую волну поселенцев входили воины. Например, в Аполлонию Иллирийскую сперва прибыли 200 колонистов из Коринфа, а в двух пентеконтерах, отправленных в Платею с ливийского побережья, было наверняка меньше. Для борьбы с более воинственным местным населением коринфяне послали тысячу человек на Левкас, а милетяне отправили 30 кораблей для основания Милесиона-Тейхоса в Египте. Многие из колоний как были поначалу невелики, так и не сумели существенно вырасти. Например, Анакторий, расположенный на небольшом полуострове, в 433 г. снарядил лишь один корабль для коринфского флота.

Выбирая место, колонисты прежде всего заботились о достаточном количестве плодородных земель для самообеспечения, но их выбор зачастую оказывался ограничен их небольшой численностью и необходимостью селиться в месте, удобном для обороны. Предпочитали небольшие острова, а с них основывали новые поселения. На западе самые первые колонисты заняли остров Искья у итальянского побережья, а позже Киму; на юге – остров Платею, а потом Кирену на ливийском побережье; у западного побережья Черного моря – остров Истр. Типичным было расположение колоний на перешейке полуострова – такими колониями были Синоп, Левкас и Милы, или на возвышенном месте в устье крупной реки – например Эниады, Тир и Ольвия. Основать крупный или слабозащищенный город мог лишь большой отряд колонистов, такой, какие посылали сильные дорийские государства Спарта, Коринф и Мегара. Именно по этой причине, а не потому, что колонисты из Халкедона не заметили преимуществ данного места, был с запозданием основан Византий.

3. Колонии на северо-востоке

Самые ранние колонии были основаны в первой половине VIII в. Милетом на южном побережье Черного моря, в Синопе, Трапезунте и Амисии – последняя с помощью Фокеи¹⁰. Они перехватили доходную торговлю с внутренними землями, особенно торговлю серебром, железом, реальгаром¹¹ и корабельным лесом; Синоп был главным промежуточным портом на этом побережье для кораблей, направляющихся в Крым. Небольшие поселения, подвергавшиеся нападениям кочевых народов – Синоп и Амис, – позже были перенесены на новое место. Синоп впоследствии основал на этом же берегу дочерние колонии. Другие берега Черного моря были освоены Милетом в VII в. Первые колонии создавались в устьях боль-

¹⁰ Мы по-прежнему не имеем археологических данных, подтверждающих столь раннюю дату. Судя по результатам недавних раскопок в Кизике, он был основан в VIII в.

¹¹ Р е а л ь г а р – сернистый мышьяк. (Примеч. пер.)

ших рек: Истр на Дунае, Тир на Днестре, Ольвия на Буге и Борисфен на Днепре; они владели превосходными рыболовными угодьями и экспортировали продукцию внутренних земель. В VI в. на этих побережьях были основаны новые колонии Одесс и Томи. К тому времени милетская колонизация достигла Крыма и восточного побережья Черного моря, обладающего более суровым климатом. Там возникли Пантикапей и его дочерняя колония Феодосия, богатевшие благодаря рыболовству, но в первую очередь благодаря хлебу, который транспортировался через Киммерийский Босфор (Керченский пролив), в то время как Фасис и Диоскурия являлись конечными точками торгового пути, начинавшегося на Каспийском море.

Именно этой сотне с лишним колоний Милета и его сателлитов в первую очередь обязано развитие торговли на Черном море. Здесь создавали колонии и другие ионийские государства: Фокея совместно с Милетом около 609 г. основала Аполлонию Понтийскую, а Теос основал около 540 г. напротив Пантикапея Фанагорию. Дорийскими колониями, основанными Мегарой в VI в., являлись Гераклея Понтийская и Месембрия, занимавшие стратегически выгодные позиции неподалеку от выхода из Черного моря; Гераклея Понтийская позже изгнала ионийцев из Каллатиса и Херсонеса, превратив их в свои колонии.

Милет был также первым государством, приступившим к колонизации Пропонтиды – моря, богатого рыбой, и точки пересечения торговых путей из Азии в Европу и из Средиземного в Черное море. Кизик, основанный в 756 г., славился своим электроном и шерстью; разрушенный набегами киммерийцев в начале VII в., он был заново основан в 676 г. Соперниками милетян вскоре выступили дорийцы из Мегары. На Пропонтиде они основали в 676 г. Халкедон, в 660 г. – Византий, а также Селимбрию. Эти колонии предназначались для установления контроля за Босфором, который считался затруднительным для входа в Черное море из-за сильного течения и в котором находилась самая удобная переправа из Азии в Европу. Ионийцы ответили колонизацией южной Пропонтиды и Геллеспонта. Здесь Парос и Эритры в 710 г. основали Парий. Милет в 675 г. основал Абид, владевший золотыми рудниками и контролировавший кратчайшую переправу через Геллеспонт, а также несколько колоний в южной Пропонтиде. Фокея в 654 г. основала Лампсак на Геллеспонте. Остров Проконнес был занят Милетом, возможно с помощью Самоса, в 675 г., а самосцы основали Перинф и другие колонии на фракийском побережье Пропонтиды. Колофон также основал колонию в Мирлее.

На европейской стороне Геллеспонта небольшие колонии сельскохозяйственной направленности основали эолийцы с Лесбоса; самой значительной из них был Сест напротив Абидоса. Милет основал Лимны на западном берегу моря, а Колофон – Кардию на Херсонесском перешейке. Выход в Черное море притягивал к себе торговые пути из материковой Греции, и тем важнее становился маршрут вдоль фракийского побережья. Самые первые колонии были основаны здесь около 710 г. паросцами, которые обосновались на Тасосе, богатом золотом, строевым лесом и вином. Колонии на Тасосе угрожали с материка воинственные фракийцы, и она получила около 670 г. от Пароса подкрепления; среди новых колонистов был и поэт Архилох, служивший командиром наемников. Впоследствии и сам Тасос приступил к экспансии и основал дочерние колонии на побережье соседнего материка, богатом золотом, серебром и пшеницей.

Между Тасосом и Херсонесом¹² Хиос основал Маронею, которая, как и ее метрополия, славилась вином; Клазомены в 654 г. основали Абдеру, но она была уничтожена фракийцами и заново заселена колонистами из Теоса; а эолийцы основали Эн в устье реки Гебр. К западу от Тасоса лежал полуостров Халкидика со своими тремя выступами, где выращивали оливки, виноград, зерно и рубили строевой лес; через него переправляли богатства более западной Македонии и более восточной долины Стримона – в обоих районах были

¹² Здесь и далее имеется в виду не Херсонес Крымский, а нынешний Галлипольский полуостров. (Примеч. пер.)

залежи золота и серебра. Здесь самые первые колонии были основаны около 730 г. Эретрией в Менде на Халкидике и в Метоне и Дикее в Македонии, а около 710 г. – Халкидой в Тороне на Халкидике. Впоследствии Халкида создала около тридцати колоний в этой области; они были очень маленькими и со временем открыли свои двери коренным негреческим народам. Ахейцы из Пеллены на Пелопоннесе основали Скиону, а Андрос – Сану, Аканф, Стагир и Аргил. Но самой сильной колонией здесь была дорийская Потидея, основанная Коринфом около 600 г. Она была расположена на перешейке западного полуострова, обладая выгодной позицией для торговли с Македонией. Во время ее основания коринфские колонии в Иллирии контролировали западную оконечность торгового пути, пересекавшего Балканский хребет от Иллирии к Македонии.

4. Колонии на западе и на юге

Самые первые колонисты в Италии и Сицилии были родом из Халкиды и Эретрии. На западном направлении эретрийцы создали колонию на Керкире с владениями на прилегающем побережье материка, благодаря чему контролировали Керкирский пролив. Некоторые эретрийцы, изгнанные оттуда коринфскими колонистами, поселились в Орике и в области южной Иллирии, которая называлась Абантида; там к ним присоединились локрийцы. Коринфская колония, основанная на Керкире в 733 г., была первым и крупнейшим из нескольких поселений, которые позволили Коринфу контролировать западные маршруты. Вероятно, около 700 г. Коринф основал колонии в Моликрии, Макинии, Халкиде (наверно, за счет ранних халкидских колонистов) и Эниадах – все они прикрывали вход в Коринфский залив. К ним добавились колонии на Левкасе и Амбракии и основанная совместно с Керкирой колония в Анактории по соседству с входом в Амбракийский залив (ок. 625 г.). Севернее, в Иллирии, Керкира в 627 г. основала Эпидамн, а Коринф около 600 г. – Аполлонию. При создании этой группы колоний проявилась гениальность Коринфа как организатора колонизации. Коринфяне, выбирая стратегически важные места, контролировали экспорт серебра, строевого леса и продуктов животноводства. Колонии Элиды – Бухета, Элатрия и Пандосия в южном Эпире, дата основания которых неизвестна, – не имели такого значения. В начале VI в., когда фокейцы бороздили своими боевыми кораблями Адриатическое море, сами они не создавали здесь колоний, однако Книд с помощью Керкиры основал Керкиру-Нигру.

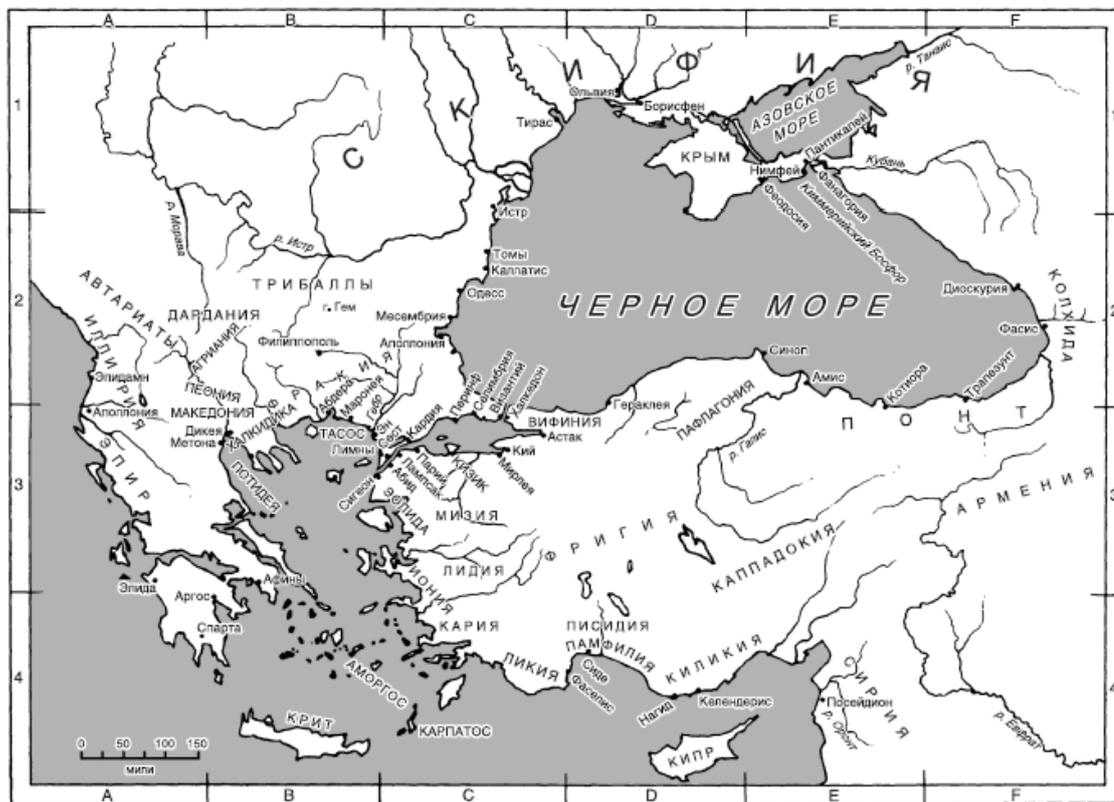

Рис. 11. Черное море и Восточное Средиземноморье

Самая первая колония на Западе была основана Халкидой, Эретрией и Кимой на маленьком плодородном острове Питекузы (Искья), где имелись месторождения золота. Позже, в 757 г., на соседнем побережье возникла Кима, или Кумы, как их обычно называют. Они располагались в хорошо укрепленном месте с плодородными угодьями и песчаным пляжем, на который можно было втаскивать военные корабли. Обладая позицией, сопоставимой с положением эретрийских колоний на Керкире и соседнем материке, Питекузы и Кумы могли грабить и облагать пошлинами торговые корабли, направлявшиеся в Этрурию с юга или возвращавшиеся с грузом медной и железной руды с Эльбы и из Кампании. Поселенцы здесь были родом из Питекуз, Халкиды, Эретрии и азиатской Кимы; возможно, вместе с ними прибыли греи из Беотии, имя которых в латинском языке превратилось в греков, а отсюда перешло в современные языки. Самос около 531 г. основал Дикеархию, а Кумы позже основали Неаполь.

Халкидяне около 730–720 гг. создали также самую первую колонию на крайней оконечности Италии – Регий. Среди колонистов были мессенйцы, бежавшие со своей родины во время войны со Спартой, и из них образовался правящий класс колонии. Рано появились и ахейские колонии – Сибарис, основанный совместно с Трезеной в 720 г., Кротон, Метапонт и Кавлония, которые, в свою очередь, основали дочерние колонии. Все они обладали плодородными землями, но были лишены хороших гаваней. Самая лучшая гавань в южной Италии находилась в Таренте, основанном Спартой в 706 г. Сам Тарент основал Каллиполь и Гидрунт на «итальянском каблуке», оказавшись сильнее своих ахейских соседей. Колофон завладел форпостом в Тарентском заливе, основав около 680–670 гг. Сирус. Последним промежуточным портом на пути в Сицилию были Эпизефирийские Локры, основанные в 673 г. локрийцами с помощью Сиракуз.

Самая первая колония на Сицилии была основана в 734 г. в Наксии – в первом порту по пути из Италии, где почти не было плодородных земель. Колонистами здесь были ионийцы из Халкиды, а также с островов, главным образом с Наксоса. Хотя эта колония оставалась небольшой, здесь приносили жертвы Аполлону Архевету все сицилийские греки, отправлявшиеся из Сицилии с религиозными миссиями. Ойкист из Наксия основал Леонтины и Катану, которые владели самыми плодородными землями на острове (729). Похожая история произошла и с Занклой, которая восполнила нехватку земель, основав дочернюю колонию в Милах. Занкла, расположенная на сицилийской стороне Мессинского пролива, сперва была владением пиратов из итальянских Кум; в 730 г. она стала официальной колонией Кум и Халкиды, заселенная колонистами из Халкиды и Эвбеи. Когда Занкла помогла основать Регий на итальянском берегу, две эти халкидские колонии получили контроль над проливом. В 649 г. Занкла с помощью изгнанников из Сиракуз основала дочернюю колонию в Гимере, которая обладала плодородными угодьями, и наладила торговые контакты с финикийскими поселениями в западной Сицилии.

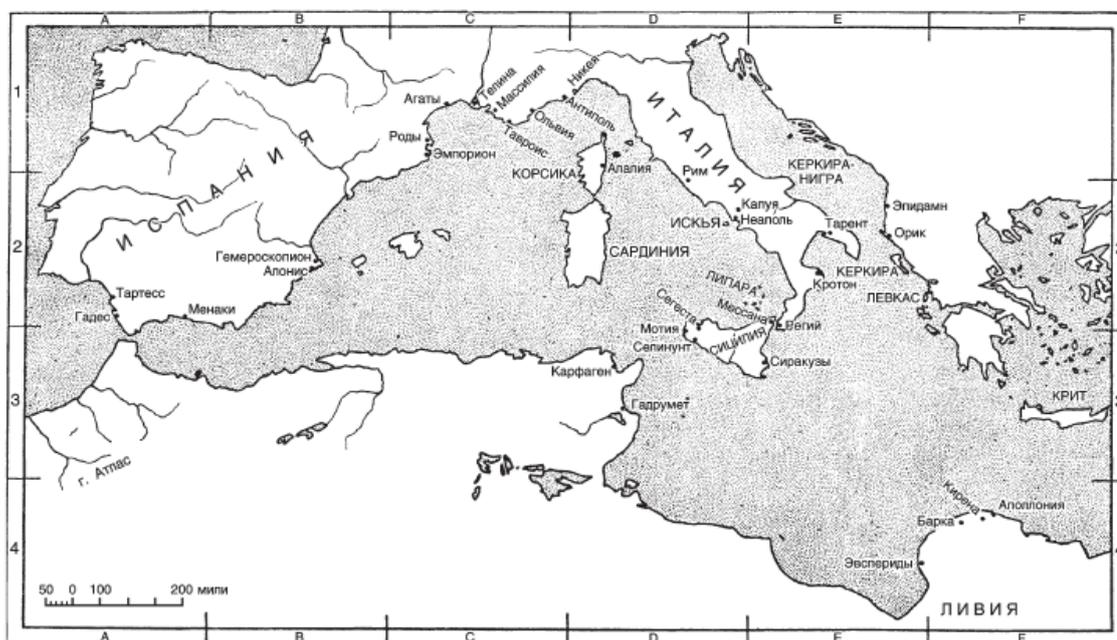

Рис. 12. Дальний Запад

В то время как халкидяне закрепились в северо-восточной Сицилии, дорийцы заняли юго-восточный угол острова. Сиракузы, основанные в 733 г. Коринфом с участием других дорийцев, обладали лучшей гаванью на восточном берегу острова и с самого начала были крупной колонией, занимавшей остров Ортигия и противоположное побережье. Для захвата этой позиции требовались крупные силы, однако они составляли лишь часть большой экспедиции, в ходе которой была основана Керкира, откуда изгнали эретрийцев. Сиракузы, в свою очередь, основали Акры, Касмены и Камарину. К основанию Сиракуз коринфяне привлекли дорийцев, первоначально входивших в мегарянский отряд, действующий в южной Италии. Этот отряд столкнулся с большими трудностями при создании постоянного поселения. Захватив Тротилон, превосходную пиратскую базу, мегаряне перебрались в Леонтины, откуда их позже вытеснили. После недолгого пребывания на маленьком островке Тапсос они были приглашены коренными сицилийцами на соседнее побережье, где в 728 г. основали Мегару Гиблейскую. Оказавшись зажатыми между халкидской и сиракузской сферами влияния, они приступили к экспансии и основали в 628 г. колонию в Селинунте, соседствовав-

шую с финикийскими поселениями на юго-западе острова. Между Селинунтом и сиракузскими колониями в 688 г. критяне и родосцы основали еще одну дорийскую колонию в Геле, богатой плодородными землями и пастбищами. Гела же основала колонию в Акраганте в 580 г.

Первые открытия на Дальнем Западе были совершены случайно. В 638 г. Колей из Самоса привел торговое судно на остров Платея у ливийского побережья, после чего его отнесло бурями через Гибралтарский пролив к Тартессу на атлантическом побережье Испании. Он вернулся с баснословно богатым грузом, вызвав зависть других авантюристов. Фокейцы, уже водившие суда вдоль южного побережья Франции, около 600 г. основали важную колонию в Массилии, которая славилась своей гаванью, оливками и виноградом. Массилия, в свою очередь, основала колонии в местах на южном побережье Франции и Испании, уже посещавшихся греческими купцами, – в Никее, Антиполе, Ольвии, Эмпорионе и Менаке. На прямом пути от Мессинского пролива к Испании Фокея около 560 г. основала колонию в Алалии на Корсике; возможно, недолго существовали фокейская колонию на Сардинии и родосская – на Балеарских островах. Наконец, Книд основал в 580–576 гг. колонию Липара на маленьких островах к западу от Мессинского пролива. Ее жителями стали уцелевшие книдяне и родосцы во главе с Пентафлом, которые были изгнаны из западной Сицилии финикийцами и элимянами.

Финикийцы, враждебно отреагировавшие на греческую колонизацию на Западе, получили помощь от этрусков. Алалийские фокейцы, число которых увеличилось после падения Фокеи, около 535 г. разбили карфагенско-этрuscoский флот, но понесли такие потери, что покинули Корсику и в итоге основали Элею в южной Италии. После утраты Алалии греческая торговля на Западе пошла на спад, так как карфагеняне вскоре овладели Гибралтарским проливом и разрушили Тартесс.

Дорийцы с Феры открыли дорогу к ливийскому побережью, поселившись на острове Платея, к которому их привел критянин. После того как они шесть лет занимали материковый Азирис, ливийцы указали им место, где около 630 г. была основана Кирена. Благодаря изобилию зерна, шерсти, фиников и лекарственного растения сильфий она привлекала новых поселенцев, прибывших около 570 г. из Пелопоннеса и с островов, и основала на этом же побережье дочерние колонии, из которых самыми заметными были Барка и Эвспериды. Хотя в Египте ионийские наемники служили и раньше, первая греческая колонию в дельте Нила – Милесион-Тейхос – была основана Милетом во время гражданской войны в Египте в конце VII в.

Впоследствии (ок. 610 г.) на западном рукаве Нила греческими купцами был основан Навкратис. Он представлял собой не колонию в греческом смысле, а *emporion*, рыночную территорию, где египетские власти разрешали селиться иностранцам. Аналогичный рынок для греческих купцов возник и в сирийском Посейдионе рядом с устьем Оронта. Там греческая торговля процветала примерно с 750-го по 600 г., затем замерла и возобновилась около 520 г. Фаселис на южном побережье Малой Азии, освоенном греческими колонистами еще в эпоху переселений, возможно, получил около 690 г. новых поселенцев с Родоса; Сиде был колонизован эолийцами из Кимы, вероятно, около 750 г., а Келендерис и Нагид основаны Самосом, видимо, в VI в. В Эгейском море колонисты с Наксоса, Самоса и из Милета заселили небольшой остров Аморгос. Самосское поселение появилось там в конце VII в., и остров долгое время был владением Самоса.

5. Цели, причины и последствия колонизации

Основывая колонии, греческие полисы каждый раз руководствовались разными целями. Например, греческие товары поставлялись в западные страны – Сицилию, Этрурию

и Францию – еще до того, как туда прибыли первые колонисты. Если вспомнить о плаваниях Колея и фокейцев в испанский Тартесс, можно предположить, что перевозка этих товаров осуществлялась и греческими купцами. Несомненно, что ради торговли, особенно металлами, были основаны колонии в Синопе и Трапезунте на Черном море, на Искье и в Кумах в Италии и в Наксии и Сиракузах на Сицилии. С торговли взимали пошлины, и, кроме того, на ней наживались пираты. Мегаряне на Сицилии и книдяне на Липарских островах выбирали именно места, удобные для пиратства, да и знаменитые рейды фокейских кораблей в Адриатическое море и на Запад были не только исследовательскими, но и пиратскими. Взимание пошлин с транзитных грузов, вероятно, имелось в виду мегарянами, поселившимися на подступах к Босфору, эретрийцами, а позже коринфянами, оккупировавшими Керкиру и соседнее побережье материка, и халкидянами, избравшими для поселения Питекузы, Кумы, Занклу и Регий, так как у себя на родине Мегара и Коринф наживались на транзитной торговле через Истм, а Халкида и Эретрия контролировали пролив Эврипос. Разумеется, всем колониям требовалась земля, чтобы обеспечивать себя продовольствием. Некоторые государства желали лишь забрать в свои руки особо плодородные земли или рыболовные угодья. Так, эолийцы в Херсонесе, элейцы в Эпире и ахейцы в Италии занимались преимущественно сельским хозяйством. Более мелкие милетские и фокейские колонии на Черном море, Пропонтиде и в Лионском заливе, вероятно, были привлечены туда богатыми уловами тунца.

К эмиграции колонистов подталкивали иногда личные обстоятельства, а иногда общие условия жизни на родине. Бедность погнала Архилоха на Тасос. Колонизации Кирены и Регия предшествовали засуха на Фере и голод в Халкиде. В метрополиях постоянно ощущалась сильная нехватка плодородных земель, причем она обострялась в условиях стабильности, приводивших к росту рождаемости; избыточное население искало выход не только в колонизации, но и на военной службе, а позже участвуя в завоеваниях. Так, надежда владеть землей побуждала эпикоев отправляться в уже созданную колонию: та укреплялась за счет новых поселенцев, которые, в свою очередь, становились владельцами ценной собственности. Гнали колонистов в путь и политические пертурбации: мессенйцы отправились в Регий, а родные сыновья (Partheniai) – в Тарент вследствие Мессенийской войны, фокейцы же присоединились к жителям Алалии после разрушения Фокеи. Но это были лишь частные причины для колониальных предприятий; они действовали и в другие столетия, но не приводили к колонизации.

Великий век колонизации был порождением общих, а не частных причин. Как мы уже видели, греческий мир не только достиг стабильности, но и создал новую политическую форму – многообразные полисы, проявлявшие чрезвычайную энергию и организационные способности. Этому фактору поразительная экспансия Коринфа, Мегары, Милета или Фокеи обязана не меньше, чем завоевания Спарты в южном Пелопоннесе. Без сомнения, эти полисы привлекали для заселения своих колоний людские ресурсы других государств; но именно они инициировали, организовывали и контролировали создание новой колонии. Мерой подавляющего превосходства дорийских полисов может служить то, что именно они основали самые сильные колонии, такие, как Сиракузы, Тарент, Керкиру, Византий и Кирену. Другой важный фактор был внешним по отношению к греческим государствам. Мир внешнего Средиземноморья в период 750–550 гг. был слабо организован в сравнении с греческим сообществом полисов. Местные племена запада и севера отставали в политическом развитии. С греками были сопоставимы лишь финикийцы и этруски; и, объединяясь, они ставили предел греческой экспансии. На Востоке, где переход от бронзового века к железному происходил не столь катастрофически – в южной Малой Азии, Сирии, Кипре, Палестине и Египте, – не появилось практически ни одной греческой колонии. Здесь греков приглашали селиться в Навкратисе и Посейдионе, потому что они были сведущи в

торговле и военном ремесле, которые в других странах являлись для этого народа средствами приобретения или захвата владений и повсеместного основания колоний.

Коренные жители иногда приветствовали первопроходцев и давали им в жены местных женщин. Но после того как колония была основана, она расширялась силой оружия и становилась нетерпима к другим народам. Подкрепления обычно вызывали из метрополии. Смешанные колонии греков и туземцев встречались редко. Они попадались на кромке ионийской колонизации, например, таковыми были Круны и Бизона в южной России и некоторые небольшие поселения в Халкидике. Дорийские колонисты нередко низводили коренных жителей до положения сервов и периэков; в Сиракузах, Византии и Геракле Понтийской колонисты владели сервами, а в Реги и Кирене сформировалась система периэков. С повышением благосостояния в собственности колонистов оказывалось все больше рабов, зачастую происходивших из коренного населения. Но в любом случае греческие колонии сильно влияли на жизнь и культуру окружающих народов. Греческое искусство и греческие изобретения постепенно распространились по Южной Европе от Испании до южной России, получая признание даже у зрелой цивилизации этрусков. Например, племена Италии взяли на вооружение алфавит в его халкидской форме, а народы Франции научились разводить оливки и виноград. Подобные влияния распространялись по торговым путям, которые уходили в глубь материка от греческих колоний на береговой полосе.

Сами же греки почти ничего не перенимали у коренных народов. На Сицилии и в Италии колонисты стали пользоваться местной системой мер и весов, а религиозные представления фракийцев и скифов, возможно, упрочили культы Ареса и Зевса, например в Томах и Ольвии. Но в целом близкое знакомство с варварами лишь укрепляло уверенность греков в своем превосходстве; и эта уверенность способствовала некоей солидарности разбросанных по огромным территориям полисов. Более важным был импульс, сообщенный греческой, и особенно ионийской, мысли непосредственными контактами с самыми разнообразными культурами. Нигде это не проступает с такой очевидностью, как в истории Геродота, который унаследовал и передал нам опыт колониационного периода. Но самым важным аспектом была торговая экспансия, заложившая экономическую основу для второго расцвета средиземноморской цивилизации. Как и в позднебронзовом веке, эгейские купцы снова выменивали олово из Британии, янтарь с Балтийского моря и золото с Урала. Но были и существенные различия. Устойчивое сообщение с Черным морем и налаживание связей с Францией и Испанией привели на юге к относительному упадку Египта. Основные торговые пути отныне проходили вдоль северных берегов и островов Средиземного моря. Таким образом, вплоть до греко-македонских завоеваний на Востоке центр тяжести товаропотоков был прочно закреплен на Греческом полуострове, особенно в той его точке, где узкий Истмийский перешеек отделяет друг от друга Саронический и Коринфский заливы.

Гоплиты в бою. С аттической чернофигурной вазы. Ок. 575–550 гг. (видны две ручки с внутренней стороны щита)

Глава 3

Развитие торговли в греческих государствах (ок. 750–550)

1. Торговля с Востоком

Система небольших государств, протянувшихся от Киликии до Египта, в конце VIII в. была разрушена наступлением Ассирии. Позднее, после консолидации Персидской державы после 550 г., ряд войн и набегов нанесли сильный удар по процветанию Сирии и Палестины. Тяжело пострадали финикийцы: Сидон был разграблен в 677 г. ассирийцами, Тир в 573 г. вавилонянами. Кипр был покорен в 709 г. ассирийцами, а в правление Амасиса (569–526) – египтянами. В Сирии с 750-го по 600 г. греческое поселение в Посейдионе являлось активным обменным рынком; основной импорт шел с Киклад, а позже из восточной Греции (включая греческие государства Малой Азии и соседние острова). Затем с 600-го по 520 г. торговля в Посейдионе замерла.

Египет с позднебронзового века был закрыт для греческих купцов. Контакты возобновились, когда Псамметих I (663–609) укрепил свою армию и флот ионийскими и карийскими наемниками. Их постоянные поселения появились в Стратопеде на востоке дельты, а служили они в таких приграничных пунктах, как Дафны. Эту политику продолжили Априй (588–566), собравший 30-тысячный греческий отряд в Саисе на западе дельты, и Амасис, набравший из греков телохранителей. Об экспедиции греческих наемников ко второму нильскому порогу около 590 г. сообщается в надписи: «Вырезали Архон, сын Амебиха, и Акс, ничей сын» на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле. В надписи фигурируют имена ионийских наемников из Теоса, Ялиса и Колофона. В правление Псамметиха милетский флот из 30 судов сумел создать укрепленный пост под названием «Милетский форт» (Милесион-Тейхос) на западном рукаве Нила. Позже, во время восстания в Египте около 610 г., выше по реке милетяне захватили и основали Навкратис. В правление Нехо (609–593) отношения с Милетом были дружественными, так как Нехо сделал вклад в храм Аполлона на милетской территории.

Поселение в Навкратисе с самого начала в больших количествах ввозило греческую керамику. Априй, столь сильно полагавшийся на карийских и ионийских наемников, вероятно, даровал Навкратису монополию как единственному порту, открытому для морской торговли. Амасис (569–526) продолжил филэллинскую политику, пожаловав греческим иммигрантам гарантию постоянного поселения в Навкратисе и передав купцам землю для постройки греческих храмов. Во время его правления Египет, достигший высокого уровня экономического процветания, превратил Кипр в вассальное владение и вступил в союз с Киреной, но не делал попыток завоевать Палестину и Сирию, так как экспортную торговлю он теперь вел в Восточном Средиземноморье, наладив тесные контакты с греческими государствами. Амасис женился на гречанке из Кирены, устанавливал статуи в Кирене, на Родосе и Самосе и пожертвовал на восстановление храма в Дельфах квасцов на тысячу талантов. Греческие купцы, торговавшие в Египте и постоянно жившие здесь, были родом преимущественно из восточной Греции. Геродот сообщает, что их главный храм Эллений был построен Хиосом, Теосом, Фокеей, Клазоменами, Родосом, Книдом, Галикарнассом, Фаселисом и Митиленой; отдельные храмы построили Самос, Милет, а из западной Греции – Эгина. Рассказ Геродота подтверждают данные археологии: керамика, найденная в Навкратисе и Тель-Дефенехе, где размещался греческий гарнизон, происходит главным образом из восточной

Греции. Особенно тесными были контакты с Хиосом, славившимся своим вином. Поскольку в этот период в Посейдионе на сирийском побережье торговля не велась, основной торговый путь в Египет из восточной Греции шел через Кипр, Фаселис и Родос. Второстепенный путь пролегал через Кирену к Фере, Лаконии и Сароническому заливу, так как в Навкратисе найдена аттическая и коринфская керамика, сделанная после 610 г., и лаконская керамика после 590 г., а в Тель-Дефеннехе – аттическая керамика после 560 г. Благодаря контактам с Египтом греки познакомились с основами геометрии и химии и некоторыми аспектами орфической религии.

В течение VIII в. центр политической власти в Малой Азии находился в глубинах материка. Но примерно с 705 г., когда во время киммерийских набегов были разрушены Мидас и Фригийская империя, ближайшим и могущественным соседом греческих государств стало Лидийское царство. Убив Кандаула Лидийского, Гиг основал новую династию, которая проводила агрессивную политику по отношению к грекам. Во время своего правления (ок. 687–652 гг.) Гиг напал на отдельные государства, в частности Смирну, Колофон и Милет, и совершал набеги на греческую территорию; аналогичные набеги его последователей и кочевников-киммерийцев продолжались примерно до 590 г. Затем Алиятт заключил союз с Милетом, что явилось началом мирных отношений с греческими государствами. Еще раньше этой даты ионийские наемники несли службу в Лидии, а греческая торговля распространялась до Сард. После 590 г. греческие купцы проникали в глубь материка, и государства восточной Греции достигли большого процветания. Хотя Крез, наследник Алиятта, лишил азиатских греков политической независимости, период процветания продолжался до покорения Лидии Персией в 546 г.

В VIII и VII вв. восточногреческие государства эксплуатировали ресурсы Пропонтиды и Черного моря, где на подъеме была ионийская торговля, возглавлявшаяся Милетом. В других местах восточногреческая торговля развивалась медленно. В сирийском Посейдионе кикладские товары были вытеснены восточногреческими лишь в VII в., да и от Египта мало что перепадало, не считая найма ионийцев на военную службу. Также и на западе к концу VII в. создали колонии лишь Колофон и Родос. Таким образом, примерно до 610 г. восточная Греция пребывала скорее на периферии греческой торговли в Средиземноморском бассейне, а ее влияние на Греческий полуостров было незначительным.

После 610 г. положение радикально изменилось. Новые рынки для восточногреческой торговли открылись в Египте, Лидии и даже в далеком Тартессе на Западе. Теперь ионийские государства, особенно Милет, оказались на перекрестке важных торговых путей. Наступила эпоха великого процветания. Пример размаха торговли, которую вело большинство ионийских государств восточной Греции, дает нам хиосский экспорт: хиосские товары были найдены в значительных количествах в Навкратисе, Черноморском бассейне и Массилии, но, за исключением Эгины (также участвовавшей в египетской торговле), они почти не встречаются на Греческом полуострове, на Сицилии и в Италии. Милет и Колофон, в частности, имели тесные торговые отношения с Сибарисом и Сирисом, богатейшими городами южной Италии. Фокея имела тесные связи с Регием, который контролировал Мессинский пролив. Благодаря этим контактам товары повседневного спроса, предназначенные для внутреннего употребления в восточной Греции, попадали в VI в. на рынки коренных италийских и сицилийских народов; ионийские моряки развивали торговлю с Этрурией, Францией и Испанией. Западный рынок существенно сократился после потери фокейской Алалии в 535 г. и разграбления Сибариса в 510 г., что повергло в траур жителей Милета. Таким образом, в период 610–540 гг. Иония достигла наивысшего уровня процветания. Ионийские наемники несли службу во многих странах, а ионийские корабли, особенно флоты Фокеи, Милета и Самоса, контролировали прибрежные воды Малой Азии и Юго-Восточного Средиземноморья, где Амасис даровал им исключительные привилегии. Нога в ногу с торго-

вой экспансией шло развитие в политической сфере, поэзии и философии. Ионийцы начали чеканить монету и оказывали сильное влияние на свою родину, Аттику, и на дорийский остров Родос.

2. Острова в роли посредников

Дорийские государства в восточной Греции имели двойное преимущество. Они контролировали вход в Эгейское море с юго-востока и конечные точки торгового пути, который вел с Запада через дорийские острова. Из последних поначалу наибольшее значение имел Крит. Впитывая влияние Ближнего Востока, приходившее через Кипр и Родос, критяне самыми первыми создали восточный стиль изящной керамики, с чего начинается дедаловский период 750–650 гг., во время которого Крит являлся важным центром искусств. Впоследствии остров вступил в период упадка, продолжавшегося до 600 г., а затем и кризиса, когда вперед вырвались Коринф и Родос. Крит и дорийские острова контролировали путь, ведущий в Западное Средиземноморье к югу от Пелопоннеса. Туда критская керамика поставлялась до 700 г., когда ее повсюду, кроме Гелы, совместной колонии Крита и Родоса, основанной в 688 г., вытеснила коринфская керамика. В то же время Крит и Родос расширили сферу своего влияния на юго-востоке, основав колонию в Фаселисе на пути в Сирию.

После 650 г. Родос опередил Крит, по своему влиянию на Западе уступая только Коринфу. Родосская терракота после 610 г. широко распространилась по всему греческому миру. Родосское влияние преобладало в Акраганте, основанном жителями Гелы в 580 г. Родос основал также недолговечные колонии в Роде, на Балеарских островах и на итальянском побережье Адриатики. В этой экспансии участвовал Книд. Пентафл, Гераклид из Книды, около 580 г. возглавил экспедицию книдян и родосцев, захватившую юго-западный угол Сицилии. Изгнанные оттуда, книдяне основали Липару, где создали государственное устройство, похожее на социализм, и занимались пиратством. Сообща владея землей и обитая в *syssitia*, часть из них отправилась на поля, а другие принялись грабить этрусские корабли. Плавали липарцы и по Адриатическому морю, где с помощью Керкиры основали колонию в Керкире-Нигре. Тем временем на юге, где были основаны Кирена и Навкратис, развивалась торговля. Она обогащала Родос как посредника между Ионией и Египтом. Таким образом, Родос занял ключевую позицию на торговых путях на север, юг, восток и запад. Кроме того, он поддерживал хорошие отношения с Коринфом, откуда в 640–580 гг. вывозил керамику, несмотря на то что его торговля с Западом шла не через Истм, а южнее Пелопоннеса. В искусство Родоса, имевшее характерные дорийские черты, в VI в. проникли ионийские веяния.

Дорийский путь через Эгейское море на Запад способствовал развитию Спарты и Феры. 700–550 гг. отмечены расцветом лаконской изящной керамики. В некоторых отношениях она уступала только коринфской. Хотя Спарта около 710 г. основала Тарент, лаконийская торговая экспансия началась лишь около 630 г., когда Фера основала Кирену, а Родос пребывал на вершине расцвета. В то время лаконская керамика в больших количествах проникала в большинство областей материковой Греции, на Самос и Родос, в Кирену, Навкратис и Этрурию. Лаконская керамика, терракота и бронза после 600 г. ввозилась в Тарент в южной Италии. Таким образом, Лакония и в меньшей степени Фера богатели от торговли с Киреной и Египтом и от родосских и книдских предприятий на Западе. Лаконское искусство начало медленно деградировать после 550 г., а после 500 г. и вовсе перестало развиваться.

Поскольку археология не в состоянии идентифицировать раннюю продукцию Халкиды, о размахе халкидской торговли мы можем лишь догадываться. Но, судя по появлению кикладской керамики VIII в. в Италии и на Сицилии, Эвбея, как и Киклады, была соперником Крита в первые годы торговли с Западом. Более того, Халкида и Эретрия вместе с Наксосом,

богачейшим из всех Кикладских островов, основали все свои важные колонии именно на Западе, а наксосцы, вероятно, исследовали африканское побережье еще до 700 г. Позднее их колонии контролировали Мессинский пролив и подступы к Этрурии, которая была важным рынком. В течение VIII в. Халкида и Эретрия колонизовали Халкидику и Македонию; Парос колонизовал Тасос и Парий; а кикладская керамика преобладала в сирийском Посейдионе. Таким образом, в конце VIII в. основная торговая зона Киклад и Эвбеи простиралась на северную часть Эгейского бассейна и на западные моря. Центральной точкой этой зоны была Эвбея. После 700 г. возросла торговля с фракийским побережьем, где Тасос и Андрос основали новые колонии. По всему Западу в значительных количествах встречаются вазы периода 550–500 гг., имеющие признаки халкидского происхождения; вероятно, центром их переправки был Регий. Регулярно на западные рынки поставлялся и паросский мрамор. Вполне вероятно, что кикладские моряки, не считая их собственных торговых связей, в этом и в следующих столетиях играли роль перевозчиков товаров во всем Эгейском бассейне.

3. Рынки Истма

Краеугольным камнем греческой торговли был коринфский Истм. Здесь сходились пути из Эгейского и Черного морей, оканчивавшиеся в Сароническом заливе, и пути с Запада, оканчивавшиеся в Коринфском заливе. Громадный коринфский рынок служил местом обмена товаров и начальным пунктом их дальнейшей транспортировки по суше и по морю. Боевые и небольшие купеческие корабли, а также грузы перетаскивались волоком по каменному желобу (*diolkos*), пересекавшему узкий перешеек. Коринф уже к 735 г. был могущественным государством, способным организовать мощнейшие колониальные экспедиции. Коринфяне создали изящнейший среди восточных стилей керамики на материке, а вскоре стали и ведущими кораблестроителями в греческом мире. С 725-го по 550 г. Коринф обладал абсолютным превосходством в торговле с Западом. После первой пробы сил, когда коринфяне вытеснили эретрийцев с Керкиры, халкидские колонии в Италии и Сицилии, видимо, сотрудничали с Коринфом и его колонией Сиракузами. В обмен халкидяне, вероятно, пользовались льготами при транзитных перевозках через Истм и при стоянках в гаванях коринфских колоний в северо-западной Греции. Коринф также являлся центром перевозок между Пелопоннесом и центральной Грецией, и в обе области после 700 г. широко ввозилась его керамика. Она же с 700 г. поставлялась через Эгейское море в восточную Грецию и в сирийский Посейдион, а после 630 г. в черноморские колонии, Сирию, Палестину и Египет. Тогда же началась систематическая эксплуатация Эпира и Иллирии, а после основания Потидеи в 600 г. – развитие торговли с Македонией. Карфаген в VII и VI вв. также ввозил коринфские товары, вероятно, через Этрурию. Таким образом, Коринф являлся важнейшим торговым государством греческого мира, и его товары отправлялись на все рынки. Ему пришлось лишь слегка потесниться, когда изящная афинская керамика проникла на Запад и начала после 550 г. вытеснять коринфскую и там, и в других местах.

Мегара, сосед Коринфа, владела портами на обоих заливах, но в отличие от Коринфа не обладала столь удобным путем для транспортировки грузов через Истм. Однако ее колонии рано появились и на Западе, и на Востоке. Хотя Мегара Гиблейская на Сицилии была зажата между коринфской и халкидской сферами влияния, ее дочерняя колония в Селинунте была богата пшеницей и удачно расположена для торговли с Дальним Западом, Этрурией, Карфагеном и Родосом. Но главные потоки мегарской торговли шли с Черного моря, где непрерывно развивались ее могущественные колонии, контролировавшие Босфор и подступы к нему. Несмотря на скудность естественных ресурсов, Мегара не зависела от Коринфа. Отчасти это было связано с ее экономической мощью, проистекавшей из ее положения на Истме, и колониальной системой.

Другие государства, выходявшие на Коринфский залив и пролив Эврипос, богатели благодаря общему подъему торговли и колониальной экспансии. Ахея отправляла свое избыточное население в южную Италию и Халкидику, Элида создавала колонии в Эпире. Опунтийская Локрида участвовала в предприятиях Эретрии, а Озолийская Локрида при основании Эпизефирийских Локр пользовалась поддержкой Коринфа. Однако эти области были не столь заинтересованы в торговле, как Сикион, который не создавал колоний, но благодаря своему соседству с Коринфом извлекал коммерческую выгоду из западной колонизации. Оракул Аполлона Дельфийского как покровитель колонизации распространял свое влияние далеко на Запад и до ливийской Кирены, и до паросских колоний в районе Геллеспонта. Благодарные клиенты обогащали святилище щедрыми дарами, а государства Криса и Дельфы наживались за счет паломников.

Другие государства материковой Греции не создавали колоний, хотя отдельные группы их граждан присоединялись к потоку колонистов, устремлявшихся за моря. Но и они извлекали выгоду из ускоренного развития морской торговли. Эгина служила центром обмена в Сароническом заливе и после 610 г. имела собственный храм в Египте. Арголида поддерживала тесные контакты с Коринфом; возможно, аргосская художественная школа повлияла на некоторые западные колонии. В Аттике искусство развивалось медленнее, чем в Коринфе. Хотя здесь производилась изящнейшая керамика позднегеометрического стиля, на Западе найдено лишь несколько аттических ваз 750–700 гг. Уже в VII в. аттическая керамика начинает проникать в такие далекие страны, как Этрурия, Сирия и Египет; моряки приносили в дар Сунионскому святилищу в Аттике египетских скарабеев. В 600–550 гг. ассортимент и объемы аттического экспорта расширяются, и после 550 г. Аттика заняла место Коринфа как ведущего производителя керамики в греческом мире. Стремительному развитию аттической торговли на Западе после 580 г. способствовали тесные связи между Афинами и Коринфом, благодаря которым горшечники из Коринфа селились в Афинах, а афинские товары вывозились на западные рынки через Перахору на Коринфском заливе. Афинское проникновение в Сиракузы началось поздно, около 530 г., – признак того, что коринфские корабли не возили аттические вазы в Сиракузы, пока Афины, наконец, не превзошли Коринф в производстве изящной керамики.

4. Центры обмена

Итак, в широком плане период 750–550 гг. отмечен стремительным расширением морской торговли в Средиземноморье. Основные торговые пути известны нам в основном благодаря распространению изящной керамики, которая обычно производилась в материковой Греции, а не в колониях. Керамика в значительной степени перевозилась не пустая, выполняя роль сосудов для таких предметов роскоши, как масла, благовония и вина. Например, в коринфских арибаллах перевозили благовония и умашения; вероятно, Коринф обладал монополией на торговлю этими товарами с Западом. Вывозились из материковой Греции и другие товары – недолговечные или такие, чье происхождение невозможно установить. Пользовались спросом коринфская бронза, особенно доспехи, халкидские мечи. Коринфские корабли, вероятно, строили суда и для Самоса, и для колоний. Милет и, возможно, Мегара экспортировали шерстяные изделия. В общем, хотя имеющиеся у нас сведения фрагментарны, можно заключить, что колонии экспортировали сырье и продовольственные товары – драгоценные металлы, лес, шерсть, кожу, пшеницу и сушеную рыбу, – а импортировали из метрополии готовые изделия. Торговля, производившаяся по основным путям сообщения, приносила доход тем государствам, которые служили центрами обмена, в первую очередь дорийским государствам и их колониям. Перевозки через Истм обогащали Коринф, Мегару, Эгину и Сикион с их колониями Керкирой, Сиракузами, Потидеей, Византием и

Халкедоном. Из торговли по южным маршрутам извлекали доход Родос, Крит, Фера и Лакония, имевшие колонии в Фаселисе, Геле, Кирене и Таренте. По сравнению с ними ионийские государства, несмотря на их первенство в исследованиях и колонизации и усилия по развитию Черноморского бассейна, не имели таких выгод вплоть до VI в., когда Иония, получив доступ во внутренние районы Азии и в Египет, не поднялась на наивысшую ступень благосостояния. В богатейших центрах обмена – Коринфе, Лаконии, Крите и Родосе – производилась также и наилучшая керамика, и только в VI в. искусство Ионии, особенно Афин, составило конкуренцию дорийскому искусству.

5. Изобретение и распространение монет

В торговле бронзового и раннего железного веков обмен осуществлялся путем бартера, а самым ценным средством бартера являлись драгоценные металлы в виде крупных слитков или небольших бляшек в форме бобов. Именно из этих бляшек в три этапа производили монеты. Сперва по металлической бляшке ударяли металлическим прутом, делая глубокую отметину, которая демонстрировала бы однородность бляшки. Затем с обратной стороны бляшек стали прочерчивать тонкие желобки, по остроте граней которых можно было судить об износе бляшки. Наконец, на бляшку стали наносить символ, удостоверяющий ее стоимость и происхождение, и так появились первые настоящие монеты, то есть кусочки металла, «узаконенные использованием» (*nomisma*). При чеканке более мелких монет первая монета получала известность как стандартная монета фиксированного веса (*stater*). Монеты были изобретены в VII в. в Лидии, где их появлению способствовали особые обстоятельства. Здесь имелись богатые месторождения электрона – природного сплава золота и серебра, в котором процентное содержание компонентов было непостоянно, а следовательно, и стоимость металла колебалась. Гиг, царь Лидии (ок. 687–652 гг.), провел стандартизацию образцов электрона по их оттенкам и гарантировал стоимость монет из электрона, официально выпускавшихся Лидийским царством. На крупных монетах изображалась львиная голова, на более мелких – львиная лапа. Вес монет разного выпуска, вероятно, регулировался как степенью содержания в них золота, так и стоимостью при обмене на слитки чистого золота.

Изобретение Гига тут же оценили в Милете и Эфесе, поддерживавших тесные контакты с Лидией; там стали выпускать собственные монеты из электрона с вычеканенными на них государственными символами: львом, повернувшим голову, и пчелой или оленем. Их примеру последовали Фокея, Хиос и Самос. Два последних вскоре выпустили и серебряные монеты. Электрон Гига, или «золото», как его называет Геродот, вскоре стал знаменит по всему греческому миру. Но его славу затмила биметаллическая валюта Креза Лидийского (561–541). Он выпускал статиры из чистого золота и чистого серебра; золото для них извлекалось, вероятно, из местного электрона. Его статиры стали образцом для персидских золотых монет и серебряных шекелей (*sigloi*), чистейших и изящнейших монет Древнего мира, вплоть до правления Филиппа Македонского.

На Греческом полуострове не имелось месторождений золота и электрона. В нескольких местах, особенно на Эвбее и в Лаконии, добывалось железо, на Эвбее – медь, в Аттике – серебро. Изобретателем денег на полуострове стал Фидон, царь Аргоса, чьи серебряные монеты связываются с введением новых мер и весов, вскоре принятых большинством материковых государств. Хождение новых денег регулировалось по их отношению к железу. Дело в том, что жители материка прежде использовали для обмена и, несомненно, продолжали использовать позже железо в форме прутков (*oboloi*), пригоршней прутков (*drakhmai*) и крупных слитков. Поэтому и новые монеты получили старые названия – «оболы» и «драхмы»; шесть оболов составляли одну драхму. В Аргосе, как и в Лидии, выпуск монет

являлся официальным государственным актом. Вследствие этого Фидон посвятил железные прутки Гере, богине государства; такие железные прутки и железный слиток были найдены при раскопках аргосского Гереона. Чеканка серебряных монет осуществлялась в Эгине, центре обмена, куда серебро ввозилось, вероятно, с Сифноса. На монетах чеканили морскую черепаху и глубокую отметину. Промежуточные этапы, которые мы наблюдали при возникновении лидийской валюты, здесь отсутствовали. Поэтому эгинские монеты были скопированы с лидийских монет и появились позже, вероятно около 670–660 гг. (см. Приложение 4). Эгинские черепахи оставались стандартными пелопоннесскими монетами (кроме Олимпии) более двух столетий и продолжали находиться в обращении еще долгое время спустя. Таким образом, происхождение монет в Лидии и Эгине иллюстрирует знаменитые слова Аристотеля: «В целях обмена люди пришли к соглашению давать и получать нечто полезное само по себе, но вместе с тем и сподручное в житейском обиходе, например железо, серебро или иные металлы; сначала простым измерением и взвешиванием определяли ценность таких предметов, а в конце концов, чтобы освободиться от их измерения, стали отмечать их чеканом, служившим показателем их стоимости»¹³.

Лидийская и эгинская валюта основывались на различных системах весов, и их обращение регулировалось по отношению к разным металлам. Промежуточным звеном между ними явилась серебряная монета, связанная как с лидийской, так и с эгинской весовой системами. Первыми ее начали выпускать Самос и Коринф, вероятно в начале правления Кипсела (657–625). В храме Геры Лимении в Перахоре найдена надпись, возможно относящаяся к этому нововведению: «О белорукая Гера, я, драхма [нахожусь на твоём дворе]». Новый весовой стандарт назвали эвбейским. Коринфские статеры эвбейского стандарта получили широкое хождение на Западе, а также в материковой Греции и в Эгейском бассейне, так как Коринф был крупнейшим центром обмена во всем Средиземноморье. Когда другие государства начали чеканить монету, в каждом из них появился собственный весовой стандарт в соответствии с местными условиями, так как все эти монеты оценивались по истинной стоимости содержащегося в них серебра, электрона и золота, а рыночная стоимость серебра, например, менялась от места к месту и со временем. Так, в Лидии и Персии отношение стоимости золота к серебру составляло постоянную величину – $13\frac{1}{3}:1$; но во Фракии, где добывались и золото и серебро, это соотношение колебалось от 15:1 до 10:1, и то же самое должно было происходить в государствах, не имевших рудников. Соответственно, и точный вес монет в разных государствах был разным.

Тем не менее в период до 550 г. преобладали две основные системы – эгинская и эвбейская. Первой системы придерживались в Эгине, обслуживавшей Пелопоннес, Мегаре, Афинах примерно до 593 г., Беотии (первые монеты появились ок. 550 г.) и на южных Эгейских островах между Эгиной на западе и Родосом на востоке, включая Книд и Кавн на соседнем материке. Эвбейская система применялась в Коринфе, Афинах после 593 г., Халкиде (первые монеты ок. 550 г.), на Самосе и Кирене (первые монеты ок. 560 г.); к этой системе были ближе, чем к эгинской, системы Лидии, Милета, Эфеса, Фокеи и Хиоса. Две эти системы соответствовали двум различным сферам торговли, и переход Афин около 590 г. с эгинской на эвбейскую систему свидетельствует о повороте в их торгово-финансовой политике.

На Западе монеты появились в VI в. До этого обходились бартером, возможно, из-за того, что Коринф практически обладал монополией на обмен, включая и экспорт серебра в слитках. Положение изменилось, когда предприимчивые ионийцы наладили контакты с Дальним Западом и на рынке появилось испанское серебро. Оно поставлялось в Гимеру, Селинунт и Занклу. Те чеканили монеты в соответствии с собственным стандартом, к которому позже присоединился Наксий. К 550 г. Тарент, Сибарис, Метапонтий, Кавлония, Кро-

¹³ Однако большинство ученых относят возникновение монет к более раннему времени.

тон и Регий в Италии выпускали монеты коринфского стандарта из коринфского серебра. Керкира придерживалась своего стандарта, что, возможно, свидетельствует о ее выходе из-под влияния Коринфа. Но Сиракузы и государства юго-восточной Италии еще долго не чеканили монету, вероятно, из-за того, что по-прежнему торговали в основном с Коринфом. Связь между появлением монет и морской торговлей четко прослеживается на Западе. Здесь все ранние монеты имели крупный номинал, так как предназначались скорее для крупных сделок, чем для местной розничной торговли.

Греческая монетная система появилась на свет в основных центрах международного обмена, которыми являлись полисы, богатевшие на торговле. Они разделялись на три группы: ионийскую, во главе с Милетом и Эфесом, эгинскую, состоящую из Эгины и ее финансовых сателлитов, и коринфскую, во главе с Коринфом и Самосом, а позже включавшую Афины и Эвбею. С распространением денег монету начали чеканить и второстепенные центры обмена – Гимера, Тарент и Керкира до 550 г., Сиракузы, Кирена, Потидея и Тасос после 550 г. Греческие полисы не создали единых денег, как не достигли единства и в других отношениях, и с самого начала получили распространение различные конкурирующие стандарты и типы монет. Первичной функцией монетной системы было ускорение коммерческого оборота и обогащение полисов посредством накопления мобильного капитала. Но выпуск монет имел и далеко идущие последствия: он стимулировал процесс внутренней торговли и привел к созданию новой формы собственности в отдельных полисах. Некоторые государства – Спарта, Крит и Византий – сопротивлялись распространению монет. Они сохраняли свои социальные и политические институты за счет отставания в гонке за финансовое господство.

Греческие монеты относятся к прекраснейшим образцам греческого искусства (фото XI и XII). Чистота линий и изящество деталей характерны даже для первых монет – эфесских «пчел», эгинских «черепашек», коринфских «жеребят» и афинских «сов». Чеканившиеся на монетах эмблемы были официальными государственными символами; иногда их источниками являлись религиозные культы (как эфесская «пчела»), а иногда торговая продукция государства (например, афинская амфора для масла). Иногда на монетах выбивали геральдическую эмблему правителя или правящей семьи и инициалы царя или государства (например, инициалы Алиятта Лидийского, Афин и Халкиды), но изображать конкретных правителей в Греции было не принято до эллинистического периода.

Глава 4

Военное дело в период 750–550 гг

1. Войны за территорию и за гегемонию

Фукидид описывает сухопутные войны архаического периода как местные столкновения между отдельными государствами, которые обычно не вели к образованию могущественных группировок – коалиций и империй. Это описание корректно, но неполно. Новые государства, как появлявшиеся в материковой Греции, так и возникавшие за морями, боролись за место под солнцем, используя свои возрастающие ресурсы для войн друг с другом. Эти войны иногда становились решающими, так как надежно закрепляли обладание спорными территориями, но редко имели катастрофические последствия для одной стороны и приводили к резкому возвышению другой стороны. Тем не менее в этих войнах устанавливались границы полисов и определялось их значение в будущем.

Величайшая и самая катастрофическая из этих сухопутных войн уже описана нами выше. Спарта, первый дорийский полис на материке, покорила народы Мессении и расширила основы своего могущества, после двадцатилетней войны (ок. 740–720 г.), увеличив свою площадь и поработив население новых территорий. Коринф, стоявший во главе торговой экспансии и имевший от нее наибольшие выгоды, отобрал у Мегары ее южные земли в войне, закончившейся, вероятно, около 700 г. и известной благодаря героизму мегарийца Орсиппа, победителя Олимпийских игр 720 г.¹⁴ Тем самым было обеспечено будущее Коринфа как центрального обменного рынка в греческом мире, отныне он контролировал и сухопутные, и морские подступы к кратчайшему пути через Истмийский перешеек. Мегара, лишившись земель, богатых пастбищами и лесом, избавлялась от избыточного населения, сперва создавая заморские колонии, а позже покорив остров Саламин, который заселила около 600 г. колонистами, чтобы навсегда удержать его за собой. Их присутствие на острове угрожало морским подступам к Элевсину и Афинам. Вдохновленные воинственными поэмами Солона, афиняне напали на мегарян и заставили их покинуть остров. Война между двумя государствами тянулась долго, но к 560 г. Писистрат окончательно завладел островом, который имел такое же значение для будущего Афин, как и оккупация южной Мегариды – для Коринфа. С тех пор Мегара оставалась маленьким, но доблестным государством, чье существование зависело от ловкой дипломатии. Аналогичные войны между соседними государствами происходили в Ионии и Эолиде, иногда приводя к гибели полисов, например Смирны и Арисбы. На колонизируемых землях, где государства были расположены не так тесно и могли расширяться за счет более слабых народов, происходившие время от времени столкновения редко имели катастрофические последствия для одной из сторон, так как всегда можно было основать новые колонии, что сделали, например, милетяне, которых мегарские колонисты вытеснили из Гераклеи Понтийской около 560 г. Более важной в долговременном плане была борьба за морское господство и коммерческую эксплуатацию в западных морях, где Коринф столкнулся с Керкирой около 660 г., а Керкира с Амбракией около 620 г. В итоге Коринф укрепил контроль над своими колониями, но надолго испортил отношения с Керкирой.

При наличии широких взаимных интересов возникали коалиции. Так, Лелантинская война, которая велась до и после 700 г., началась как местный конфликт между Халкидой

¹⁴ Дата поражения мегарян является спорной.

и Эретрией за обладание спорной Лелантинской равниной. Однако ее последствия имели большое значение для торговых и колониальных держав Эгейского моря, так как Эретрия владела Андросом, Кеосом, Теносом и другими островами, а Халкида контролировала путь через пролив Эврипос; совместно они вели колонизацию Халкидики и подступов к Этретрии. По словам Фукидида, в Лелантинской войне участвовало большинство греческих государств. Но наверняка мы знаем лишь то, что Самос был союзником Халкиды, а Милет – Эретрии, и можем предположить, что Коринф выступил на стороне первой, а Мегара – последней. Решающая битва произошла на суше, и победу одержала Халкида с помощью фессалийской конницы. Эретрия, полагавшаяся на армию в 3 тысячи пехотинцев, 600 конников и 60 колесниц, утратила положение ведущей державы. Получивший независимость Андрос основал колонии на Халкидике около 655 г. Первенство перешло к Халкиде, которая совместно с Коринфом упрочила торговые связи с Западом.

На Пелопоннесе борьба поначалу велась за военное превосходство, на которое претендовал Аргос еще со времен завоевания, ссылаясь на старшинство царского рода Теменидов. Аргос играл ведущую роль в основании Сикиона, Эгины и Мегары и помогал Мегаре в успешной войне с Коринфом. Спарта бросила Аргосу вызов, поселив беженцев из Асины (город в Арголиде, захваченный Аргосом) на побережье Мессении. Аргос воспротивился этому и победил Спарту в сражении при Гисиях в 669 г. Вероятно, падение престижа Спарты и успех Аргоса побудили Пису в 668 г. поднять восстание против Элиды и в 660 г. завладеть святилищем в Олимпии. В 659 г. спартанцев, выступивших против Фигалии – области Аркадии, пограничной с Мессенией, – разгромили фигальяне и аркадские орестасийцы. Затем около 640 г. мессенцы восстали при поддержке Писы, Аркадии, Аргоса и Сикиона, и Спарте пришлось девятнадцать лет бороться за свое существование, получая некоторую помощь от Коринфа, Самоса и Лепреатиды. Наконец, Спарта одержала решительную победу. Она упрочила свою власть над Мессенией, упрочила свои государственные институты и подтвердила свою воинскую доблесть. В 546 г. она разгромила аргосское войско в битве, последовавшей за состязанием «трехсот защитников», выступивших с обеих сторон. Благодаря этой победе к ее территории была присоединена Тиреатида, а сама она стала могущественнейшей военной державой Пелопоннеса.

2. Военные державы центральной Греции

Севернее Пелопоннеса местный спор между фокийскими государствами Дельфы и Криса перерос в 1-ю Священную войну (595–586). Дельфы, на чьей территории находилось святилище Аполлона, к тому времени возглавляли так называемую Дельфийскую амфикионию. Амфикионами, или «окрестными обитателями», являлись двенадцать племен северо-восточной Греции – фессалы, перребы, магнеты, фтиоты, долопы, малеи, энены (или этеи), локры, дореи, фокеи, ионы, беоты, – а первоначально центр амфикионии находился в Фермопилах, неподалеку от святилища Деметры в Анфеле. Каждое племя имело два голоса в Совете амфикионии, который в первую очередь занимался вопросами религиозных ритуалов, но мог обращаться и к политическим проблемам. Криса контролировала подступы к Дельфам с севера и с побережья; она была сильнее Дельф и могла наживаться за счет паломников. Так или иначе, Дельфы внесли жалобу в Совет амфикионии. Совет, получив благословение дельфийского оракула, объявил Священную войну Крисе, которая была формально исключена из амфикионии и приговорена к разрушению. За этим решением стояла, вероятно, Фессалия, сплотившаяся ради войны и горящая желанием расширить свое влияние. Войска амфикионии под общим командованием фессалийца Эврилоха и с помощью Сикиона и Афин в 591 г. одержали победу. Уцелевших обратили в рабство, территория Крисы была посвящена Аполлону, в честь победы в 582 г. были проведены первые Пифий-

ские игры. На них председательствовал Эврилох, и фессалийцы в дальнейшем всегда возглавляли амфикионию. Армия, вдохновляемая гневом божества, победила, Криса перестала существовать. Дельфийская община совершила благодарственное богослужение под руководством дельфийских жрецов. Совет амфикионии взял в свои руки защиту святилища, управление его финансами и контроль за поведением своих членов в религиозных вопросах. Священная война укрепила престиж Аполлона и Дельф, продемонстрировала способность амфикионии решать политические вопросы и подчеркнула военное превосходство Фессалии среди государств к северу от Истма.

Это превосходство проявилось после Священной войны. Фессалийские войска покорили Фокиду и Локриду и вторглись в Беотию, но около 575 г. потерпели там поражение. В том же столетии фокийцы восстали и упрочили свою независимость, разбив в ночной атаке фессалийскую пехоту и заманив фессалийскую конницу в замаскированную ловушку, устроенную из кувшинов с вином. Таким образом еще до персидских вторжений фессалийская мощь начала ослабевать.

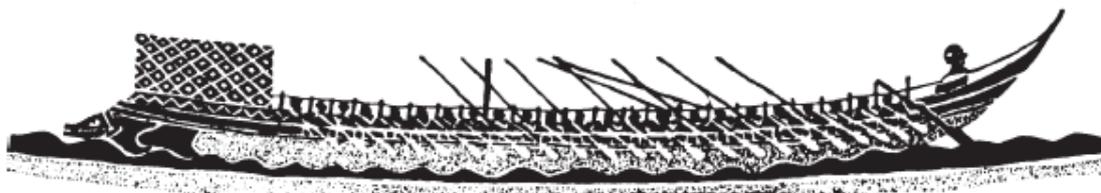
3. Характер ранних войн

В архаический период заслуги граждан перед государством определялись прежде всего их воинской доблестью. Тиртей и Солон как поэты и государственные деятели призывали своих сограждан к подвигам звучным ритмом своих боевых песен: «Хвала храбрцу, который, сражаясь за свою родину, гибнет в первых рядах; но нет ничего постыднее, чем покинуть свой город, его богатые поля и жить как бродяга»; «Мы идем к Саламину сразиться за этот любезный остров и сбросить с плеч ношу своего позора». Большинство войн велось в основном ради выживания. В их результате перестали существовать как государства Мессения, Криса, Смирна и Арисба. Порабощение уцелевших было обычным делом. Таких рабов иногда продавали за моря, а иногда навсегда селили на землях победителя. Спартанцы и коринфяне заставляли мессенійцев и мегарян посылать мужчин и женщин на оплакивание своих умерших господ, а спартанцы требовали от мессенійцев торжественно клясться, что те будут покорными, чтобы в случае восстания они лишились права на убежище в храмах. Если включать завоеванные земли в состав государства было непрактично, применялись другие методы. Имперские, а не гуманные соображения побуждали фессалийцев навязывать фокийским городам тиранов и чиновников. Принимали они и предосторожности на случай восстаний: брали от городов заложников и угрожали восставшим неограниченной войной (*aspondos polemos*), которая могла закончиться не порабощением, а резней побежденных.

В темные века исход войн, вероятно, иногда решался единоборством вождей, а порой, как, например, в войне между жителями Мегариды, мог соблюдаться рыцарский кодекс чести. Возможно, именно члены Дельфийской амфикионии ввели правило не уничтожать города противника и не пререкрывать друг другу водоснабжение в светской войне (в отличие от священной). Но в архаический период в войну втягивались более широкие слои населения, и правила часто нарушались. В битве раненых и безоружных добивали, а побежденных возвращали лишь мертвыми, причем без оружия. Однако некоторые правила, подкрепляемые религиозными санкциями и, вероятно, имеющие религиозное происхождение, все-таки соблюдались. Глашатаи и послы стали пользоваться неприкосновенностью, над погибшими больше не издевались и не отказывали им в погребении, перемирие для такого погребения объявлялось священным, договоры скреплялись нерушимыми клятвами, у алтарей богов можно было найти убежище. Видимо, в архаический период эти правила в целом соблюдались.

Элитным войском являлась конница. Колесницы героического века, вероятно, использовались в Лелантинской войне, но с тех пор они применялись в Греции лишь при процес-

сиях и на скачках. Конница в Лелантинской войне была решающим фактором, и исход войны определяли в конной битве; в Ионии конница также сохранила свое значение и в греческих государствах, и в Лидии. Но на Пелопоннесе, хотя престиж конницы сохранялся, ударной силой была пехота, и для важнейших битв после 700 г. характерны ряды пехотинцев, которых не могла повернуть вспять кавалерийская атака. Гоплиту приходилось усиленно тренироваться. Он был вооружен копьем длиной 6 футов (1,8 м) и должен был постоянно находиться на своем месте в строю, чтобы прикрывать незащищенный бок своего соседа; за его спиной стояли следующие ряды бойцов, укрепляя строй своим весом и своим оружием (фото IVa). Бой такого типа требовал силы, умелого владения копьем и дисциплины, и этими качествами сперва отличались аргивяне, а затем спартанцы. Насколько высок был престиж Аргоса, возможно, уже в начале VII в., видно из ответа дельфийского оракула. Эгийцы, захватив этолийскую пентеконтеру, спросили у бога, найдется ли кто-либо лучше их, и получили ответ: «Лучше вас поля Пеласгийского Аргоса, фессалийские кобылицы, спартанские женщины и люди, пьющие воду светлой Аретузы¹⁵. Но все же самые лучшие – те, кто обитает между Тиринфом и богатой овцами Аркадией, аргивяне в холщовых латах, орудия войны». Те, кто мог экипироваться шлемом, латами, наголенниками, копьем и мечом и упражняться в воинском искусстве, являлись элитой в любом государстве. Когда гоплитская тактика стала общепринятой, значение этой элиты увеличилось, так как исход войны нередко решался в упорной схватке между армиями гоплитов, и с ним смирялись до тех пор, пока разногласия касались лишь таких частных вопросов, как пограничные претензии. Но в архаический период решающие битвы, кроме войн между Аргосом и Спартой, происходили редко. Гоплитов хватало немногим государствам, а причины войн обычно были более фундаментальны. «Траншейная битва» в Мессенийской войне и захват Крисы не привели к окончанию войн; партизанская война продолжалась после этого еще одиннадцать лет в Мессении и пять лет на горе Парнас. Таким образом, войны бывали очень продолжительными, и порой более губительными для жизни и собственности, когда все здоровые мужчины участвовали в них как легкие пехотинцы, вооруженные мечами, дротиками, пращами или луками. Эти виды оружия также имели большое значение, и некоторые государства преуспели в их использовании. Но какой бы урон эти войны ни наносили, они привили грекам доблесть, которая пригодилась при основании колоний за морями, а позже при отражении персидского вторжения.

Пентеконтера в море. С аттической чернофигурной вазы работы Эксекия. Ок. 525–500 гг. (парус на росписи не изображен)

¹⁵ То есть халкидяне.

Глава 5 Политическое развитие (кроме Афин)

1. Кризис царской власти

Царская власть, преобладавшая во время героического века и в эпоху переселений, имела характерные особенности. Она напоминала конституционную монархию в том отношении, что привилегии царя были четко определены, царская власть освящалась религией и традициями, а право наследования имел царский сын. Как и при абсолютизме, царская власть была практически неограниченной в вопросах войны, религии, правосудия и политики. Монархия такого типа отвечала практическим потребностям воюющих и переселяющихся народов. Задачей царя (*basileus*) было удерживать под своей властью несколько племенных групп, причем каждая группа строилась на основе родственно-племенных связей, но отдельные группы не обязательно состояли в родстве друг с другом. Он должен был обеспечивать их единство своим авторитетом и в силу своего положения как главы государства. Обязанности царей были четко определены, но службы от своих подданных они требовали в соответствии с конкретной обстановкой. Царские роды, такие, как Гераклиды, Пенфилиды и Кодриды, заложили традиции монархии, повлиявшие на греческую мысль последующих эпох.

С изменением условий монархия стала редкостью. Новые государства восточной части Эгейского бассейна добились внутреннего единства и вскоре избавились от царей. Афины, защитив свои рубежи от дорийцев и отправив союзных им ионийцев за море, отменили монархию и стали республикой. На остальной территории материка за вторжением дорийцев последовал период распада. Крупные группы завоевателей, каждая во главе со своим царем, разделились на составные части – небольшие племенные ядра ничтожного размера, селившиеся сельскими общинами. Региональные царства сменились местными объединениями, а власть старинных царств едва ли распространялась за границы их бывших столиц. Если к концу темных веков деревни снова объединялись в бывшие региональные царства, те могли уцелеть. Но чаще деревни сливались в более мелкие группы, города-государства (*poleis*), и, например, на Крите царство Идомея сменила сотня политических образований. Этот процесс прозвучал погребальным звоном по монархии, так как дорийский полис обладал не меньшим внутренним единством, чем ионийские и эолийские полисы за морями. Уже при основании Эгины и Мегары их основателем (*oikistes*) и вождем (*archagetes*) назывался бог Аполлон, а не царь. При основании колоний ойкист также обычно не являлся царем.

Монархия продержалась дольше в тех местах, где традиционно имела глубокие корни (в Аргосе, Спарте, на Фере и ее колониях, в Таренте и Кирене), или где сохранялись примитивные условия, благоприятные для царской власти (например в северо-западной Греции и Македонии). В Аргосе старшая ветвь Гераклидов – сыновья Темена – изначально правила Арголидой и основала Сикион, Флий и Эпидавр. Темные века были отмечены распадом державы и образованием новых государств – таких, как Тиринф, Навплия и Асина, которые до самого конца сопротивлялись попыткам Теменидов вернуть их в состав царства. Лишь Фидон выполнил эту задачу. Вероятно, в первой половине VII в. он восстановил древнее царство Теменидов, подняв свой престиж разгромом Спарты при Гисиях в 669 г. и председательством на Олимпийских играх с согласия Писы. Единственными его достижениями, имевшими долговременный эффект, были выпуск первой монеты в полуостровной Греции и стандартизация фидонийской системы мер и весов. После его смерти Темениды лишились власти, и примерно к концу столетия монархия в Аргосе отмерла. Но Аргос ни как монар-

хия, ни как республика не смог объединить другие полисы Арголиды в сплоченную и долговечную державу – их политическая система была уже достаточно крепкой, чтобы сопротивляться этим попыткам.

В Спарте царская власть оказалась более прочной, потому что ей приходилось исполнять наиболее важную государственную функцию. Спарта, как мы видели, стала первым на материке полисом, созданным в результате объединения деревень, а кроме того, Спарта, как и Аргос, являлась старинной столицей царства Гераклидов. Таким образом, она имела и предлог, и возможности, чтобы постепенно покорить отдельные деревни и вернуть всю Лаконию под власть царей-Гераклидов. Спартанские цари представляли собой *fons et origo*¹⁶ нового государства лакедемонян, которое объединяло спартиатов, периеков, лаконийских илотов, а позже и мессенийцев. На торжественном погребении спартанских царей были обязаны присутствовать мужчины и женщины, представляющие все слои населения Лакедемона – спартиатов, периеков и илотов, и по всей стране соблюдался официальный десятидневный траур. Цари от имени Лакедемонского государства объявляли войну, командовали армией, в которые входили спартиаты, периеки и илоты, и приносили жертвы на границах Лаконии, прежде чем повести войско за границу. Они являлись верховными жрецами Зевса Лакедемонского и Зевса Урания, совершали все жертвы от имени общины и назначали посланников государства к оракулу Аполлона в Дельфах. Их имена первыми появлялись на документах Лакедемонского государства, они председательствовали на всех государственных торжествах и церемониях, их сопровождал конный отряд телохранителей. Таким образом, функции спартанских царей были сходны с обязанностями Британской короны. Царская власть объединяла не только Спартанское государство, но и его владения в Лаконии и Мессении. Сама Спарта была полисом, образованным как политический союз деревень-общин, и в рамках этого полиса власть царей была ограничена; например, они не имели никаких привилегий перед другими членами Герусии. Полис Спарта господствовал над всем Лакедемоном, монополизировав государственное управление. Но власть царей в Лакедемонском государстве была неограниченной, они являлись мостом между Спартанским и Лакедемонским государствами, будучи царями в них обоих.

В Фессалии царская власть возродилась в лице верховного военного командира (*tagos*), который, как и первые цари-Гераклиды времен завоевания, претендовал на власть над всей Фессалией. Первым тагом, вероятно, был Алекас, глава клана Гераклидов в Ларисе в конце VII в. Он требовал, чтобы каждое крупное поместье (*kleros*) выставляло по 40 всадников и 80 пехотинцев. В его войске было 6 тысяч всадников и более 10 тысяч пехотинцев – цифры отнюдь не невозможные, если вспомнить численность армии Эретрии в Лелантинской войне. Фессалийская кавалерия была первоклассной, но пехота, оснащенная легкими щитами из козьих или бараньих шкур (*pelte*), не могла сравниться с гоплитами. Возрождение военной власти царей примерно на столетие сделало Фессалию ведущим государством к северу от Истма. Впоследствии соперничество составных элементов армии ослабило ее боеспособность, а должность тага в результате интриг непрерывно переходила от одного крупного землевладельческого рода к другому.

2. Аристократия

Как правило, крушение царской власти происходило не насильственным путем, а в результате концентрации власти в руках следующего слоя – аристократии в лице родовых вождей, издавна составлявших царский совет и царский двор. Титул царя обычно сохранялся; в Аргосе, Афинах и Коринфе царь являлся высшим должностным лицом, а в Эфесе,

¹⁶ Исток и начало (*лат.*).

Милете и Наксосе – жрецом, но теперь он подчинялся совету старейшин как *archon basileus*, один из нескольких верховных правителей. Власть аристократического совета была укоренена в социальной структуре полиса прочнее, чем власть царя, так как аристократы являлись вождями племенных групп – фил, фратрий и родов, – которые, слившись, и образовали полис. В менее развитых областях, таких, как Элида, где небольшие общины (*damoi*) еще не слились воедино, царей сменила аристократия узкого круга вождей фратрий и родов (*patriaí* и *geneai*). В вопросах религии, правосудия и политики их авторитет был непоколебим, так как за ними стояли многовековые традиции.

Центральным органом аристократического правления в полисах являлся совет (*boule* или *gerousia*); его члены, избравшиеся по достижении зрелого возраста, который, например, в Спарте составлял 60 лет, а в Халкиде – 50, пожизненно сохраняли свою должность и были ни перед кем не подотчетны. Совет опирался на структуру фратрий и родов, которые действовали по прежней системе и соблюдали прежние принципы. Должностные лица как исполнительный орган совета находились под его жестким контролем. Скажем, в некоторых государствах высшие должности могли занимать лишь представители определенных семей; в других совет имел право проверки (*dokimasia*) и мог отклонить выставленную кандидатуру. Срок нахождения в должности обычно ограничивался одним годом, после чего поведение должностного лица рассматривалось советом. Во многих случаях исполнительная власть была разделена между несколькими должностными лицами, которые составляли коллегию, принимавшую решения большинством голосов.

Все аристократии являлись олигархиями, когда политическая власть находилась в руках узкого круга людей, но степень олигархии была разной. При наиболее узких формах аристократии монополию на высшие должности удерживало семейство, по наследству владевшее царским титулом. Например, коринфские Бакхиады происходили от царского дома Гераклидов, точнее, от выдающегося коринфского царя Бакха. Его непосредственные наследники также были царями, но примерно с 747 г. Бакхиады правят уже как группировка, выбирающая из своих рядов высшее должностное лицо, видимо носившее титул *basileus*, по имени которого называется год; браки они заключали лишь в пределах своего рода. В таком клане число мужчин старше 50 лет могло достигать 200. Аналогичной монополией на высшую должность обладали Пенфилиды в Митилене и Басилиды в Эритрах и Эфесе. При менее узкой форме аристократии должности удерживались несколькими фратриями, – например, в городах Крита и в Локриде властью обладали члены 100 семейств – или определенными группами, чьи привилегии первоначально восходили к временам завоевания и основания государств; такими группами являлись, скажем, гиппоботы в Халкиде и гаморы на Самосе и в Сиракузах.

Власть аристократии основывалась не только на религиозных и социальных традициях, но также на экономической и военной мощи. Как можно заключить из названий гиппоботов («лошадники») и гаморов («землевладельцы»), аристократы владели лучшими землями; их наследственные поместья (*kleroi*) приносили им большие доходы в эпоху, когда морская торговля находилась в зачаточном состоянии и коммерческая прибыль была невелика. Кроме того, лишь аристократы могли содержать конницу, которая являлась основной боевой силой ведущих полисов до 700 г., а в менее развитых областях и позже. Престиж и власть обеспечивали аристократам бесспорное лидерство и в колониальных предприятиях; они организовывали экспедиции, которые основывали колонии, и из их рядов выходили основатели колоний – например, Архий из Сиракуз и Херсикрат с Керкиры были членами клана Бакхиадов. Нельзя отрицать того, что аристократы ревностно служили своим государствам. Именно им следует приписать великие достижения архаического периода: создание полисов, расцвет греческого искусства и колониальную экспансию.

В большинстве государств аристократическое правление отличалось стабильностью. Оно покоилось на согласии гражданской общины, которая сама строилась на племенной основе и придерживалась единых социальных и религиозных принципов. Хотя политическое лидерство и исполнительная власть находились в руках аристократии, нам неизвестны какие-либо случаи, чтобы народное собрание лишалось своих прав. Собрание, вероятно, могло лишь выражать свое мнение по важнейшим вопросам, касающимся внешних сношений, колониальной политики, землевладения и так далее, и избирать кандидатов, выдвинутых правящим классом. Но в этих вопросах серьезное противостояние было маловероятно: в дорийских государствах народное собрание было не меньше аристократов заинтересовано в сохранении привилегий граждан перед сервами и перизками, а в заморских государствах – перед рабами и варварами. Там, где аристократия была сплоченной и адаптировалась к медленно меняющимся условиям, она оставалась у власти до V–IV вв.

Тогдашним законодателям нередко удавалось создать стабильные условия для долговечного аристократического правления. Коринфские законодатели Фидон и Филолай установили пределы численности привилегированного класса и систему земельных владений в Коринфе и Фивах, изменив законы о наследовании и усыновлении. В Эпизефирийских Локрах Залевк около 660 г. четко определил наказания за проступки и упорядочил судебную процедуру; возможно, ему же принадлежит закон, запрещавший продажу наследственных поместий и препятствовавший продаже вторичных поместий. В Катане Харонд провел реформу судебной системы, а в Халкидике Андродам Регийский, возможно вдохновленный примером Харонда, изменил порядок рассмотрения дел об убийстве и о наследстве. Эти законодатели решали три основные проблемы. Поскольку гражданами являлись лишь владельцы земельных участков (*kleros*), отчуждение последних в результате продажи или передачи по наследству уменьшало число граждан и увеличивало земельную собственность богатых горожан. Чтобы предотвратить эту тенденцию, было зафиксировано число земельных владений и приняты законы, разрешающие усыновление и защищающие права наследниц. Вторая проблема вытекала из отправления правосудия в судах фратрий и родов. Вследствие массового недовольства «нечестными вердиктами продажных царей», то есть аристократов, возглавлявших суды, эта система нуждалась в изменении. В-третьих, убийства вели к вендеттам со стороны родственников жертвы, ослаблявшим государство; бороться с этим можно было, лишь учредив государственный суд. Там, где законодатели решали эти вопросы, опасность революции оказывалась устранена.

Многие государства с аристократическим правлением реформировали свои институты мирным путем. Например, в Гераклее Понтийской и в Массилии было принято, что старший сын члена совета не мог сам стать членом совета, и аналогично в совет не мог войти младший брат, если членом совета был старший брат. Позднее эти запреты были отменены, и число членов совета в Гераклее Понтийской возросло до 600 и в Массилии, вероятно, также. В других случаях запрещалось членство в высшем государственном органе по праву рождения; теперь условиями для этого были богатство или военная служба. Такие реформы превратили аристократию в олигархию, если нам нужен формальный термин, чтобы избежать наименований типа «аристократическая олигархия» или «плутократическая олигархия». Скажем, в Регии правящий класс представлял собой наследников мессенийских поселенцев; вероятно, их избирали для службы по принципу рождения, но позже основой для избрания стал имущественный ценз. Совет Регия насчитывал тысячу членов, как и советы Эпизефирийских Локр, Катаны, Кротона и Опунта в Эпикнемидийской Локриде. В этих городах, вероятно, имелось и народное собрание, права которого были столь же ограниченными, как и при аристократии. В эолийской Киме и ионийском Колофоне, где правящий орган также насчитывал тысячу членов, народного собрания, по-видимому, вовсе не имелось. В других государствах правление узкой олигархической прослойки не было ограничено ни законами, ни

гражданским собранием. Подобная олигархия (*dynasteia*) находилась у власти в Фивах, а также в Ларисе, Фарсале и Кранноне, где богатство было сосредоточено в руках немногочисленных семей высшей знати.

3. Тирания на материке

В государствах, где решить эти проблемы не удавалось, власть нередко оказывалась в руках одного лица. Его незаконное правление называлось «единоличной властью» (*monarchia*) или лидийским словом *tyrannis*, вошедшим в широкое употребление. В силу ряда факторов происхождение тирании выяснить затруднительно. Сами тираны стремились обелить себя, а их противники, наоборот, представляли захват власти тираном в самых черных цветах. Действия тиранов, когда они находились у власти, лишь усугубляли поляризацию общества, деля его на убежденных сторонников тирании и столь же убежденных ее противников. В IV в. различные причины привели к новому всплеску тирании, и политические мыслители этого столетия пытались теми же причинами объяснить и тиранию VI в., причем особенно распространенной была гипотеза, будто тиранами становились профессиональные демагоги (*demagogos*), вожди демократической фракции. Поэтому для понимания этого явления важно опираться на опыт тех государств, которые избежали тирании в VII и VI вв., и на взгляды таких ранних авторов, как Солон, Феогид, Геродот и Фукидид.

«В целом, – писал Фукидид, – тирании возникали в полисах, когда увеличивались их доходы одновременно с ростом могущества Греции и накоплением в ней крупных богатств». Его мнение подтверждается тем фактом, что самые первые тирании возникли в Сикионе, Коринфе и Мегаре, которые являлись центрами коммерческой экспансии. Ускоренный приток богатств обострил проблемы, стоявшие перед многими государствами в VII в. Конкуренция мобильного капитала и земельной собственности, возможно, подрывала систему клеров, от которых зависели аристократы и простые граждане дорийских полисов. Углублялся раскол между богатыми и бедными, между гражданами и негражданами, а в политике появился новый фактор – авторитет, основанный на деньгах, а не на знатности рода. На этот фактор ссылаются Алкей и Феогид в своих эпиграммах: «Деньги делают человека, не бывает знатных или уважаемых бедняков»; «Родовитость отступает перед богатством». Более того, мобильный капитал являлся новым средством приобретения власти: на деньги можно было купить политическую поддержку и отряды наемников. И конечно, среди жителей всегда были недовольные элементы, рассчитывавшие поддержкой кандидата в тираны улучшить свое положение: обедневшие граждане, непривилегированные граждане, перизки, сервы и рабы. Однако эти элементы не были организованы и не могли победить сплоченную аристократию. Как заметил Аристотель и как доказали аристократические законодатели, «гармоничная олигархия редко становится причиной собственной гибели». Условия для установления тирании обычно возникали при расколе аристократической олигархии и использовании новых инструментов власти. Геродот, рассказывая об интригах и столкновениях, раздиравших олигархический класс, лаконично добавляет: «Так появились фракции, фракции привели к кровопролитию, а итогом кровопролития стало единоличное правление». Солон и Феогид описывают происхождение современной им тирании аналогичным образом: «Великие люди принесли гибель государству, и народ в своем невежестве оказался в рабстве у самодержца»; «От продажных судей пошли фракции, гражданские войны и единовластие».

В Коринфе около 657 г. Кипсел лишил власти Бакхиадов. Кипсел, сам Бакхиад по матери (она вышла замуж за отпрыска другого знатного рода Коринфа), вероятно, стал командиром армии граждан (*polemarchos*), изгнал Бакхиадов, убив их вождя, а их земли раздал своим сторонникам. Он правил Коринфом около тридцати лет и делал крупные пожерт-

вованья Дельфам и Олимпии, чтобы заручиться благословением богов. Вполне вероятно, что дельфийский оракул признавал его как царя Коринфа – этот титул ранее принадлежал вождю Бакхиадов. О внутренней политике Кипсела нам известно лишь то, что он перевел коринфскую монету на стандарт, родственной самосскому, но отличающийся от аргосского и эгинского. Во внешней политике он старался подорвать позиции Бакхиадов, нашедших убежище на Керкире, основав три важные колонии на Левкасе, Анактории и в Амбракии во главе с тремя его незаконными сыновьями. Возможно, его влияние привело в Сиракузах к изгнанию правящего клана Милетидов. Под конец своего правления он, вероятно, помирился с керкирскими Бакхиадами.

Кипселу наследовал его законный сын Периандр, который прибегал к услугам телохранителей. Он старался подчеркнуть благочестие своего режима богатыми дарами Дельфам и Олимпии, внедрением культа Диониса, строительством храмов и организацией грандиозных Истмийских игр. Доходы ему приносили пошлины на товары, транспортировавшиеся через преуспевающие порты и рынки Коринфа. Он издавал законы, препятствовавшие переселению жителей в города, старался контролировать местные расходы, ограничить роскошь, распущенность и покупку рабов. Во время его тирании, около 627–586 гг., Коринф достиг зенита процветания и могущества. Периандр проложил дорогу (известную как *diolkos*) для перевозки кораблей через Истм и предлагал прорыть через перешеек канал. Флоты Коринфа бороздили два моря. Покорением Керкиры и созданием колоний Аполлонии Иллирийской и Потидеи завершилось создание коринфской колониальной империи. Периандр посредством брака вступил в союз с Проклом, тираном Эпидавра, заключил политический альянс с Трасибулом, тираном Милета, и дружил с Афинами, Лидией и, вероятно, с Египтом. Украшением его двора был поэт Арион, а художественные изделия Коринфа широко расходились по всему греческому миру. Но Периандр был настоящим тираном в современном смысле этого слова. Он убил свою жену и изгнал своего сына Ликофрона. Когда Ликофрона убили керкиряне, он решил им отомстить, намереваясь отправить 300 сыновей знатных семейств в качестве евнухов Алиятту Лидийскому.

Его племянник и наследник Псамметих был убит около 582 г. Труп и кости его предков выбросили за границы Коринфа, а дома Кипселидов сровняли с землей. От ненавистной тирании, подавлявшей личные права и политические свободы, постарались не оставить ни единого следа. Даже дельфийские жрецы распространили сделанное задним числом предсказание, будто бы оракул предупреждал еще Бакхиадов относительно родителей Кипсела, что любой родившийся у них сын принесет несчастье. В Амбракии, где у власти находился брат Псамметиха, восставший народ установил демократию. В Коринфе власть перешла к олигархии. Подробности ее устройства практически неизвестны. Вероятно, ее основу составляла коллегия высших должностных лиц, обладавших значительной властью (*probouloi*), совет (возможно, *Gerousia*) и народное собрание (*halia*); восемь областей государства имели представительство в коллегии и в совете, причем, возможно, право избирать членов коллегии переходило по очереди к одной из областей, а остальные семь избирали членов совета. Интересно, что тирания в Коринфе не сменилась демократией. Коринфские тираны не поощряли переселения граждан в города и предоставления перизкам равных прав. Ремеслом и розничной торговлей, скорее всего, занимались иностранцы, которых привлекали процветающие порты и рынки Коринфа. Богатые граждане, разумеется, владели кораблями, а коринфские моряки составляли экипажи как торговых, так и военных кораблей, но большинство граждан в основном жили за счет своих земельных владений и охраняли традиционную исключительность Дорийского государства с его предпочтением к упорядоченной олигархии. Позже Пиндар воспевал славу Коринфа, как государства, в котором обитают Порядок, Справедливость и Мир вместе со сладкоголосыми музами, а копья молодых воинов несут в себе силу бога войны.

В соседнем с Коринфом Сикионе тираном в 655 г. стал Ортагор. Он и его наследники правили государством в течение века. Тираны Сикиона стремились к религиозному оправданию своего режима, для чего делали богатые пожертвования святилищу в Олимпии и поддерживали Дельфийскую амфикионию в 1-й Священной войне. Но после свержения тирании дельфийские жрецы огласили оракул, в котором бог предупреждал сикионцев, что их ожидает «столетняя кара»; подробность о том, что отец Ортагора был поваром, придумана жрецами, и ее не стоит принимать всерьез. Ортагор пришел к власти после того, как прославился в пограничной войне и был назначен полководцем. Сперва тирания была умеренной, но при Мироне II, которого убил его брат Исодам, Клисфене (ок. 600–570 гг.) и Эсхине приобрела репрессивный характер. Тираны занимали должность верховного жреца (*basileus*) и совершали жертвоприношения от имени государства. Мирон I, выигравший гонки колесниц в Олимпии в 648 г., посвятил Олимпии сокровища от имени «Мирона и народа Сикиона». Таким образом тираны пытались придать видимости законности своему режиму. Они не собирались менять социальную систему государства, судя по тому, что во время их правления один из классов сервов (*katonokophoroi*) был изгнан из города, где жили господа-дорийцы. Клисфен приглашал к своему двору художников. В частности, Дипозн и Скиллий, прибывшие с Крита, основали в Сикионе ведущую школу ваяния из паросского мрамора, а с сикионскими живописцами и скульпторами в первой половине VI в. могли соперничать лишь коринфские мастера. Клисфен воздвиг названный в его честь портик и основал Сикионские игры, посвященные Аполлону Пифийскому, которые прибавили блеска его дому и еще больше прославили его государство.

Во внешней политике Клисфен был самым выдающимся из всех сикионских тиранов. Располагая значительной армией, он приобретал союзников, обещая им военную помощь, и играл заметную роль в Священной войне. Он славился своей щедростью, основал собственные Пифийские игры, выигрывал гонки на колесницах в Олимпии и Дельфах и организовал состязания претендентов на руку своей дочери Агаристы: на закрытие Олимпийских празднеств 576 г. он пригласил женихов из всех областей Греции в Сикион, чтобы состязаться за право стать ее мужем. Претенденты прибыли не только из материковой Греции, но и из Италии. После упорной борьбы Агариста досталась Мегаклу, который позже возглавил клан Алкмеонидов в Афинах; их сыном был афинский государственный деятель Клисфен, а их внучка Агариста приходилась матерью Периклу. Единственным государством, с которым Клисфен воевал, был Аргос. Не ограничившись нанесением ущерба, Клисфен вдобавок оскорбил врага, загубив в Сикионе культ аргосского героя Адраста: он привез в Сикион останки фиванского героя Меланиппа, соперничавшего с Адрастом, а торжественные танцы перенес на новый праздник Диониса. Вероятно, именно с пережитками культа Адраста, а не с политической борьбой связано то, что Клисфен переименовал традиционные филы гиллейцев, диманцев и памфилов в «людей-свиней, людей-ослов и людей-боровов». Эти прозвища просуществовали еще шестьдесят лет после смерти Клисфена; их долговечность свидетельствует, что политические группировки в Сикионе больше не совпадали с делением на три старые филы, к которым еще прибавилась недорийская фила эгиалийцев; их Клисфен переименовал в «правителей».

Несмотря на всю помпезность своего правления, Клисфен недолго пользовался расположением дельфийских жрецов. Обратившись к богу с просьбой благословить гонения на культ Адраста, он получил резкий ответ, что Адраст был царем Сикиона, а Клисфен – всего лишь пращником. Дни тиранов в дорийских государствах уже были сочтены. Периандр сверг тиранию в Эпидавре, а наследника Периандра изгнали из Коринфа. К 555 г. были изгнаны тиран Эсхин и другие члены семьи Клисфена. Сикион восстановил свою свободу, а в Дельфах племя тиранов заклемили как язву на политическом теле.

Судя по тому, что Прокл, тиран Эпидавра, был тестем Периандра, его режим существовал где-то около 625 г. Имеющиеся у нас сведения о государственном устройстве Эпидавра, вероятно, относятся ко времени после, а не до этой ранней тирании. Исполнительная власть была сосредоточена в руках узкой олигархии из 180 человек. Очевидно, они составляли совет, из рядов которого граждане выбирали руководителей (*artynoi*), то есть высших должностных лиц, аналогичных аргосским (*artynai*). Большинство простых людей жили вне города и назывались пыльноногими (*konipodes*). Возможно, они являлись непривилегированными потомками периэков или сервов, аналогичных периэкам и *gymnesioi* в Аргосе. Судя по всему, в Эпидавре тирания не затронула общественную структуру.

В Мегаре, северном соседе Коринфа, в последней половине VII в. в качестве тирана возвысился Феаген. Он сумел обзавестись телохранителями, резал скот богачей (очевидно, лишь своих противников, потому что повальное уничтожение скота было бы абсурдом), построил знаменитый акведук и выдал свою дочь замуж за влиятельного аристократа Килона из Афин, который с помощью мегарийского войска безуспешно пытался стать тираном в своем государстве. В течение продолжительных смут в Афинах мегаряне оккупировали Саламин, а затем изгнали Феагена. Однако вернувшуюся к власти аристократическую олигархию свергли беднейшие классы государства. При демократическом режиме был принят закон, по которому кредиторы должны были вернуть должникам проценты, уже выплаченные по займам; несомненно, этот закон сопутствовал аннулированию долгов и отмене законодательства, охраняющего кредиторов. Демократы запятнали себя в глазах Совета амфикионии, не сумев наказать мегарян, напавших на группу паломников по пути в Дельфы. Затем амфикионы добились казни некоторых преступников и наказания остальных.

Вполне вероятно, что гражданская война между аристократами и демократами в середине столетия переросла в борьбу между богатыми и бедными, закончившуюся около 555 г. На этот период внутренних смут некоторый свет проливает собрание стихов, приписываемых Феогниду из Мегары, но на самом деле принадлежащих нескольким авторам. Направленность стихотворений откровенно аристократическая и олигархическая. Они оплакивают поражение благородной партии на политической арене; ненависть к богатым выскочкам в них так же сильна, как и к получившим равные права сервам, которые в прошлом батрачили за стенами города, а ныне распахивали земли аристократов. Тот факт, что в стихотворениях не упоминается тирания Феагена, свидетельствует, что тот не отменял аристократических привилегий дорийской общины. Революция свершилась на волне демократического подъема. В этих стихотворениях впервые показываются все губительные последствия гражданской войны между богатыми и бедными. «Мы лишились Веры, великая богиня, Умеренность отвернулась от людей, и Грации покинули нашу землю, мой друг. Люди больше не верят ничьим клятвам, и никто не поклоняется бессмертным богам. Поколение религиозных людей погибло; ныне забыты и законы, и благочестие». Воцарились ненависть, измены и нищета; жизнь человека зависит от милости богов, чьей воли он не может предвидеть.

Правление тиранов в Коринфе, Сикионе, Мегаре и Эпидавре совпало со столетием великого торгового подъема. Тираны были талантливыми людьми, на первое место ставившими безопасность своего дома, но придерживавшимися политики просвещенного эгоизма. Разорвав узкий круг аристократии, они не подвергали общество радикальным реформам, а, наоборот, старались умиротворить дорийские общины, на которых держалась их военная мощь. Они пестовали искусства и коммерцию, служившую им источником доходов; Кипселиды продолжили расширение колониальной системы Бакхиадов. Они действовали аристократическими методами: защищали религию, проводили спортивные праздники и сами участвовали в состязаниях и старались породниться со знатными домами. Демократами их назвать никак нельзя: они не освобождали периэков и рабов и не желали допускать народ к

власти. Их режим скорее был интерлюдией при переходе от аристократии к олигархии, которая действительно установилась после их свержения в Коринфе, Сикионе, Мегаре и Эпидавре. Их достижения трудно отделить от сопутствовавшего им коммерческого процветания, не созданного тиранами, но и не разрушенного ими. Тиранами становились в процессе естественного отбора наиболее способные и наименее щепетильные аристократы. Тирания в Коринфе и Сикионе представляла собой более чем столетний период стабильного правления, сопровождавшегося мирной передачей власти и внешней экспансией. Но на этом их заслуги кончались. Нанесенный ими вред был существенно больше: они подавляли свободу народа, который лелеял свободу; это подавление раскалывало государство на две партии – коллаборационистов и борцов за свободу – и способствовало возникновению подпольных политических клубов, готовых к революции. Все последствия тирании видны нам на примере Мегары, откуда Килон перенес в Аттику обычай создавать политические общества (*hetaireia*). В конечном счете само слово «тирания» приобрело в греческом мире оскорбительный характер.

4. Тирания на Западе и на Востоке

Греческие колонии в Сицилии и Италии управлялись аристократическими олигархиями, сохранявшими прочную власть до конца VI в. До 550 г. здесь появилось лишь два тирана. Оба были, вероятно, аристократами, и на смену их режимам снова пришла аристократическая олигархия. Панетий из Леонтин воспользовался своим положением полководца в войне с Мегарой Гиблейской и около 609 г. стал тираном. Имя Фаларида из Акраганта как жестокого тирана стало нарицательным. На празднике Тесмофорий он убил виднейших граждан, захватил с помощью наемников акрополь и разоружил народ; он успешно воевал с сиканцами и финикийцами, а в собственном государстве подавлял оппозицию методами террора. Во времена Пиндара еще сохранялась память о знаменитом бронзовом быке, в котором Фаларид заживо жарил своих жертв. Но ни он, ни Панетий не стремились изменить структуру общества. Их тирания скорее представляла собой интерлудию в эпоху аристократического правления, которое позволило колониям достичь вершин процветания.

Конец VII в. стал для ведущих государств восточной части Эгейского бассейна эпохой роста благосостояния и политической нестабильности. Власть узких аристократических кругов повсеместно узурпировалась отдельными аристократами, которые сумели воспользоваться преимуществами своей высокой должности, или согласованным выступлением военной группировки, или широким народным восстанием. В тиранов превратились и некоторые освободители. Например, в Эфесе Пифагор отнимал у богатых имущество, помогал бедным и не оглядывался ни на религиозные, ни на светские законы. Дельфы отказали ему в благословении. После него тираном стал Мелас, женившийся на дочери Алиятта; ему наследовал его сын Пиндар, который спас Эфес от подчинения Крезу на условиях собственного отречения. В других государствах диктаторскими правами наделялись отдельные лица, чтобы разрешить конфликты между партиями. Такие полномочия получили Гиннонд на Эвбее и Питтак в Митилене. Питтак был назначен арбитром (*aisymnetes*), чтобы прекратить гражданскую войну, которая разгорелась после того, как он убил тирана Меланхра. Борьба шла между тремя партиями – группой аристократов, демократической партией во главе с Мирсилом и партией, возглавляемой знатным родом Клеанактидов. Питтак урегулировал конфликт, изгнав первую группу, членом которой был поэт Алкей. Из стихотворений его мы узнаем о всей жестокости борьбы. В то время как Феогнид проводит обобщения, Алкей заявляет о своей ненависти к конкретным лицам. «Единогласными криками одобрения безродный Питтак был назначен тираном мягкотелого и злосчастного государства»; «Теперь, когда Мирсил мертв, все должны веселиться и напиться допьяна». В Милете после свержения жестокого

тирана Фрасибула в течение двух поколений, вероятно около 580–520 гг., государство раздирали гражданская война. По-видимому, именно в это время возникли два экстремистских политических клуба, названных по имени богачей и ремесленников – «Hetaireia Ploutis» и «Hetaireia Cheiromacha», раскрывающие нам смысл восклицания милетского поэта Фокилида: «Лучше порядок в маленьком государстве, стоящем на прочной скале, чем безумие в Ниневию».

В целом ионийские тираны разрушили старый порядок, но сами не сумели создать стабильное правительство; в этом смысле они принесли еще больше вреда, чем тираны в дорийских государствах в метрополии. Последствия тирании в Ионии также усугублялись тем, что ионийцы были лишены дисциплинированности дорийских общин, и необходимости держать в подчинении обширные слои неравноправного населения. Племенные связи здесь были слабее, а индивидуализм сильнее, чем на материке, поэтому для Ионии характерна более неприкрытая борьба между олигархией и демократией, между богатством и бедностью. Фракции ослабляли государство политически, и они одно за другим оказались под властью Лидии, а позже – Персии. Но их экономическое процветание практически не пострадало: с одной стороны, Иония занимала выгодное положение в расширяющейся сфере греческой коммерции и всю им пользовалась, а с другой – внутренняя борьба, вероятно, затрагивала лишь членов политических группировок. Лишь гораздо позже, при ухудшении экономических условий, стали очевидны все последствия фракционных раздоров в греческих государствах.

Быстрый рост экономического процветания способствовал укреплению средних и нижних классов в тех ионийских городах, которые особенно активно участвовали в морской торговле. Таким государством в начале VI в. был Хиос. Здесь узкий круг аристократии лишился власти, после чего было создано умеренное правительство с некоторыми демократическими чертами. Государственные указы издавало народное собрание, вероятно, путем голосования в полном составе. Граждане имели право обращаться в Народный совет, в который от каждой филы избиралось по 50 членов. Этот совет собирался на свои сессии раз в месяц для разбора гражданских дел и завершения слушаний по апелляциям, а его исполнительный орган состоял из народных магистратов (*demarchoi*). Кроме народных магистратов, Народного совета и народного собрания, имелись еще государственные чиновники (*basileis*) и, вероятно, второй, более старый совет, представлявшие собой наследие аристократического государства и развившиеся из системы фил. Основой наших знаний о хиосском государственном устройстве служат надписи на камне, найденном на обочине у современного города Хиос, которые фиксируют постановления народа, касающиеся отправления правосудия. Из этих надписей мы можем получить первое представление об избранном хиосцами методе разрешения государственного кризиса, особенно подходящем для ионийского духа.

Глава 6

Государственное развитие Афин и Спартанского союза

1. Афинское государство до 600 г

В течение X в. Афины являлись сильнейшим государством на материке. Они отбили скоординированные атаки пелопоннесских дорийцев, а затем организовали ионийское переселение. Афинская керамика позднего протогеометрического периода была самой изящной в Греции, а влияние Афин распространялось далеко за их границы. Ни одно дорийское государство не могло сравниться с этими достижениями. Но впоследствии Афины утратили свое лидерство, и в период 735–625 гг. аттическая керамика, хоть и сделанная с большим искусством, распространялась лишь по соседним территориям. Теперь Афины далеко отстали от дорийских государств – Коринфа, Спарты и даже Мегары. Дело было не в упадке Афин, а в резком возвышении последних. Дорийцы лидировали в кораблестроении, в великих колониальных предприятиях и в коммерческой экспансии, они имели лучшее гоплитское войско, чеканили монету и первенствовали даже в «восточном» стиле керамики. Объяснение этому следует искать в сфере политики. Дорийские государства превратились из разобщенных племенных царств X в. в новые полисы, имеющие меньшие размеры, но более сплоченную организацию, и более динамичные. Афины же оставались именно племенным государством, численностью граждан превосходящим Коринф и Фивы, но с более рыхлой структурой и потому не столь эффективным. Задачу о том, как наделить Афины сопоставимой политической организацией и как реализовать их духовный и людской потенциал, решали два афинских государственных деятеля – Солон и Клисфен.

По своим размерам Аттика не уступала Беотии. Но если в Беотии возникли десятки полисов, то Аттика в течение столетий оставалась единым государством. Мегарида имела меньшую площадь и намного меньшую численность граждан; однако мегаряне существовали благодаря классу сервов, а в Аттике, как и в Беотии, сервов не было. Аттика делилась на три округа: равнина (*pediake*) – территория вокруг Афин и Элевсина; побережье (*paralia*) – выдающийся в море полуостров, заканчивающийся мысом Сунион; и нагорье (*diacria*) – северные районы, в основном занятые горами Парнес и Пентелик. Все население делилось на четыре филы, названия которых сохранились во многих заморских ионийских государствах. Каждая ионийская фила подразделялась на три братства (*phratrīai*); поскольку землевладения членов фратрий были четко определенными и неотчуждаемыми, каждая фратрия в географическом смысле именовалась третью (*trittys*). Таким образом, в Аттике было двенадцать фратрий и двенадцать триттий. Они являлись фундаментом государственного устройства вплоть до реформ Клисфена 508 г. Каждая фратрия состояла из двух групп – членов родов (*gene*) и членов гильдий (*orgeones*). Основное различие между ними в том, что члены родов работали на земле (и владели ею), а члены гильдий занимались торговлей и ремеслами.

Род являлся большой семейной группой, состоящей из многих домов; одни дома рода (*oikoi*) были знатнее других. Например, Фемистокл был членом рода Ликомедов, но происходил не из ведущего дома, в то время как Перикл был членом ведущего дома Бузигов со стороны отца и Алкмеонидов со стороны матери. При создании племенного государства число родов было зафиксировано; и поскольку членство в них было наследственным, новых родов не возникало. До Солона семейный надел не мог уйти из семьи, а если семья вымирала, то из рода. Таким образом, земля – самая важная форма собственности – была неотчуждаема. Гильдии появились позже. Приезжавшие в Аттику изгнанники часто получали гражданство.

Сперва их принимали в роды. Позже, вероятно в период перед ионийской миграцией, они объединялись в гильдии, численность которых могла увеличиться за счет новых членов; допускалось также создание новых гильдий. Гильдии не имели корней в семейной системе и не участвовали в первоначальном распределении земли между семьями; исходя из этого, можно предположить, что собственность члена гильдии могла быть отчуждена путем продажи или передачи по завещанию.

Афинянин, достигавший зрелости, получал равноправие, будучи принят во фратрию в качестве либо члена рода, либо члена гильдии; после этого его регистрировали в списке его фратрии и рода или гильдии. Если впоследствии кто-то оспаривал законность его членства, то из фратрии, рода или гильдии вызывали свидетелей. Роды и гильдии представляли собой не просто общественный и политический способ существования. Они глубоко коренились в религиозной жизни государства. Церемония принятия новых членов носила религиозный характер и включала в себя религиозные обязательства. Фраторы и оргеоны совершали корпоративные богослужения. Еще сильнее были религиозные связи, скрепляющие род. Роды владели собственными храмами и гробницами в сельской местности, а их погребальные обряды стали частым предметом изображения на аттических вазах начала VII в. Их привязанность к местности, в которой находились их древние святилища и могилы, была сильнее привязанности к Афинам. Кланов обладали большим социальным и политическим могуществом, чем гильдии. Они представляли собой племенную элиту, имели численное большинство и владели всеми плодородными землями Аттики. Из родов происходили наследственные жрецы государства, такие, как Эвмолпиды, Керики и Этеобутады. Вероятно, проведение религиозных церемоний, судопроизводство и прием новых членов в фратрии осуществляли истинные *gennetai*, старейшины родов, так как каждая фратрия и каждый клан, в свою очередь, являлись государством в государстве.

После ликвидации царской власти религиозные обязанности царя стал осуществлять царь-магистрат (*archon basileus*), военные обязанности – военный магистрат (*polemarchos*), а гражданские обязанности – *archon*, по имени которых с 683 г. назывались годы, когда назначение трех архонтов стало осуществляться ежегодно. В более поздние времена архонтбасилевс по-прежнему председательствовал на государственных праздниках и религиозных церемониях, решал споры между родами и между жрецами и судил несомненные случаи кровопролития. Полемарх исполнял военные, религиозные и судебные (по отношению к постоянно живущим в государстве иностранцам) обязанности. Архонт-эпоним обеспечивал людей и средства для государственных праздников и принимал решения по делам, касающимся наследства и семейных прав. В судебных вопросах магистраты выносили окончательные, но не предварительные решения. В светских делах их обязанности в первую очередь относились к арбитражу споров между родами и между жрецами. Позже был организован совет из шести секретарей (*thesmothetai*), которые записывали, но не оглашали законы. Таким образом, всего имелось девять высших магистратов, известных как архонты. По окончании срока должности архонты становились пожизненными членами совета, который заседал на холме Ареопаг.

Ареопаг проверял новоназначенных архонтов, следил за их работой и принимал у них дела при оставлении должности; он контролировал состояние государственных дел, охранял государственное устройство и законы, назначал наказания без права апелляции и передавал штрафы в государственную казну. Таким образом, он являлся ключевым органом государства. Всегражданское собрание (*ekklesia*) обладало элементарными, но важными полномочиями. Оно избирало магистратов и, соответственно, кандидатов в члены Ареопага. Однако кандидатам необходимо было обладать «родословной и богатством», и, следовательно, членам гильдий путь наверх был закрыт дважды. Народное собрание, несомненно, обсуждало некоторые государственные дела и выносило по ним решения; степень его компетенции,

вероятно, была ограниченной, и внесение вопросов в повестку дня находилось исключительно в руках Ареопага. Каждый гражданин имел право обратиться к Ареопагу, назвав закон, в нарушении которого он обвинялся.

Такое государственное устройство освящалось столетиями традиций. В VII в. оно имело практически те же достоинства и недостатки, что и другие греческие государства. Перед афинским правительством вставали аналогичные проблемы, но его задача была труднее, поскольку оно управляло крупным племенным государством, в котором власть родов была неприкосновенна. В 632 г. Килон, юноша из знатного рода, с помощью афинских сторонников и мегарских солдат захватил афинский Акрополь, намереваясь стать тираном. Народ объединился вокруг архонтов и блокировал Акрополь. Когда Килон бежал, его люди искали убежище у алтаря Афины, но многие были убиты на месте. За это святотатство ответственность несли Алкмеониды. Их вождь Мегакл, как архонт того года, являлся организатором блокады и, вероятно, набирал блокадные отряды в основном из членов своего рода. Кошунство легло пятном на все государство. В последующие кризисные времена чувство вины давило тяжелым бременем на общественное сознание. На исходе столетия решение по этому делу вынес специальный суд из 300 членов, избранных исключительно по принципу родовитости. Алкмеониды были признаны виновными; живые навечно изгонялись из города, а останки мертвых выкопали из земли и выбросили за пределы Аттики. Данный пример показывает нам силу религиозных убеждений и страх перед осквернением государства, идею родовой ответственности за поступки отдельных лиц и аристократический принцип отбора судей.

В 621 г., еще до суда над Алкмеонидами, секретарем (*thesmothetes*) с особыми полномочиями оглашать законы был назначен Драконт. Подобно Залевку и Харонду, он в первую очередь заботился не о работе государственных институтов, а об отправлении правосудия. Его юридический кодекс представлялся мыслителям последующих эпох крайне суровым. Например, долговые законы в некоторых случаях давали кредитору полномочия обращать в рабство и продавать несостоятельных должников и зависимых от него лиц. Самой насущной проблемой, которой занимался Драконт, была судебная процедура в случаях кровопролития. Ранее подобные дела, вероятно, разбирались в судах фратрии или филы, к которой принадлежали истец и ответчик, или в межфильном суде, если они принадлежали к разным филам. Межфильный суд назывался Пританеем, по имени помещения, в котором он собирался, а судьями в нем были цари, то есть четыре царя фил (*phylobasileis*) и, вероятно, архонт-басилевс. Но кровопролитие могло осквернить государство в целом. Поэтому Драконт упрочил позиции государства, учредив апелляционный суд, апелляцию в который мог подать суд филы или фратрии. Этот суд состоял из 51 члена, они назывались апелляционными судьями (*ephetai*) и избирались специально для рассмотрения конкретного дела, причем исключительно по принципу знатности.

Пританей и апелляционный суд рассматривали лишь дела о кровопролитии и убийствах. Верховный суд Ареопага рассматривал преступления против государства, в частности измену. Именно эти суды упоминаются в законе Солона об амнистии. «Тем, кто лишился прав до архонства Солона, возвращаются все права, за исключением тех, кто во время действия этого закона находился в изгнании по приговору суда Ареопага, или по приговору апелляционного суда, или царского суда Пританея по обвинению в кровопролитии или убийстве, или по обвинению в измене»¹⁷.

Закон Драконта об убийствах частично сохранился в точной копии, сделанный в конце V в. и зафиксировавший подробности, в то время уже архаичные. Поэтому этот самый ранний дошедший до нас юридический документ представляет огромный интерес. В случае

¹⁷ Порядок слов в греческом оригинале показывает, что дела об измене рассматривал Ареопаг.

неумышленного убийства убийцу отправляли в ссылку. Дело разбирали цари, а предварительный вердикт выносил апелляционный суд в составе 51 члена. Преступника могли простить, если на это давали *единодушное* согласие: 1) мужчины – ближайшие родственники погибшего; 2) если они откажутся, то мужчины – родственники не дальше двоюродного брата; 3) если и они откажутся и при условии, что апелляционные судьи вынесут вердикт о непредумышленном убийстве, то 10 членов фратрии, избранных судьями по принципу родовитости. Эти условия демонстрируют силу семейной и родовой организации, которая единогласным решением могла даровать прощение и, значит, отменить приговор о пожизненном изгнании. Условие номер 3 относилось к случаям, когда убитый был членом не рода, а гильдии. В этом случае его интересы представляли не члены гильдии из его фратрии, а члены рода, так как представители фратрий избирались лишь по принципу знатности. Далее закон определяет порядок обвинения, право которого имели аналогичные группы, и на этом запись обрывается.

Здесь, как и в случае суда над Алкмеонидами, очень важен аристократический принцип. Судей обоих судов и представителей фратрий избирали исключительно по праву родовитости (*aristinden*), вследствие чего исключались члены гильдий, так как они могли избираться лишь по праву богатства (*ploutinden*). Право обвинения и право прощения имели только племенные группы – семья, род или единокровные члены фратрии. Контроль со стороны государства был минимальным. Государство определяло судебную процедуру, а суд решал, являлось убийство умышленным или нет; но государство не присваивало право на обвинение, приговор и помилование (в отличие от нашего времени). Государство уважало, но не контролировало привилегии и полномочия составлявших его племенных групп, а члены гильдий, будучи равноправными гражданами, были исключены из участия в новой процедуре, установленной государством.

2. Юридические и экономические реформы Солона

Невзирая на законодательство Драконта и изгнание Алкмеонидов, фракционная борьба обострялась, и гражданская война грозила уничтожить государство. Страну раздирали многочисленные процессы: соперничество между ведущими родами, столкновения интересов различных округов, политические амбиции олигархов и демократов, раскол между богатыми и бедными и членами родов и гильдий. К особенно тяжким последствиям приводили долговые законы Драконта. Точный смысл этих законов и их применение уже давно являются предметами дискуссий. Нижеследующее объяснение основано на стихотворениях Солона и лучшем комментарии к ним – плутарховской биографии Солона.

Законы Драконта были разными для членов родов, чьи земли принадлежали роду и являлись неотчуждаемыми, и для членов гильдий, чья собственность была личной и отчуждаемой. Когда член рода брал в долг, он отдавал в залог не свой неотчуждаемый надел, а то, что было на нем выращено. В случае его несостоятельности закон требовал, чтобы он и его семья были прикреплены к земле на неопределенный срок и отдавали кредитору шестую часть урожая. Таких несостоятельных члены родов называли шестичастниками (*hestemogoi*), и на их земле устанавливали закладной камень (*horos*). Но их собственность не переходила к кредитору. Она была «порабощена» кредитором в том смысле, что земля и прикрепленная к ней семья теряли свободу, и их зависимое положение отмечалось закладным камнем. Член гильдии мог заложить свою собственность и семью, поскольку закон не запрещал продажу жены и детей; если же он оказывался несостоятелен, по закону кредитор становился владельцем должника и его семьи и мог продать их в рабство на родине или за границей, как пожелает.

Эти жесткие долговые законы в первую очередь отвечали интересам правящего класса. Возможности, которые предоставляли появление мобильного капитала, коммерческая экспансия и внутривосточная борьба, побуждали людей к ростовщичеству и обогащению за счет как членов родов, так и членов гильдий. Очень скоро «весь простой народ был в долгу у богатых. Одни обрабатывали землю, платя богатым шестую часть урожая, их называли гектеморам и фетами; другие брали у богатых в долг деньги под залог тела; заимодавцы имели право обратить их в рабство; при этом одни оставались рабами на родине, других продавали на чужбину»¹⁸. Сам Солон так описывает ситуацию: «Вскоре все государство оказалось в постыдном рабстве, которое пробудило недовольство и гражданскую войну, и в ней погибли многие доблестные мужи... таковы были бедствия нашей родины... Многие бедняки, скованные позорными кандалами, были проданы в чужие земли».

Для преодоления этого кризиса Солон, архонт-эпоним в 594/93 году, был назначен арбитром с неограниченными законодательными полномочиями. Несомненно, его поддерживал средний класс. Экстремисты надеялись поживиться; богачи стремились к большим доходам, а бедняки рассчитывали получить и свободу, и землю. Позже, когда обе группы разочаровались, Солон оправдывался таким образом: «Если доведется мне предстать перед судом времени, свидетельствовать в мою защиту будет черная Земля, Верховная мать олимпийских богов, с чьей груди я снял закладные камни, расставленные тут и там; доселе бывшая рабой, ныне она свободна. Я вернул в Афины, на богоданную родину, многих людей, проданных за границу, – одних справедливо, иных несправедливо, – и иных, бежавших от бремени долга, которые уже забыли аттический язык, а прочих я здесь, в Аттике, освободил от позорного рабства, в котором они жили в вечном страхе перед хозяевами». В словах Солона обозначены основные направления его реформ. Он отменил систему шестичастников, убрав камни, свидетельствовавшие об обязательстве отдавать долю урожая кредиторам, и тем самым освободил и саму землю, и тех, кто был к ней прикреплен. Он вернул личную свободу проданным в рабство на родине и за границей. Он не только аннулировал прошлые контракты, низводившие людей до положения шестичастников или рабов, но и отменил текущие долги.

Эта реформа получила известность как «снятие бремени» (*seisachtheia*); освобожденных от долговой кабалы называли «отсекшие долги» (*chreokoridai*); кредиторы в некоторых случаях разорились. Исполнение реформы Солона требовало времени, так как нужно было найти, выкупить и восстановить в правах афинян, проданных в рабство за границу, и зафиксировать отмену контрактов и долгов. На будущее Солон издал новые долговые законы, по которым запрещалось давать в долг на условиях обращения несостоятельных должников в шестичастников и под залог собственной свободы. Эти долговые законы уравнивали в правах членов родов и членов гильдий, принцип неприкосновенности личности распространялся и на тех и на других. «Я издавал законы в духе равенства худородных и высокородных, руководствуясь единой справедливостью для всех».

Готовясь к этой решительной реформе, Солон пригласил критского прорицателя Эпименида очистить государство от скверны и обратился к дельфийскому оракулу, который ответил: «Сядь посреди корабля и спокойно правь им; многие афиняне на твоей стороне». Чтобы утихомирить дух фракционности, Солон издал закон об амнистии, восстановив в правах всех, кто был их лишен, за исключением изгнанных за «кровопролитие, убийства и попытки установить тиранию». Память о том, как он поставил интересы государства выше интересов партий, вдохновляла афинян в мрачные дни 403 г. Алкмеониды не попадали под амнистию, так как они только что были изгнаны за «убийства», хотя решение об их изгнании принимал особый суд, а не лица, поименованные в дошедшем до нас отрывке закона.

¹⁸ Плутарх. Жизнеописание Солона. Перевод С. Соболевского.

Чтобы преодолеть спад экономики, вызванный отменой контрактов и репатриацией освобожденных рабов, Солон наложил временный запрет на экспорт любых сельскохозяйственных продуктов, кроме оливкового масла, которого даже в этот кризисный момент было в избытке. Он издал законы, касающиеся попечения о вдовах и сиротах, а также убийств, – эти вопросы требовали неотложного решения по окончании гражданской войны. Рассмотрение дел о преднамеренных убийствах было передано из апелляционного суда в суд Ареопага; можно предположить, что тем самым государство упрочилось за счет судов фил и фратрий.

По вопросам долгов Солон, в сущности, вернул государство к додраконтовским временам, но не сделал ничего для предотвращения обнищания, которое и заставляло людей брать в долг. Имея в виду эту цель, он сознательно перевел экономическую политику Аттики с чисто сельскохозяйственных на преимущественно коммерческие рельсы. В то время Афины входили в фидонийскую сферу мер, весов и монеты, которую здесь начали чеканить в конце VII в. В этой сфере главным экспортером и импортером была Эгина, чье положение в Сароническом заливе давало ей преимущество над Афинами. Поэтому Солон перешел на эвбейскую систему, переместив Афины в сферу влияния Самоса и Коринфа, чтобы облегчить своему государству, до того вынужденному торговать с соседними Эгиной, Беотией, Мегарой и Арголидой, доступ на дальние рынки Востока и Запада. Поскольку Афины владели серебряными рудниками в Лаврионе, они могли чеканить монеты нового стандарта, в то время как старая монета обменивалась на новую по фиксированной ставке. На монетах Солона (фото XIe) вместо прежней эмблемы, вола, стали изображать афинскую амфору для оливкового масла; серебро, шедшее на монеты, было отличного качества, гарантируя афинским купцам доступ на многие рынки. Мелкая же монета выпускалась с отметинами, свидетельствовавшими о качестве денег, чтобы поощрить их использование во внутренней розничной торговле. Солон надеялся, что благодаря развитию торговли репатриированные члены гильдий найдут возможность прокормиться. Но он был настолько уверен в будущем Афин, что либо в первый, либо во второй (592/91) периоды пребывания у власти не только заставлял афинян заниматься ремеслами и отдавать своих сыновей в обучение ремесленникам, но и обещал гражданство любым иностранцам, которые поселятся со своими семьями в Аттике и будут заниматься торговлей, а также всем изгнанникам. Широкое предоставление гражданства было смелым шагом. Несомненно, благодаря ему Афины переманили из Коринфа и Эгины многих ремесленников, которые на родине не могли получить гражданство вследствие дорийской политики сословного неравноправия. Своими реформами Солон заложил основы будущего процветания Афин.

3. Государственные реформы Солона

Когда внедрялись долговая, юридическая и финансовая реформы Солона, они то и дело оказывались под огнем критики. Вероятно, в 592/91 аттическом году Солон был назначен реформатором государства с неограниченной законодательной властью. Первым его шагом было намерение изменить требования к кандидатам на выборные должности – если раньше от них требовались «знатность и богатство», то теперь только «богатство». В прошлом зажиточные граждане на основании имущественного ценза разделялись на всадников (*hippeis*) и рядовых (*zeugitai*); к этим классам Солон прибавил еще два: самые богатые стали пятисотмедимниками¹⁹ (*pentakosiomedimnoi*), а беднейшие – трудящимися (*thetes*). Ценз основывался не на размерах капитала, а на ежегодном доходе, выраженном в объеме сельскохозяйственной продукции – зерна, масла и вина, – к которому были приравнены другие формы дохода. Границы между классами были установлены на отметках в 500, 300 и 200 мер. Вероятно,

¹⁹ М е д и м н – мера объема для зерна. Один медимн приблизительно равен 50 литрам. (Примеч. пер.)

чтобы компенсировать государственные расходы, вызванные реформой, Солон установил для трех высших классов специальный налог (*eisphora*), видимо в пропорции 6:3:1, с максимальным пределом в один талант, полталанта и 10 мин для каждого класса соответственно. Четвертый класс не платил налогов, так как ежегодный доход бедного фета был приблизительно в 60 раз меньше дохода пятисотмедимника.

Представители первого класса могли избираться на должность государственного казначея (*tamias*); члены первого и второго классов – в архонты и на другие высшие должности; члены первого, второго и третьего классов – на низшие должности. Члены четвертого класса были лишены права занимать должности. Это изменение требований к кандидатам носило принципиальный характер, поскольку члены кланов и члены гильдий получали равные права. Но во времена Солона эффект от этого новшества был невелик, так как богатейшими людьми Аттики были, как правило, аристократы-землевладельцы.

Процедура избрания осталась прежней: прямые выборы большинством голосов народного собрания. Девять архонтов, включая тесмотетов, отныне собирались коллегиально с целью координации своих действий. Их полномочия изменились лишь в сфере правосудия, так как Солон наделил правом апелляции на указы архонтов народный суд, который мы опишем ниже. Более низшие чиновники, известные нам лишь с этого времени, вероятно, существовали и раньше: *paucragoi*, заведовавшие финансами 48 подразделений, в целом составлявшие 12 триттий; *poletai*, заключавшие сделки от имени государства и продававшие конфискованное имущество; «одиннадцать» – чиновники, ответственные за государственную политику; *kolakretai*, занимавшиеся в первую очередь государственными жертвоприношениями.

Совет Ареопага состоял, как и раньше, из бывших архонтов и являлся центральным органом государства. Он выступал гарантом законов государства, руководил работой исполнительных органов и осуществлял общий контроль за состоянием государственных дел. Он имел полномочия выносить административные наказания, по которым отсутствовало право апелляции. Как юридический суд, отныне он разбирал случаи преднамеренного убийства, а процедура разбора дел об измене была модифицирована.

Параллельно Ареопагу Солон учредил Совет четырехсот, в который выбиралось по 100 представителей от каждой филы, вероятно пожизненно. Главной обязанностью этого совета было готовить вопросы для рассмотрения в народном собрании. Все вопросы, ставившиеся на повестку дня народного собрания, совет не только подвергал предварительному рассмотрению, но и выносил по ним рекомендации. Поскольку эти рекомендации носили обязательный характер, совет теоретически мог отозвать рекомендацию и таким образом отменить рассмотрение вопроса в народном собрании. Взаимоотношения обоих советов и народного собрания описываются фразой, взятой, видимо, из стихотворений Солона: «Государственный корабль, снабженный двумя якорями, не так сильно качает на волнах, отчего и люди на нем ведут себя не столь беспокойно».

Солон уже укрепил положение низшего класса, защитив его право на личную свободу, подчеркнув его место в экономике государства и даровав гражданство приезжим ремесленникам и изгнанникам. Но он не собирался позволять народному собранию, в котором низший класс, вероятно, имел абсолютное большинство, раскачивать корабль государства. Компетенция собрания в качестве совещательного органа была ограничена. Совет Ареопага толковал законы. Совет четырехсот выбирал вопросы для обсуждения и выносил предварительное решение по каждому из них. Народное собрание голосовало за или против предложенного решения, но само не имело права предложить новое решение; это была прерогатива Совета четырехсот. Но даже если по воле народного собрания законом становилось революционное решение, Совет Ареопага мог его аннулировать, если оно противоречило основным законам государства. Таким образом, народное собрание имело крайне ограниченную

сферу деятельности, но в ее рамках оно обладало суверенной властью, и в его работе на равных участвовали все граждане вне зависимости от их знатности или богатства. Как избирательный орган, народное собрание избирало высших должностных лиц из списка кандидатов, подвергавшихся имущественному цензу и проходивших процедуру проверки, которую, вероятно, осуществлял Ареопаг.

Солон превратил народное собрание в судебный орган под названием Гелиея. Это было важное новшество, так как впервые народ, точнее, представители народа, избранные по жребию, играли роль присяжных и судей. Сперва Гелиея, вероятно, рассматривала лишь апелляции и выносила дополнительные приговоры. Но она также занималась апелляциями на решения архонтов, а позже стала проверять деятельность архонтов по окончании срока их должности, отняв эту функцию у Ареопага, который, вероятно, еще осуществлял ее во времена Солона. Однако был установлен принцип ответственности архонтов перед народом. Ареопаг, тем не менее, по-прежнему был огражден от вмешательства со стороны Гелиеи. Его члены не отчитывались в своих поступках, и на судебные приговоры Ареопага нельзя было подать апелляцию.

Олигархи впоследствии называли законы олигархическими, демократы – демократическими, а Аристотель определил их как «смешанные»: Ареопаг он считал олигархическим органом, выборных архонтов – аристократическим, а Гелиею – демократическим. Солон внес в афинское государственное устройство лишь несколько новшеств, но они были очень важными. Учреждением Совета четырехсот и Гелиеи был разорван аристократический круг Ареопага и архонтов, в котором осуществлялся окончательный контроль за работой всех политических, исполнительных и судебных органов. В случае эффективной работы новых учреждений аристократия должна была лишиться возможности отнять у народного собрания всякую власть и обрекать бедных на экономическое и личное рабство. Именно этой цели добивался Солон. Он не был ни революционером, ни доктринером, а всего лишь бесстрастным арбитром в эпоху жестокой политической борьбы. Итог своим достижениям он подвел следующими словами: «Я дал народу достаточные привилегии, не уменьшая его прав, но и не требуя для него лишнего, и при этом оставил на подходящих местах тех, кто находился у власти и заслужил уважение своим богатством. Свой крепкий щит я простер над обеими партиями, не позволив ни одной из них взять верх, нарушив справедливость». Баланс власти, который Солон установил своими законами, соответствовал, по его мнению, способностям и опыту различных классов государства. Не следует забывать и средний класс, которому Солон отвел соответствующее место в исполнительных органах, во втором совете, в народном собрании и в Гелиеи. С этим классом связывались главные надежды на будущую стабильность.

Солон впервые закрепил за каждым гражданином право лично выступать перед судом в защиту себя или потерпевшей стороны. Тем самым он освободил всех без исключения граждан от соответствующего контроля со стороны рода или гильдии. Право апелляции к народному суду включало и апелляции, внесенные судами фил, фратрий и родов; народный суд мог вынести и дополнительный приговор. Например, закон Солона гласит: «Если Гелиея вынесет новый приговор, осужденного следует на пять дней заключить в колодки». Солон также пересмотрел юридическое законодательство Афин. Он отменил все законы Драконта, кроме тех, которые определяли порядок рассмотрения дел о кровопролитии. Из нового кодекса нам известно лишь несколько законов, которые цитировались юристами и другими авторами в последующие времена. Солон в интересах родов издал закон, защищающий наследниц и сирот, хоть он уже гарантировал неотчуждаемость земельных владений, освободив шестичастников. Другой закон Солона определял процедуру выдачи приданого и похорон и ограничивал соответствующие расходы; завещать наследство человеку из другого рода разрешалось лишь при особых обстоятельствах и при условии, что он будет при-

нят в род. В интересах гильдий Солон объявил их контракты юридически обязательными, если они не противоречили законам государства; процентную ставку по долгам он оставил нефиксированной, а штрафы установил и в деньгах, и натурой. Нам известен и ряд законов Солона, касающихся общественных отношений, например, запрещающий продажу женщин, за исключением уличенных в нецеломудрии, и клевету на мертвых. Законы Солона были высечены на каменных колоннах в Царском портике.

4. Принципы Солона и правление Писистрата

Более важны, чем подробности реформ Солона, воплощенные в них принципы. Солон поставил интересы государства превыше интересов партий и родов и требовал участия всех граждан в управлении государством. Он даже издал закон, что во время политической борьбы каждый должен встать на ту или иную сторону. Его законы освящались религиозными санкциями: каждый гражданин приносил клятву верности, и каждый архонт и советник обязался посвятить Дельфам золотую статую, если он нарушит закон Солона. Солон определил для каждого класса в государстве соответствующую степень ответственности и провозгласил идеал межклассовой социальной справедливости. Он руководствовался принципами разума, свободы, умеренности и гуманности. Афинам не всегда удавалось соответствовать стандартам Солона, но эти стандарты неизменно признавались здесь в качестве важного наследия.

Солон был также заметным представителем религиозной мысли своей эпохи. Он верил во всемогущую силу богов и в справедливость верховного бога, Зевса, согласно которой самонадеянность ведет к наказанию. Но божественное правосудие, как понимал Солон, отличается от земного. Подобно весенней буре, гнев Зевса обрушивается не на одного человека, а на многих, и поэтому в семье страдают невинные дети, а в государстве – невинные граждане. Человек – хозяин лишь своих поступков. Индивид контролирует собственное поведение, а внутренние отношения в группе контролирует группа. Обязанность индивида – понять себя, обязанность группы – осознать гармоничные взаимоотношения между ее частями, что и является «справедливостью» в том смысле, в каком можно говорить о «социальной справедливости». Когда общество нарушает эту внутреннюю справедливость, наступает хаос, совпадающий с волей Зевса и затрагивающий каждого члена общества. Ни государство, ни личность не властны над внешними обстоятельствами, такими, как здоровье и чума, процветание и катастрофы. Несмотря на все надежды, заслуги и усилия не приносят успеха; нередко хорошего работника постигает неудача, а плохой работник преуспевает. Заслуги – награда сама по себе, а успех непредсказуем. Самого Солона высмеивали за то, что он не сумел воспользоваться своим положением и не обогатился. Он отвечал: «Многие негодяи богаты, и многие праведники бедны; но мы не можем обменять богатство на честь, ибо деньги перетекают от человека к человеку, а честь остается навечно». Он жил так же, как и проповедовал, – в свете своего разума и своих идеалов. Он видел и величие, и горечь человеческой жизни. Наряду с «Илиадой» и «Одиссеей» стихотворения Солона заслуживали стать силой, вдохновляющей ионийские Афины, и стали ею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.